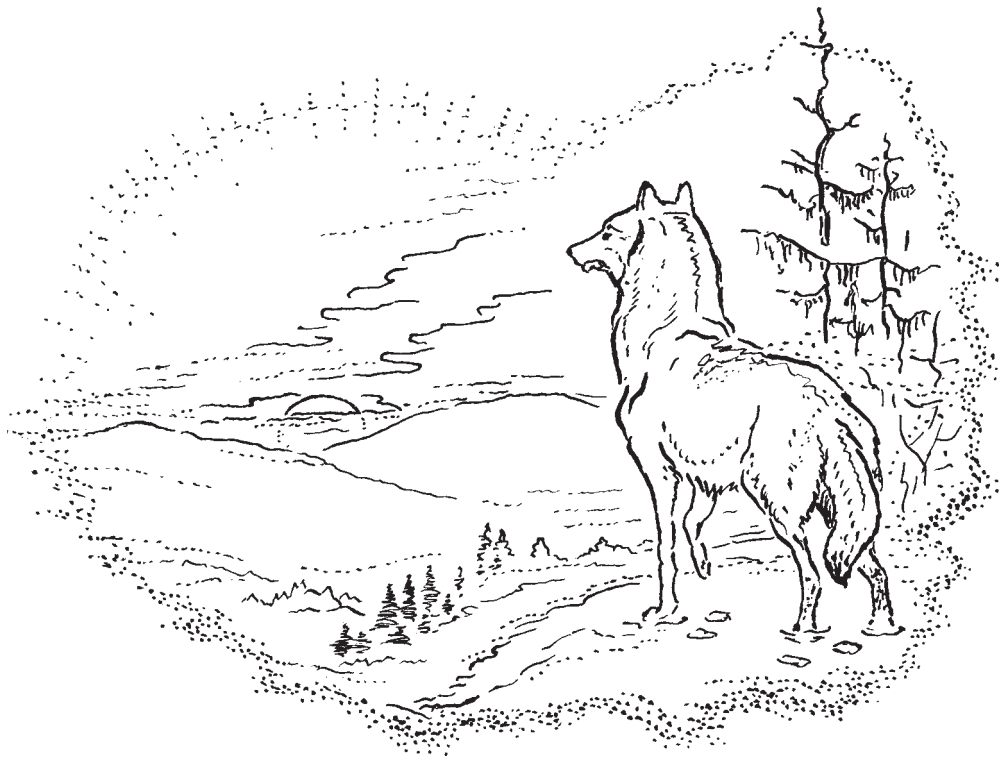

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 1
Выпуск 2 1999

Редакционная коллегия:

Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Листопад О.Г., Украина
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Симонов Е.А., Россия
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук

Адрес редакции:

Украина,
02218, г. Киев,

ул. Радужная, 31-48 e-mail: vladimir@kekz.freenet.viaduk.net

Address:

Raduzhnaya str. 31-48
02218 Kiev

Ukraine

Humanitarian ecological journal

Volume 1 • Issue 2 • 1999

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,
Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (**WCPA/IUCN**)

Компьютерный макет — В.Н. Грищенко, Е.Д. Яблоновская-Грищенко
Обложка — волк, рис. С.А. Лопарева

- © Гуманитарный экологический журнал, 1999
- © Киевский эколого-культурный центр, 1999
- © Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 1999
- © Humanitarian ecological journal, 1999
- © Kiev ecological and cultural centre, 1999
- © World Commission on Protected Areas IUCN, 1999

РЫБЫ В СКАЗАНИЯХ НАРОДОВ МИРА

В.И. Козлов

Дмитровский филиал Астраханского гостехуниверситета
Россия, 142460, Московская обл., Ногинский р-н, п. Воровского,
ул. Рабочая, 15, кв. 40.

Культ рыбы как спасителя людей и Земли при Всемирных потопах

В памяти людей, благодаря мифам, остаются конкретные крупные события, происходившие на Земле. Одним из таких явлений были глобальные наводнения — “Всемирные потопаы”. Рыбы в период потопа выступали в мифах разных народов как спасители жизни. Академик В.В. Полищук (1994) считает, что на памяти людей было пять глобальных потопа, которые он назвал “Платоновским” (7500 до н. э.), “Атлантическим” (5500 до н. э.), “Всемирным” (3100 до н. э.), “Девкалиононым” (1400 до н. э.) и “Библийским” (800 до н. э.). Причины потопа связаны с землетрясениями и другими тектоническими явлениями, таянием ледников, прорывами вод, скопившихся в долинах, извержениями вулканов и падением небесных тел.

В ареале народов, где существуют мифы о потопах, особенно на его периферии (Иране, Закавказье, Сирии, Турции, Палестине), сохранился культ рыбы как спасителя людей и Земли. Об этом свидетельствует шумерский текст, переведенный как “Дом рыбы”. Это монолог, в котором сказано, что для обеспечения безопасности рыбы строится специальный дом — храмовый бассейн (Топоров, 1982).

Храмовые бассейны для рыб — атрибут многих обязательных строений на Ближнем Востоке, в Закавказье, Египте. Такие священные бассейны были известны еще у древних индоевропейцев — ариев, живших несколько ты-

ся лет назад на севере Европы. Обнаруженное святилище Белеса или Беловодское святилище ариев у Сейд-озера (по-саамски “Святое озеро”) уже имело на горе Нинчург священный колодец (Асов, 1998).

В древнем ливийском городе Сива священный бассейн Аммона-Ра до сих пор наполнен водой, хотя он был построен жрецами города Аммония в годы жизни фараона Эхнатона IV (1419-1400 до н. э.). В России до наших дней редкая местность не имеет своего Святого озера, для чего достаточно посмотреть карту любого крупного региона.

Небольшая карповая рыба, имеющая кроме местных грузинских названий — пичхули, калуги, капвести, луджа, капуети, имеет и другое — храмуля, то есть храмовая рыба (Барач, 1941). Это самая ценная рыба у грузин. Только в самых торжественных случаях она готовится к столу.

В древнем Китае разведение аквариумных рыб — следствие распространения религии. Одним из объектов селекции в бассейнах и аквариумах стал серебряный карась. В Китае различают три разновидности карасей: куродзи или черный карась (*Carassius carassius*), гиндзи или горбатый черный карась (*C. a. gibelio*) и дзи — китайский серебряный карась (*C. a. auratus*). Здесь первые сведения о разведении оранжевых или золотых рыбок появились задолго до Конфуция (551-479 до н. э.). Их изображения встречаются в самых ранних письменных памятниках, на гербах знатных семей. Они становятся неотъемлемой частью буддизма. Ведь каждый буддийский

храм имел бассейн с золотыми рыбками.

У иранцев и их соседей рыба-спаситель бога — чистое существо. Известно, что когда один кафир выпустил стрелу из лука в небо, чтобы поразить бога, рыба закрыла его своим телом. После этого у нее образовались раны-жабры. Видимо, поэтому и у славяноиндоариев не было в обычае приносить в жертву рыбу. В “Велесовой книге”, написанной в 880-890 гг., рассказана история праславян за полторы тысячи лет. На одной из дощечек записано древними язычниками жрецами: “Боги русов не берут жертв людских и не животных, единственно плоды, овощи, зерно, молоко, сырное питье (сыворотку) на травах настоенное, и мед. Никогда живую птицу и не рыбу...” (Лесной, 1995).

Видимо, потому, чтобы не обидеть рыбу, выработался ряд ритуалов, связанных с рыбной ловлей. Пережитки культа известны у осетин, предков алан. Бог Домбетыр запрещает ловить рыбу, когда она мечет икру.

У северных славян, как пишет Вешняков (1894), был бог моря, которого называли Perdoatys. Он был, вместе с тем, богом рыбы и рыбаков. При выходе в море ему приносили жертвы, по окончании которых жрец становился перед толпой рыбаков, разделяя ветры и, с предсказанием успеха, повелевал куда и когда должна отплыть каждая лодка.

Народы Северной Сибири считают, что у рыб есть свой покровитель — “волосатый отец”, который пасет рыбные отары и помогает рыболовам. Ас-ях-Торум не только бог верхней Оби, но и распорядитель рыбными богатствами (Топоров, 1982). У нивхов или гиляков хозяин моря, живущий под водой, распоряжается икрой рыб, поддерживает их численность. Близкий миф есть у японцев. Богиня пици Укэмоти постоянно беспокоится о том, чтобы в

море всегда была рыба, которая нужна ей для поддержания жизни подвластного ей народа.

Люди, чтобы не исчезнуть с лица земли во время потопов, превращаются, по верованию ацтеков, в рыб. Бог Тескатлипок превращает себя в Солнце, а землю населяет людьми, сотворенными из пепла. Остальные боги сделали так, чтобы все было смыто водой, а люди превратились в рыб. В китайской версии потопа Гунь принимает после гибели облик рыбы, а из его тела возникает Юй, которому удастся укротить воды. Рыба в Китае была одним из символов богатства.

Магическое значение рисункам рыб придали хевсуры и другие горцы Кавказа, а также жители Средней Азии. До сих пор можно видеть “рыбные” мотивы в орнаменте построек, на блюдах и тарелках, вышитых женских одеждах и полотенцах.

На многих древних рисунках можно видеть, как рыбы и киты выполняют роль опоры Земли. Сами же они плавают в водах безбрежного океана. При резком движении плавающей рыбы, как свидетельствует бурятский эпос, начинаются землетрясения или, как утверждает алтайский миф, наводнения. Объяснения этим явлениям природы можно найти у японцев и айнов.

В индийских верованиях рыба фигурирует в качестве ездового животного — солярного божества, когда Солнце объезжает в своей ладье, запряженной рыбами, Землю.

Рыба выступает как земное начало у китайцев эпохи Шан (Инь) в XVI-XI вв. до н. э. На бронзовых сосудах размером около 1 м, выполненных по восковой модели, отмечалось четыре продольных шва, которые служили символами четырех сторон света. Декор сосуда имел горизонтальное деление на три пояса. Самый нижний заполнялся стилизованными волнами с изображением плавающих рыб, симво-

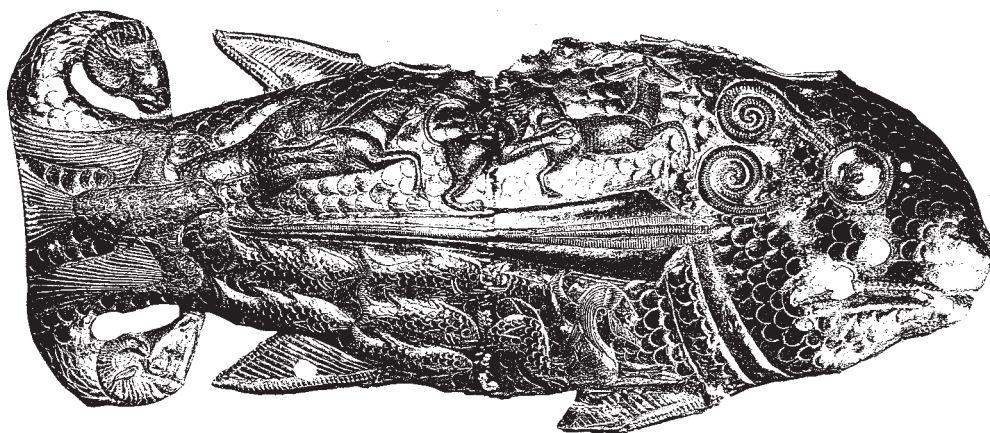

Рис. 1. Золотая пластинка-пряжка из одного из скифских курганов.

лизирующих стихию воды. Средний слой — мир земли, заполнялся двигающимися животными, а верхний — небо и горы — показывался треугольником.

Еще более интересное подобное представление о мире существовало у скифов. Роль панно выполняла большая рыба — пластинка из золота. Рыба разделена по боковой линии. Внизу — изображения маленьких рыб, вверху, над боковой линией, высечены животные в зверином скифском стиле. На хвостовом стебле заканчивает боковую линию изображение летящей птицы. Золотая пластинка рыбы использовалась как застежка на поясе (рис. 1).

Рыба выступала и как символ силы. В древнееврейской традиции она связана с демоном Асмодеем, особенно в его отношениях с Соломоном и Товией. Товия с помощью рыбы одолевает демона.

Религиозное табу на рыбу и священные водоемы

В связи с тем, что рыбы были у многих народов священными животными, выработалось табу на употребление в пищу некоторых видов. Нами такое запрещение рассматривается с двух сторон: рыба могла быть ядовитой сама

от рождения или же являлась быстро портящимся продуктом питания.

Известно, что у отечественных рыб — усача, маринки и др. — икра в период созревания становится ядовитой. Не зря усач у украинцев и белорусов называется марена, что у древних славян означало царицу Смерти. Слизь многих морских рыб также ядовита. Иногда неправильно приготовленная рыба, например фугу — деликатес японской кухни, может быть причиной отравления.

В библии читаем (гл. 47):

“И сказал Господь Моисею и Аарону...

9. Из всех животных, которые в воде, ешьте сих: у которых есть перья и чешуя...

10. А все те, у которых нет перьев и чешуи, в морях ли или реках, из всех плавающих в водах и из всех живущих в водах, скверны для вас.

11. Они должны быть скверны для вас; мяса их не ешьте, и трупов их гнушайте” (Левит, гл. II, Библия о животных чистых и нечистых).

В Коране, священной книге мусульман, из 107 аятов 21 суры некоторые изречения (сура 16 и др.) связаны с запретом ислама потреблять в пищу свинину и есть рыбу без чешуи ...”это — скверна, или нечистое...”

Запреты, по моему мнению, были связаны прежде всего с тем, чтобы убедить людей от отравления. Ведь в жарких и особенно пустынных районах при отсутствии в то время способов длительного хранения продуктов пищевая интоксикация — обычное явление. Бактерии ботулизма размножаются в первую очередь в быстро портящихся продуктах. А рыба, не имеющая чешуи, раненная гарпуном или покусанная хищником, чаще всего могла испортиться. То же относится и к быстро портящейся на жаре свинине.

Рыбы могли быть объявлены священными, поскольку принадлежали к храму. А жрецы и другие служители культа, как наиболее грамотные и посвященные в тайны, запрещали употреблять их в пищу. Такими у буддистов были золотые рыбки. В древнем Египте среди многих священных животных — кошек, крокодилов и других — была и небольшая рыбка — слонорыл нильский.

У многих народов рыба воплощает душу умершего человека, выступает как некий представитель нижнего мира — царства мертвых. А для того, чтобы воскреснуть, нужно там побывать. У монголов и других буддистов Будда выступает как рыбак — ловец душ. Поэтому и сейчас озера Монголии обильны рыбой, так как она практически не используется местными жителями.

Не случайна и “рыбная” метафорика Иисуса Христа. Формально греческое слово рыба (ἰχθύς) расшифровывается как аббревиатура “Иисус Христос — божий сын, спаситель душ” (Топоров, 1982).

С рыбой связывается тема умирающего и воскресшего бога плодородия, которая прослеживается в афро-евразийском мифе об Иштар. Основой культа Иштар является Ниневия, что означает “Дом рыбы”. Лукиан (120-190 гг.) в своем трактате “О Сирийской богине” рассказывает о прекрас-

ном юноше Комбабасу, который жил в Гиераполе. Он оскопляет себя сам, а фаллос бросает в воду, который проглатывается рыбой. Похожие варианты египетского мифа об Осирисе из грузинской сказки “О девяти сыновьях царя”. Младший сын грузинского царя берет живую воду из источника, принадлежащего женщине-рыбе. Когда юношу убивают и расчлениют, женщина-рыба собирает тело и, с помощью воды из источника, воскрешает его (Мешанов, 1925).

Чудесное воскрешение библейского Ионы, как известно, происходит после того, как он был проглочен рыбой. Попадание человека в желудок рыбы, а затем его вызволение известно и у других народов. Так, в русской сказке Ивана проглатывает щука-рыба, которая затем сама его и изрыгает. Такая же сказка есть и у меланезийцев, где героем был Камакаджак.

Не случайно на многих древних памятниках в Китае, Индии и Египте изображалась рыба, символизирующая новое рождение в потустороннем мире. В ранней христианской литературе Иисус Христос назывался “Рыбой” — символ веры, чистоты девы Марии, а также крещения и причастия. Иногда в дарах рыба заменяла хлеб и вино. Евангельский мотив сочетает рыбу и хлеб.

Христиане-рыбаки Петр и Андрей — святые; их Иисус обещает сделать “ловцами человеков” (Матф. 4, 19).

Древние люди особенно чтит чистые водоемы. Содержание в чистоте озер и рек является темой многих религиозных сказаний. Они уже тогда понимали, что чистая вода является основой жизни. Не зря праславяне и другие индоевропейцы поклонялись чистым родникам и ручьям, создавали колодцы, чтимые всеми, кто жил рядом и пользовался водой.

Древнегреческий философ Фалес Милетский (624-547 до н. э.) писал:

“Самодвижущей силой стихии является вода, из которой произошло все, что есть, что было и что будет”.

В Библии читаем:

9. И всякое живущее существо, пресмыкающееся там, где войдут две струи, будет живо; и рыбы будут весьма много, потому что войдет туда вода, воды в море сделаются здоровыми, и куда войдет этот поток, все будет живо там.

10. И будут стоят подле него рыболовы от Ен-Гадди до Еглайма, будут закидывать сети. Рыба будет в своем виде и, как в большом море, будет весьма много.

11. Болота его и лужи, которые не сделаются здоровыми, будут оставлены для соли.

12. У потока по берегам его с той и другой стороны будут расти всякие деревья, доставляющие пищу; листья их не будут увядать, и плоды на них не будут истощаться; каждый месяц будут созревать новые, потому что вода для них течет из святилища; плоды их будут употребляться в пищу, а листья на врачевание. (Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Гл.47, Поток, вытекающий из Храма. Ср. с Зах, 14: 8-9; Отк.22:1-2, Иезекииль, М., 1987, с. 978).

На островах Океании практически нет млекопитающих. Основа пищи — кокосы и хлебное дерево. Хлебное дерево считается священным. Существует легенда, в которой рассказывается, как слуги одного из вождей преследовали богиню Папу. Богиня скрылась от преследователей на хлебном дереве. Она знала, что это дерево нельзя рубить и ломать его ветви. Даже отскочившая щепка может убить человека. Его рубят только тогда, когда нужно сделать изображение богини. Но прежде хлебному дереву принесут жертву — черную рыбу, красную рыбу и черную свинью.

Целительные свойства рыб в древних сказаниях

В древности знали не только биологию многих рыб, но и их лечебные свойства. В клинописных табличках, найденных в Месопотамии, среди десятка названий лекарственных средств упоминается рыба-кузовок (Сем. *Ostraciotidae*). По мнению вавилонских и ассирийских врачей, особенно целительными свойствами обладали ее внутренние органы. Эти рецепты подтверждаются современной медициной. Приготавливаемые из кузовка лекарства помогают при тяжелейших заболеваниях, таких как проказа, эпилепсия, болезнях сердца. Уже более двух тысяч лет лекарства из рыбы-кузовка японцы используют для поднятия общего тонуса и при различных заболеваниях.

Древние китайцы и корейцы изготавливали вытяжку из ядовитых рыб. Особенно ценился экстракт из морского судака (*Lateobrax japonicus*) и атлантического пуффера (*Sphoeroides spengleri*). А римляне и греки исцеляли головную боль и подагру с помощью электрических ударов от скатов (отр. *Torpediniformes*) и электрических сомов. Славяне издревле использовали линя (*Tinca tinca*), прикладывая к голове свежую рыбу для избавления от лихорадки.

О широком использовании рыб в лечении различных заболеваний свидетельствует сводка Плиния Старшего (23-79 гг.) в “Естественной истории”, где упоминается более 300 рецептов приготовления лекарств из различных видов рыб и их продуктов.

В VI веке до н. э. в мидийском городе Экбатане существовала легенда, что печень, желчь и сердце рыбы, выловленной в Тигре, обладают волшебством. С помощью курения высушенных этих органов изгоняли многие болезни. Утверждали, что желчь лечит больные глаза.

Большое значение придавалось в мифах Вавилона и Закавказья рыбам, как исцеляющим больных. Рыбообразного бога Эа устанавливали у постели больного ребенка для того, чтобы прогнать демонов. Фигуркам рыб, их изображениям часто придавали магические значения для исцеления больных. Форель в Грузии и Армении — необходимый атрибут при лечении бесплодия и различных болезней, для этого достаточно было проглотить живого малька.

Об этом же говорилось и в славянском лечебнике “Книги Коляды”, в котором дается такая рекомендация: “кто съест волшебницу Шуку, сразу от нее забеременеет: ибо то не обычная щука — то сам Род приплывает по бурным водам” (Асов, 1997).

Выловили Шуку златоперую. Выловили, после приготовили. Лада — супруга Сварога Шуку златоперую съела, ее косточки на Землю бросила, а небесная королева Земун и коза, рожденная Родом — Седунь, кости те подлизала, и от щуки той забеременела Лада — богородица, мать богов, Мать сыра Земля, и Земун с Седунью.

Родила тогда Лада-матушка трех дочурок: Лелю — радость и любовь златокудрую, Киву — весеннюю деву огненную, богиню жизни, Марену холодную — царицу смерти. А еще трех сыновей: Перуна — великого Громовержца, Туле — кузнеца, бога грозного, и Водного Ильма — царя морей, покровителя моряков и рыбаков.

Рыбы и другие обитатели вод — персонажи фольклора

В древних русских сказках и сказках такое обилие названий рыб, что можно с полной уверенностью сказать: видовой состав своих водоемов населения древней Руси знало прекрасно. Они хорошо отличали мирных рыб от хищников, описывая биологические особенности щуки, ерша, карасей, язя,

леща, налима, окуня, осетра, плотвы, семги, сига, сома, калуги и прочих.

У многих народов рыбы употреблялись как символы, некоторых из них выделяли особо.

Лосось символизировал изобилие у американских индейцев, ирландцев и финно-угров. Карп почитался в Китае, а в Японии выведенные кои-карпы с яркими красными пятнами символизируют силу и храбрость, а также упорство в борьбе. Сазан у многих древних народов Азии играл особую роль в шаманских ритуалах при изгнании злых духов. Акула всегда была у островитян образом зла и смерти (Топоров, 1982).

Главные храмы Стрибога, как известно от древних славян, находились на островах, близ устьев рек, где часто останавливались рыбаки и купцы. Одним из таких островов считался Березань в устье Днепровско-Бугского лимана. К острову, перед выходом в открытое море, подходили корабли русов, чтобы принести Стрибогу богатые дары. Ведь, по преданию, Стрибог вместе с Перуном повелевал громами и молниями. Много сыновей и внуков имел Стрибог. Ими были ветры — Повсвист, Подага и Погода. Повсвист — старший ветер, бог бури, живет в горах на Севере, Подага — жаркий, иссушающий ветер. Он живет на юге в пустыне. Пагода — теплый, легкий ветерок — бог приятной погоды.

До XVI в. не только моряки, но и ученые считали, что в море живет ракевеликан, пожирающий рыбаков, упавших в море (рис. 2).

“Во время одной из своих поездок в Страну золота (Индонезия) капитан Исмаилуя приблизился к суше недалеко от Алмери (северная часть острова Суматра), так как ему понадобилось остановить корабль, который получил повреждение. Когда моряки бросили большой якорь, судно по никому не известной причине продолжало плыть

дальше. “Спустишь по якорному канату и узнай, в чем дело!” — приказал Исмаилуя водолазу. Но водолаз, прежде чем нырнуть, заглянул в глубину и увидел, что якорь зажат между клешнями рака, который, играя им, тащит корабль. Матросы стали кричать и кидать в воду камни; наконец они вытянули якорь и бросили его в другом месте”.

Как похожа эта сказка, родившаяся на берегах Индийского океана, на океанический миф о гигантском моллюске, поглощающем суда со всей их командой! Оба сказания отражают, хотя и в фантастической форме, бесчисленные трудности и опасности, с которыми сталкивались моряки древности. И, конечно, такие сказания могли возникнуть только у народов-мореходов.

Удивительную историю о судах, чуть не ставших жертвами чудовищного рака, еще в X в. поведал в своей книге “Чудеса Индии” Бузург ибн Шахрияр.

И.И. Скворцов-Степанов в книге “Это было” (М., 1970, с. 183-185) нарисовал такую картину: “Люди верили, что Бог Тимбабанту посылал рыбакам хороший улов, но он же прогнал рыбу от берегов.

Страхи со всех сторон окружали деревню. Страх таился в чаще лесов, страх подползал в болотных туманах, страх повсюду подкарауливал путника. Страх повсюду стонал, вопил, рыдал, щелкал челюстями, ревел, мяукал среди темной ночи, шелестел листьями, завывал сокрушительной бурей, грохотал раскатистым громом, полыхал молниями...

В связи с этим ... пылал жертвенный огонь, трещали и шипели тела сжигаемых людей и животных. Тимбабанту пожирал жертву за жертвой и ненасытный, требовал жертв еще и еще...”

Легенды наших пращуров о подводном мире появились в V-I тысячелетии

до н.э. Это был период, как писал А. Асов (1998), зарождения собственно славянского эпоса, который выделялся из эпоса индоевропейских народов. С этого периода до нас дошли не-

которые археологические памятники. Так родилась у праславян легенда о Морском змее. Черноморский змей живет на дне морском во дворце белокаменном — чудо те палаты украшены янтарем, кораллами, жемчугом. Окружают его стражи любые — раки-крабы с огромными клешнями. Тут же рыба-сом с большим усом, и налим-толстогуб-губошлеп-душегуб, и севрюга, и щука зубастая, и осетр-великан, жаба с брюхом — что жбан, и всем рыбам царь — Белорыбица! Черномору дельфины служат, и поют для него русалки, играют на гусях звончатых, и трубят в огромные раковины.

Широко известно, что русы еще в глубокой древности покорили морскую стихию. Они освоили не только Черное море, но и Средиземноморье. Бог ветров Стрибог почитался моряками и рыбаками. Он, обратившись в птицу Стратим, мог как вызвать, так и укротить бурю. Русы придумали руль, якорь и парус, пишет А. Асов (1998). Они хорошо знали повадки морских

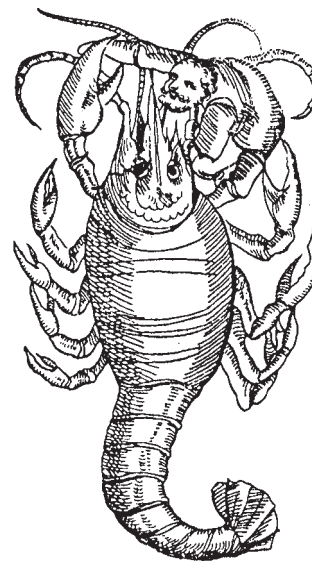

Рис. 2. Рак-великан (“морской волк”), держащий в клешне человека (из книги Альдрованди “De Mollibus, crustaceis et cet.”).

рыб, кого вылавливали неводами, а кого — ставными сетями.

Период былин и священных (религиозных) текстов о рыбах был с середины второго тысячелетия до н. э. и длился до III-IV веков н. э. С этого “времени древних царств” запомнились имена многих вождей и князей, а многочисленные археологические памятники дополняют историю этой эпохи.

У различных народов сохранилось много былин, где значительную роль отводили рыбам и рыбообразным чудовищам. У народов Севера олицетворял подземное царство налим. Ведь он нерестится и проявляет свою активность — жор, открывая для этого “страшный зев”, когда в Заполярье царствует полярная ночь. “На дворе морозы злые, а налиму — веселее”, — гласит народная пословица.

Вот как рассказывают современные рыбаки о зимнем лове налима: “Тащишь в потьмах из-под льда страшное лицо какое-то, вроде водяного лешего, скользкое, покрытое липкой слизью, из-за чего его невозможно удерживать в руках. Вытащенный на лед налим в трескучий мороз трепыхается, шевелится, изворачивается, поднимает свою большую голову и раскрывает пасть...”

И можно было представить нашего пращура, который вышел на лед для рыбалки ночью, после посещения местного колдуна или жреца. Чаще у жертвенного места произносились молитвы, о даровании удачи, устрашались враги. Эти сцены и сохранились в эпосе северных народов.

В “Калевале” многие сцены связаны с борьбой с подводными чудовищами, представленными то щукой, то налимом. Чтобы добиться расположения будущей тещи — хозяйки Похьемы, жених Ильмаринен должен сделать много добрых дел — вспахать змеиное поле, победить медведя и волка и, наконец, поймать и справиться с

огромной рыбой из Туони или Маны — подземного мира, олицетворяющих злые силы.

И вот, когда он выполнил первые поручения, Ильмаринен спрашивает:

Ты отдашь мне дочь, старуха!

Эту уточку отдам я,

Эту птичку голубую,

Если щуку ты поймашь

Рыбу жирную захватишь

В Туонелы потоках темных

И в глубоких водах Маны...

Сотни там ловить ходили,

Ни один не возвратился.

Кто исчез, не станет мужем,

Кто погиб, тот жить не будет:

Ведь сиви глаза пожрали,

Ведь обвели плечи щуки...

Эту уточку отдам я,

Эту птичку голубую,

Если щуку ты поймашь...

Щука Туонелы всплывает,

Из воды ползет собака —

Щука та не из огромных:

С топориче язычице,

С рукоятку грабель — челюсть,

Пасть в широких три потока,

Шириной спиной в семь лодок,

Проглотить героя хочет,

С Ильмариненом покончить...

Сделал по совету невесты Ильмаринен железного орла и с его помощью выловил чудище в потоке:

Захватил когтями щуку,

Водяного пса сжимает

Ту чешуйчатую рыбу;

Тащит чудище потоков

Из ужасной водной глуби...

Вот приносит Ильмаринен

Голову той страшной щуки

Теще будущей в подарок...

Что ж, отдашь ли дочку в жены,

Мне доверишь ли девицу?

Да, теперь готова дева

Долгожданная невеста! (стр. 233).

Природа Севера сурова, не балует людей, и нужно много отдать сил на рыбной ловле, чтобы прокормить семью. К ней приспособлялись, по-

клонялись явлениям природы. Особое отношение было к преисподней. Рассказ о Туонеле самобытный, но уже во II тысячелетии до н. э. в Карелии скрещивались и переплетались местные предания, имеющие корни в каменном веке, и мифы, заимствованные у других народов.

Литература

- Асов А.И. (1997): Книги Велеса. Русские веды. М.: Наука и религия. 1-288.
- Асов А.И. (1998): Мифы древних славян. М. Наука и религия.
- Барач Г.П. (1941): Фауна Грузии. Рыбы пресных вод. Тбилиси: АГ ГССР. 1: 1-287.
- Вешняков В.И. (1894): Рыболовство и законодательство. СПб.
- Лесной С. (1995): Откуда ты, Русь? Ростов н/Д: Донское слово, Квадрат. 1-325.
- Мешанов И.И. (1925): Каменные статуи рыб - вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. - Зап. коллегии востоковедов. 1.
- Поліщук В.В. (1994): Проблема Атлантиди.- Визвольний шлях. Лондон. 4: 456-464.
- Топоров В.Н. (1982): Рыба. - Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия. 2: 391-393.

СРАВНЕНИЕ ОБРАЗОВ ОРАЛА И БЕЛОГО АИСТА В НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, Каневский заповедник.

e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua

Орел (орел вообще, хотя в большинстве случаев подразумевается беркут (*Aquila chrysaetos*), иногда явно имеется в виду орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*)) и белый аист (*Ciconia ciconia*) достаточно разные птицы как по биологии и облику, так и по месту, занимаемому в народных верованиях. Тем не менее, сравнительный анализ их мифологических образов позволяет выявить целый ряд сходных черт. Мы не будем касаться тех из них, которые характерны для птиц вообще — тотемизм, анимистические верования, “знамения судьбы” и т. п. (подробнее об этом см. Борейко, Грищенко, 1999). Сходство это во многом объясняется, как не трудно заметить, связью с высшими божествами.

Связь с солнцем

Как пишет Л.Я. Штернберг (1936), культ орла один из наиболее универсальных и широко распространенных. Он встречается у народов самых различных культур и рас, далеко удален-

ных друг от друга. Везде орел так или иначе ассоциируется с солнцем, то полностью отождествляется с ним, то предстает хозяином солнца, и в качестве такового — творцом, верховным божеством или же священной птицей верховного божества. В индийских Ведах орел — само солнце. Позже под именем Гаруды он становится колесницей бога солнца Вишну. По воззрениям якутов, орел — хозяин и повелитель солнца. Крик его заставляет солнце подниматься из-за горизонта.

Белый аист в верованиях некоторых народов также связан с солнцем. Например, у древних армян его олицетворяли два аиста (Арутюнян, 1980).

Связь с богом-громовержцем

Орел — неперменный атрибут бога грома у разных народов (впрочем, нередко громовержец является одновременно и верховным божеством, как Зевс). По данным П. Трощина, в славянской мифологии у орла был эпитет “громовик”. Гром порождало хлопанье

его крыльев, молния — это сверкание глаз (Борейко, Грищенко, 1999).

Белый аист также связан с громовержцем. У германцев он был священной птицей Донара (Тора) (Gattiker, Gattiker, 1989). Видимо, именно такая связь делала аиста в представлениях людей “универсальным громоотводом”: считалось, что в постройку с его гнездом никогда не ударит молния. На Волыни даже рекомендуют прятаться в грозу под дерево с аистиным гнездом.

Связь со стихией огня

У якутов орел — хозяин огня. В обряде высекания огня мог принимать участие только человек, ведущий свое происхождение от этой птицы. В индийской мифологии орел и Агни — бог огня. В финской — орел приносит в благодарность людям огонь (Ионов, 1913; Штернберг, 1936).

Белый аист у многих европейских народов также считается связанным со стихией огня. Хорошо известны поверья, что его гнездо на крыше защищает постройку от пожара, что аист может поджечь дом “в отместку” за разоренное гнездо и т. п. (Грищенко, 1996б; Борейко, Грищенко, 1999). Жители украинского и белорусского Полесья обращались к аисту с просьбой дать огня для трубки (Толстой, 1984). По представлениям жителей средневековой Европы, черногузы могли спастись от пожара не только магическим путем: при появлении пламени они приносили в клювах воду и поливали гнездо и крышу. Считалось также, что аисты могут уносить своих птенцов в безопасное место (Gattiker, Gattiker, 1989).

Связь со стихией воды

Связь орла с водой прослеживается уже в его латинском названии — *aquila* от *aqua* — ‘вода’. Считается, что это название имеет табуистический характер (подобно слову “медведь”). В хурритском мифе рассказывается, что река Тигр превратилась в орла и полетела в Аккад. У многих народов есть мифы

о добыче орлом пресной воды (Иванов, Топоров, 1982).

Есть множество поверий и примет, связывающих белого аиста с водой, прежде всего небесной — дождем. У болгар и сербов он предвещает дождь. Интересное поверье есть в Германии и Швейцарии: если весной аист прилетит чистым, надо ожидать сухое и теплое лето (дожди отмыли его по дороге), если же грязным — оно будет холодным и мокрым, поскольку дожди птица принесла с собой (Hornberger, 1967). Украинские крестьяне верили, что село, в котором живет много аистов, может не бояться засухи (Грищенко, 1996б).

Связь с ветром

Широко распространено поверье, что орел создает ветер. Приснившиеся два орла предвещают бурю. На Шетландских островах ветер связывали с появлением гигантского орла. Во Франции северо-западный ветер, несущий облака, похожие на летящих орлов, называют *aquilon*. Римляне также сравнивали ветер с орлом. У германцев он был персонификацией бури (Gattiker, Gattiker, 1989).

Белый аист также нередко связывался со стихией ветра. Например, полесские крестьяне просили у него ветра при зное во время жатвы (Толстой, 1984).

Возрождение природы, связь с плодородием и рождением

В культуре орла, как и многих других птиц (см. Грищенко, 1996а, 1999), немалую роль сыграло совпадение сроков его прилета с наступлением весны. У целого ряда сибирских народов март назывался “месяцем орла”. У якутов беркут считается возродителем природы. Она пробуждается благодаря магической силе птицы. Тепло рождается от троекратного трения твердого клюва о ногу и от взгляда горящих глаз. Как возродитель природы, орел, подобно Дионису, также бог плодородия.

дия. К нему обращались бесплодные женщины с молитвой о детях. Появившийся после этого ребенок считался “рожденным от орла” (Ионов, 1913; Штернберг, 1936). В Средней Азии ловчих беркутов использовали для помощи при тяжелых родах. Причем магической силой обладала не только сама птица, но и ее хозяин. Бесплодная женщина могла забеременеть, переспав с беркутчи. Встреча во сне ловчей птицы часто предвещала рождение детей у бесплодных родителей (Симаков, 1998).

Белый аист в Европе — один из наиболее известных вестников весны. У германцев аист и ласточка были посланцами богини Хольды (Gattiker, Gattiker, 1989). У балтийского народа пруссов белый аист связан с богом весны Потримпосом (Hinkelmann, 1995). У армян — это вестник Ара Гехецика, который олицетворял весеннее возрождение природы (Арутюнян, 1980). Во многих странах прилет аистов отмечался как праздник, римляне и греки даже падали ниц при виде первого черногуза. Совпадение сроков прилета белого аиста с началом земледельческого сезона было одной из причин возникновения его культа в Европе (Грищенко, 1998). С давними верованиями о весеннем возрождении природы связано и всем известное поверье о том, что аист приносит детей. Древние германцы считали, что весной он приносит с неба новую жизнь на поля после длинной зимней ночи. Кроме того, Донар, чьей птицей являлся белый аист, был также богом плодородия и урожая (Gattiker, Gattiker, 1989). Аналогичные представления были и у славян — птицы приносят из вырия весну, а вместе с ней в образе птиц прилетают души новорожденных (Килимник, 1994).

Символика в борьбе миров

В трехчленном делении миров и орел, и белый аист олицетворяют верхний мир — небо. В значительной сте-

пени это характерно для всех птиц, но некоторые из них, например, гагара, связываются с нижним миром (Иванов, Топоров, 1980). В мифологии и искусстве многих народов Европы и Азии распространен мотив борьбы орла и змеи. Змея олицетворяет нижний мир или шире — силы, враждебные человеку. В Греции и Трое часто встречались изображения борьбы со змеей белого аиста. Это даже послужило поводом Л.Я. Штернбергу (1936) вслед за открывателем Трои Г. Шлиманом утверждать, что причиной почитания белого аиста в Греции и Малой Азии было уничтожение им змей. Белый аист может ловить змей, однако доля их в питании этой птицы ничтожна. Такой сюжет — чистой воды аллегория, подобная другим “змееборческим” мотивам.

Основные отличия между образами этих двух птиц — отсутствие напрочь “воинственности” у аиста. Он связывается с миром, здоровьем, благополучием, урожаем и т. п. Орел же — символ силы, могущества, воинской доблести, власти.

Литература

- Арутюнян С.Б. (1980): Армянская мифология. - Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия. 1: 104-106.
- Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. 2-е изд. Киев. Том 2. Птицы. 1-172.
- Грищенко В.Н. (1996а): Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. - Мат-ли II конфер. молодых орнітологів України. Чернівці. 48-52.
- Грищенко В.М. (1996б): Білий лелека. Чернівці. 1-127.
- Грищенко В.Н. (1998): Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев. - Беркут. 7 (1-2): 120-131.
- Грищенко В.Н. (1999): Миграции птиц и народные верования. - Гуман. экол. журн. 1 (1): 23-32.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. (1980): Индоевропейская мифология. - Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия. 1: 527-533.

- Иванов В.В., Топоров В.Н. (1982): Орел. - Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия. 2: 258-260.
- Ионов В.М. (1913): Орел по воззрениям якутов. - Сб. музея антропологии и этнографии Академии наук. 16: 1-13.
- Килимник С. (1994): Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Київ: Обереги. 1: 1-397, 2: 1-524.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Толстой Н.И. (1984): Иван-аист. - Славянское и балканское языкознание. М.: Наука. 115-118.
- Штернберг Л.Я. (1936): Первобытная религия в свете этнографии. Л. 1-571.
- Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-589.
- Hinkelmann Ch. (1995): Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. - Bl. Naumann-Museum. 15: 24-52.
- Hornberger F. (1967): Der Weißstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1-156.

Литература по теме: "Птицы в народных верованиях"

- Бернштам Т.А. (1982): Орнитоморфная символика у восточных славян. - Сов. этнография. 1: 22-34.
- Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. 2-е изд. Киев. Том 2. Птицы. 1-172.
- Вагурина Л.М. (сост.). (1998): Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор & Совершенство. 1-318.
- Грищенко В.Н. (1996): Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. - Мат-ли II конфер. молодых орнитологов України. Чернівці. 48-52.
- Грищенко В.М. (1996): Білий лелека. Чернівці. 1-127.
- Грищенко В.Н. (1998): Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев. - Беркут. 7 (1-2): 120-131.
- Грищенко В.Н. (1999): Миграции птиц и народные верования. - Гуман. экол. журн. 1 (1): 23-32.
- Дементьев Г.П. (1951): Сокола-кречеты. М.: МОИП. 1-187.
- Дзенискевич Г.И. (1976): Сказания о Вороне у атапасков Аляски. - Сов. этнография. 1.
- Золотарев А. (1934): Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л. 1-52.
- Ионов В.М. (1913): Орел по воззрениям якутов. - Сб. музея антропологии и этнографии Академии наук. 16: 1-13.
- Килимник С. (1994): Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Київ: Обереги. 1: 1-397, 2: 1-524.
- Лебедев И.Г., Константинов В.М. (1996): Врановые в русском фольклоре. - Экология и численность врановых птиц России и сопредельных государств. Казань. 14-15.
- Лепский Д. (1885): Людови верования про птахів. - Зоря. 10: 129-130, 11: 117-119.
- Лопарев Х. (1896): Древнерусские сказания о птицах. - Памятники древней письменности. М. 116: 1-24.
- Мелетинский Е.М. (1959): Сказания о Вороне у народов Крайнего Севера. - Вестн. истории мировой культуры. 1.
- Митрополит Іларіон (1994): Дохристиянські вірування українського народу. Київ: Обереги. 1-424.
- Мифы народов мира (1980-1982): М.: Сов. энциклопедия. 1: 1-672, 2: 1-720.
- Никифорова А.Д. (1997): Орел как универсальный символ духовной традиции бурят. - Докл. и тез. Междунар. симп. "Бурят-монголы накануне III тыс.: опыт кочевой цивилизации, Россия — Восток — Запад в судьбе народа". Улан-Удэ. 90-92.
- Паньків М. (1999): Птахи у побуті, віруваннях і обрядах покутян. - Екол. аспекти охорони птахів. Львів. 110-113.
- Панченко В.О. (1996): Птахи в геральдиці міст України. - Беркут. 5 (1): 88-90.
- Пропп В.Я. (1963): Русские аграрные праздники. Л.: ЛГУ. 1-140.
- Самарбаев Р. (1991): Культ журавля у башкир. - Уральский следопыт. 13.

- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Скуратівський В. (1998): На криласах храму. Київ. 1-116.
- Соколова З.П. (1972): Культ животных в религиях. М.: Наука. 1-215.
- Сумцов Н.Ф. (1890): Ворон в народной словесности. - Этногр. обозрение. 1: 61-86.
- Тараненко Л.И. (1992): О некоторых экологических адаптациях и происхождении синантропности белого аиста. - Аисты: распротр., экология, охрана. Минск: Навука і тэхніка. 147-156.
- Тараненко Л.И. (1995): Еще об изучении названий птиц. - Социально-орнитологич. идеи и предложения. Ставрополь. 5: 40-47.
- Токарев С.А. (1957): Религиозные верования восточно-славянских народов XIX — начала XX века. М.: АН СССР. 1-160.
- Толстой Н.И. (1984): Иван-аист. - Славянское и балканское языкознание. М.: Наука. 115-117.
- Федосеенко В.М. (сост.) (1998): Флора и фауна. Мифы о растениях и животных. М.: Русь. 1-256.
- Фрэзер Дж.Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Фрэзер Дж.Дж. (1989): Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат. 1-542.
- Хейнрих Б. (1994): Ворон зимой. М.: Мир. 1-336.
- Штернберг Л.Я. (1936): Первобытная религия в свете этнографии. Л. 1-571.
- Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag. 1-589.
- Hinkelmann Ch. (1995): Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. - Bl. Naumann-Museum. 15: 24-52.
- Kinzelbach R. (1995): Der Seidenschwanz, *Bombycilla garrulus* (Linnaeus 1758), in Mittel- und Südeuropa vor dem Jahr 1758. - Kaupia. Darmstädter Beiträge zur Naturgeschichte. 5: 1-62.
- Schüz E. (1966): Über Stelzvögel (*Ciconiiformes* und *Gruidae*) im alten Ägypten. - Vogelwarte. 23 (4): 263-283.

Составитель В.Н. Грищенко

СТЕПЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖИЗНЬ

А.К. Черкашин

Институт географии СО РАН, Иркутск, Россия

Сложное время и сложное пространство, которое досталось сегодня нам в наследство от предшествующей истории Земли, требует осмысления многих необычных проблем необычными средствами миропонимания: простыми способами сложное не измеришь, в старых формах новое не сотворишь.

Кризисам человеческой жизни нет конца. За политическими потрясениями следуют экономические, за экологическими — нравственные и т. д. Важно понять начало, истоки трудностей и законы земной и неземной кухни природы, где перевариваются наши деяния в блюда, наблюдаемые и потребляемые нами повсюду.

Никто не станет возражать, что потрясения в сфере экономики или политики обусловлены человеческой деятельностью. Экологические и технические катастрофы — тоже дело его ума или безумия. Но мало кто связывает сотрясения земли с поступками людей. Вроде бы не должно хватить сил у общества, чтобы сдвинуть земную кору или погубить ландшафты. Но кто знает, сколько и каких сил надо иметь и где та точка опоры, на которой перевернется мир? Люди проникают в ранее безлюдные места со своей мощью, до конца не понимая природы, не чувствуя ее живого дыхания, извращают земное существование, все его милли-

ардолетие до неузнаваемости и, как следствие недостойного поведения, имеют и будут иметь то, чего сами заслуживают.

Перед наукой в связи с этим стоит вопрос: как оцениваются поступки и деяния и каким образом такая оценка влияет на жизнь общества и отдельно человека?

Модели сущности

Все усилия научного творчества направлены на познание сущности вещей. Именно она независимо от нас являет все многообразие форм и порождает разные уровни бытия, и, по-видимому, в ней, как в зеркале, отражаются наши действия. Сущность — сущее — существенное — существование — существо — вот ступени творческого процесса природы, на которых у нас пока не самое почетное место. Путь к сущности — основное направление познания. Помогать проявляться сущности — такая, на наш взгляд, главная идея совместного творчества человека с природой и всем окружающим его миром.

Для решения поставленной задачи прежде всего необходимо понять структуру сущности и законы связи с ней конкретных явлений и форм. За решение берутся географы и историки, предметом изучения которых выступают явления на земной поверхности во всем их многообразии. География и история — это стиль мышления, это позиция в мире явлений, суть которых заключается в синтетическом, целостном восприятии реальности. Поэтому сущность для них — не философская категория, а рабочее понятие науки и деятельности в границах территорий и эпох.

Важное место в понимании взаимосвязи сущности, явлений и человеческих поступков занимает анализ последовательности “объект — среда объекта — среда среды объекта”. Последнее понятие еще обозначается термином “информационная среда” — пространство, обладающее своеобразной расслоенной, полисистемной структурой

(Черкашин, 1993а). Информационная среда задает типологию всех реальных и потенциальных сред наблюдаемых объектов и явлений, обеспечивает их классификацию и идентификацию в информационном пространстве так, что от места (позиции) объекта (явления) в информационной среде зависят все его наблюдаемые и возможные свойства. Информационная среда — это своеобразный уровень проявления инвариантной сущности всех вещей, и поэтому такого рода структуры образно можно называть “все сущее”, от нас независимое, т. е. объективно существующее. Инвариантная сущность каждого объекта — индивидуальное устойчивое информационное образование (информационный заряд). Преобразование информационного заряда объекта в другой заряд соответствует изменению сущности объекта, т. е. исчезновению (смерти) данного объекта и появлению (рождению) на его основе нового объекта нового качества.

Каждый объект имеет в информационной среде свой образ, а точнее прообраз, в виде информационного заряда (сущности). Смена прообраза соответствует смене качества объекта. Следовательно, для объяснения событий реального мира недостаточно знаний о связи наблюдаемых явлений: необходимо учитывать информационную сущность вещей. В связи с этим весь мир делится как минимум на два параллельных мира: материальный и информационный. Третий мир, условно называемый энергетический, увязывает первые два в единое целое. Энергетический мир есть опосредование материального и информационного миров, и информационный и материальный миры в одном и том же отношении.

Такое подразделение соответствует традиционному эзотерическому членению человеческого существа на тело, душу и дух. Тело соответствует материальному бытию, дух — информационной сущности, душа — энергетичес-

кой субстанции. Три подобных уровня мироздания выделялись, в частности, в древней славянской мифологии (Русские веды, 1992) — явь, навь и правь. Как говорят сами названия, явь соответствует миру явлений (“белый свет”), правь (правильный, управлять) — истинной информации, содержащей всю информацию о поведении объектов “яви”. Правь понимается как всеобщий справедливый закон, установленный Дажьбогом, согласно которому существует мир. Слово “навь” имеет более сложную семантику — оно соответствует понятию “мертвый человек”, отражает загробный мир, пристанище душ умерших людей. Таким образом, содержание энергетического мира стремятся раскрыть через понятие “душа”, подразумевая под этим бестелесную субстанцию, являющуюся посредником между потенциалом духа и жизнью конкретного тела. При этом подразумевается, что одна информационная сущность — “дух” может быть прообразом нескольких реальных тел, которые оказываются сцеплены духом воедино, т. е. обладают одинаковой внешностью и судьбой. С этим, по-видимому, связан эффект близнецов, имеющих во многом сходную жизнь, и эффект двойников, т. е. людей внешне и по судьбе похожих друг на друга. Только одни люди реализуют свой сущностный потенциал, а другие — сходят с дистанции жизни, не достигнув заложенной в них цели (смысла жизни). Так скорее всего объясняется устойчивость исторического процесса, когда в реальном мире материализуется необходимая сущность в нескольких вариантах: если один человек не достигнет цели, то это сделает другой в другом месте в сопоставимый отрезок времени. Примером тому может быть феномен Лжедмитриев в смутное время на Руси, когда смерть царевича — сына Ивана Грозного — создала предпосылку борьбы за власть и династического обновления этой власти. Как извест-

но, Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) обладал неизвестно откуда явившимися качествами и сведениями, заставившими признать в нем царя. В не столь очевидной исторической форме, но повторилась судьба Лжедмитрия II. Не был ли старец Филарет — отец Михаила Романова, избранного на царство, — Лжедмитрием III, выбравшим правильную (в правь) линию исторического поведения?

Такой подход основывается на гипотезе жесткого детерминизма в определении будущего, сохраняющего при этом свободу выбора действующим лицам и исполнителям, благодаря чему законы развития расцветаются красками истории.

Здесь можно провести аналогию с разработкой типологии ландшафтных единиц. В географической науке нет тел в собственном смысле, дискретизация территории осуществляется методами типологии и районирования — выделения на местности внутренне однородных и разнородных единиц. Однородные типологические единицы соответствуют определенной разновидности географической среды (природному и хозяйственному режиму существования территории), представленными на местности ареалами контуров. Каждому режиму соответствует информационный заряд; совокупность зарядов образует иерархически устроенную фрактальную информационную среду (Черкашин, 1993б). Заряды одного уровня иерархии, отображаясь на местности, разбивают ее на множество контуров, соответствующих определенной сущности. Причем контура, относящиеся к одному заряду, могут находиться в разных местах территории, что обычно для пространственно-географической типологии. Совокупность ареалов контуров разного тематического содержания образует геоинформационное поле территории. Информационное историческое поле — система исторических режимов в пространстве

и времени, поле битвы за реализацию смысла жизни каждого человека. Понятно, что успех в этом сражении зависит от того, насколько последовательно отстаивается и проявляется дух человека и насколько в этом процессе он соответствует ячейке информационного поля, в которой находится.

В географической типологии явно просматривается информационное подчинение типологических единиц нижнего уровня иерархии единицам верхнего уровня, например свойства плакорных таежных фаций Средней Сибири зависят от сущности информационного содержания тайги как типа природной среды. Подобное же наблюдается в иерархии таксонов и таксономических единиц в биологической классификации. В обществе выстраивается система подчинения предполагаемой судьбы человека в системе предстоящих политических режимов существования общества в целом, т. е. в факте рождения каждого конкретного человека просматривается будущее страны. Момент и место рождения кодируется позицией информационного заряда человеческой сущности, потенциально определяющего его судьбу. Эта позиция — дискретная точка в иерархии информационной среды, где задачи нижнего уровня определяются задачами верхнего уровня.

Закономерен вопрос — что находится на верхних уровнях власти над судьбами людей и вещей? Ответ на этот вопрос должен следовать из свойств информационной среды и информационного пространства существования этой среды. Сейчас можно только предполагать, что число фундаментальных, базовых сущностей — титанов, на которых строится мироздание — не менее восьми — по числу координат информационного пространства удвоения (Черкашин, 1997). Каждая координата выражает определенную стихию жизни: время, пространство, вещество, энергию и т. д. Парная комбинация

базовых стихий порождает более дробные их категории, душа которых — стихииали компонентов социоприродных систем. Проявление символов на Земле просматриваются в исторических и географических явлениях, в наибольшей степени соответствующих сосредоточению духа стихииали, которая хранит и олицетворяет собой все светлое, и при общении с ней люди просветляются и очищаются, приобретая силу для извечной борьбы Добра и Зла, Света и Тьмы, Правды и Кривды.

Например, олицетворением стихииали гор являются Гималаи — крыша мира, привлекающая многих людей, способных чувствовать душу природы. Выражение стихииали леса — девственные леса, которые практически загублены людьми. Символ стихииали воды — озеро Байкал. Он, как любая стихииаль — истинная душа любого природного объекта, — обладает двойственностью: это и воплощение стихии воды, и олицетворение идеала человеческого духа — сила, мощь, стремление к очищению себя, так и того, что окружает, в движении к гармоничному сочетанию материи и духа.

Двойная реальность

Для того, чтобы сформировать целостное и полное представление о мироустройстве с большими объяснительными возможностями и предсказательным потенциалом, мир рассматривается как система параллельных миров, включающих как минимум два независимых слоя — информационный и материальный миры. Их связывает энергетический мир, о свойствах которого науке известно мало, тогда как, благодаря работам по классификации и типизации явлений, информационный мир изучен гораздо лучше.

Согласно информационной модели сущности, информация существует наряду с веществом и энергией. Причем информацию здесь не надо понимать утилитарно, как только меру разнообразия наблюдаемого (по К. Шеннону)

или как то, что порождено человеком в виде информационных систем и потоков. Информация — явление объективное, но не материальное. В конечном итоге оказывается, что от информации зависят и интенсивности потоков энергии, и итоговое распределение вещества в нашем мире.

Понимание энергетического мира основывается на своеобразной трактовке энергии. Это не количественная мера физического движения и работы, а потенциал реализации сущности в явления и обратно. Ее можно назвать информационной энергией, примером которой может быть психическая энергия — энергия работы души. Суть этой работы состоит в перекачивании информации из информационной среды (подсознания) и превращение ее в действие, и обратное преобразование чувств и поступков в информационную энергию изменения позиции человека в информационной среде. Душа в широком ее понимании, включая стихии, — опосредование духа и тела: тело духа, или дух тела. В душе происходит материализация знаний информационного мира и познание материи. В человеке, во всем видимом мире все три слоя каким-то невообразимым образом сочетаются и зеркально взаимодействуют, не проникая друг в друга. Смерть человека, которая приходит со смертью тела, разрывает эти конкретные связи — душа высвобождается и в этом состоянии способна существовать как энергетическая субстанция. Душа прорастает в течение жизни из конкретного духа, используя в качестве питательного субстрата чувства, мысли и поступки человека в природной и социальной среде. Конкретному духу может соответствовать множество душ, как в пространственном, так и во временном аспекте. Такая модель не допускает переселения душ, что, например, предполагается в учении о карме. Развитие идет как процесс смены положения прообраза человека в информаци-

онном пространстве (информационный след). Душа в этом случае лишь символ связи нового человека с новой душой и с предшествующей историей духа. Энергетический мир, таким образом, является вместилищем всей истории явления сущностного информационного мира, поэтому все, что происходило в материальном мире, записано в летописи энергетического.

Таким образом, информационный мир в потенциале содержит всю совокупность знаний о том, что было, есть и будет, но не обязательно свершится однозначно. Энергетический мир включает всю информацию о том, что совершилось и совершается в настоящее время. Здесь, наверное, возможно путешествие во времени в прошлое, поскольку все явившееся и жившее собрано вместе. Однако в силу сцепления стихий с информационными зарядами сущности, возможно, прошлое также незначительно изменяется. Христианская идея “воскрешения из мертвых”, вероятно, основывается на возможности визуализации и материализации свободных стихий энергетического мира. Наконец, материальный (плотностной) мир содержит информацию только о том, что есть. Этот мир информационно беднее остальных двух и как бы вложен в них по содержанию, но по сути все же генетическое ядро системы миров — информационный мир, а материальный — его внешняя оболочка, изменяющаяся форма. В этом смысле духовное, идеальное также исторически предшествует материальному.

Связь параллельных миров осуществляется через зеркальные отображения, т. е. не имеет вещественную или энергетическую природу, а осуществляется чисто информационным путем. Механизм восприятия и переработки этой информации человеком неизвестен, но факты ясновидения, телепатии и др. явлений экстрасенсорного плана говорят о том, что подобное возможно. Информационную природу имеют так-

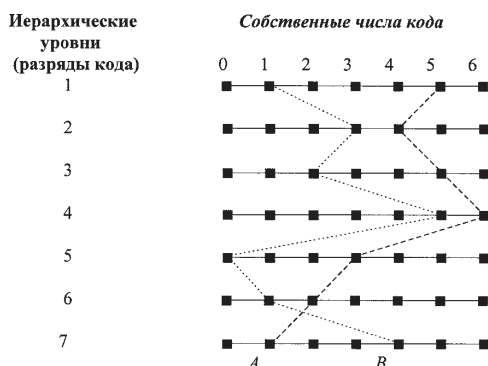

Рис. 1. Примерная схема кадастра явлений, упорядоченных по уровням иерархии и собственным числам. А, В — разные объекты (явления); семеричный код А — 5456321, В — 1325014.

же высшие чувства, например, любовь, счастье. К ним принадлежит и совесть, которая даже семантически (со-весть) относится к информационным явлениям. Сюда же следует добавить вдохновение в процессе творчества, когда “приходят идеи”.

Оценка действий

Человека от всех других существ отличает наличие свободы воли, т. е. законного права поступать или не поступать так, как он пожелает или как его заставляет сделать природная и общественная среда. Происходит это в согласии или в несогласии с планом его информационного заряда — духа, потенциально определяющего судьбу. Если отклонения от плана значительны, то позиция в информационной среде (характеристика заряда) может измениться, а значит, меняется (ломается) судьба в лучшую или в худшую сторону. Принципиально каждый человек волевыми усилиями может добиться любого положения в обществе, но для одних это дается с трудом, а другие перемещаются по жизни как по накатанной колее, что связывается с таким качеством, как талант — одним из информационных проявлений сущности человека.

Информационный заряд человечес-

кой жизни занимает определенную позицию на каждом уровне иерархии (рис. 1). Формируется своеобразный кадастр человека, где каждому индивиду присваивается многозначное число, например, 1325014 (объект В). Значение каждого разряда соответствует позиции прообраза на определенном уровне, которое кодируется одним или несколькими собственными числами. Позиции нижнего уровня наименее устойчивы и изменяются со временем. Базовый шаг временного ритма изменений — примерно 12 лет (Черкашин, 1997), что соответствует, в частности, циклам восточного календаря. Периоды нижнего уровня в 6 раз короче, верхнего — в 6 раз длиннее. На основе кода и его текущего изменения формируются временные ряды событий жизни (линии жизни).

Теперь пусть в соответствии с кодом n , полученном при рождении, реализуется линия жизни L_n итогом которой является достижение некоторого конечного состояния τ_m , например, человек доживет до возраста τ_m или приобретает некоторый статус в обществе, решив определенную историческую задачу. Понятно, что разные возможности n определяют и разную вероятность $P_{0n}^*(\tau_m)$ попасть в состояние τ_m . Если это информационно предопределено, то $P_{0n}^*(\tau_m) = 1$. Движение по жизни $L_n(\tau_m)$ в направлении τ_m есть последовательность переменных состояний τ , потенциальная (априорная) вероятность достижения которых равна $P_{0n}^*(\tau)$. Реализовать эту возможность можно лишь совершив поступок, находясь в определенном месте в определенный момент времени. Личное бездействие и сопротивление среды мешает проявиться событию τ , в результате чего вероятность его реализации становится меньше: $P_n^*(\tau) < P_{0n}^*(\tau)$. Если совершается незапланированный поступок, то ситуация обратная: $P_n^*(\tau) > P_{0n}^*(\tau)$.

Ценность поступка, естественно,

определяется соотношением вероятностной меры возможного (априорного) $P_{0n}^*(\tau)$ и действительного (апостериорного) $P_n^*(\tau)$:

$$\alpha(\tau) = P_n^*(\tau) / P_{0n}^*(\tau).$$

Величина K — константа)

$\Delta E_n(\tau_m) = K \ln \alpha(\tau) = K \ln [P_n^*(\tau_m) / P_{0n}^*(\tau_m)] = K \ln P_n^*(\tau_m) - K \ln P_{0n}^*(\tau_m) = E_n(\tau) - E_{0n}(\tau)$ имеет смысл приращения информационной энергии — разность $E_n(\tau) = K \ln P_n^*(\tau)$ и $E_{0n}(\tau) = K \ln P_{0n}^*(\tau)$. Информационная энергия — логарифм вероятности осуществления события τ . Приращение энергии — своеобразная мера греха, поскольку бездействие ведет к $\Delta E_n(\tau) < 0$ (энергия зла), а геройские поступки дают $\Delta E_n(\tau) > 0$ (энергия добра). Жизнь, соответствующая сущностному плану, эквивалентна случаю $\Delta E_n(\tau) = 0$. Поскольку природа живет именно таким образом, она безгрешна. У человека за всю жизнь (к событию τ_m) накапливается информационная энергия, равная

$$\Delta E_n(\tau_m) = K \ln P_n^*(\tau_m) - K \ln P_{0n}^*(\tau_m)$$

В том случае, если $|\Delta E_n(\tau)| > \Delta E_{0n}$ — константа (квант действия), то образ объекта переходит в новое устойчивое состояние n_1 с соответствующим изменением линии жизни $L_{n1}(\tau_{mn1})$ и конечного состояния τ_{mn1} , например продолжительности существования. Интересные результаты при анализе такого рода можно получить при сопоставлении кривых выживания населения разных стран (см., например, Гаврилов, Гаврилова, 1991). Несложно показать, что при аппроксимации кривой выживания $P_n^*(\tau)$ уравнением Гомпертца, информационная энергия зависит от интенсивности смертности, т. е. меры отказа системой выполнять свою функцию, в данном случае — продолжать жить.

Код n в данной модели олицетворяет позицию в информационном мире. Энергия $E_n(\tau)$ и соответствующая вероятность $P_n^*(\tau)$ — характеристические функции энергетического мира, зависящие от n . Величина $P_n^*(\tau)$ преобра-

зуется в интенсивности наблюдаемых процессов и связей $L_n(\tau)$ в материальном мире (Черкашин, 1993).

Ответственность за жизнь

Человек, вмешиваясь в естественные процессы, изменяет информационную энергию этих процессов и энергию возможностей собственного существования. Это сложный процесс, который наглядно можно проиллюстрировать на примере решения проблемы сохранения биоразнообразия.

Данная проблема обсуждалась в связи с задачей создания межрегиональной стратегии сохранения биоразнообразия экосистемы озера Байкал в границах его центральной зоны (Стратегия..., 1998). Задача сохранения естественно формализуется как неизменность (инвариантность) траекторий существования видов и экосистем в соответствии с их информационной сущностью. Необходимость инвариантности вступает в противоречие с деятельностью человека в Байкальском регионе, что вызывает появление отрицательных информационных энергий, негативно сказывающихся на жизни общества. Понимание этого механизма требует нового мировоззрения, поэтому проблема сохранения биоразнообразия — это не проблема охраны природы в традиционном ее понимании, а проблема мировоззренческая, делающая необходимым осознание ответственности за свои поступки в природе и зависимости от них собственного благосостояния в главном — возможности реализации жизненного потенциала в наивысшей степени.

Для обоснования такого вывода необходимо сделать так, чтобы задача сохранения разнообразия жизни решалась на общих принципах для разнообразия геологической, биологической и социальной природы, что и позволяет сделать концепция информационной среды и информационного пространства. Элементарные сущности (информационные слои) здесь соответствуют

таксономическим единицами генетической классификации объектов. Примером таких сущностей являются биологические виды, географические фации, социальные слои и образования. Все информационные слои — дискретные типологические единицы — подобно виду в систематике живых организмов реально не существуют, а проявляются через множество своих переменных состояний, например, особей с разной степенью вариации генотипических и фенотипических свойств, в частности особей разных стадий онтогенеза. Вид, фация, тип деятельности — это своеобразные информационные заряды, определяющие все множество допустимых в реальности состояний и параметров, а также последовательность смены этих состояний. На этой теоретической основе решаются проблемы параметризации, оценки, устойчивости, нормирования и прогнозирования поведения разного рода структур.

Существующие концепции биологического вида соответствует информационной среде прежде всего в их типологической трактовке, которая восходит к науке Древней Греции. Согласно концепции Платона, наблюдаемая изменчивость органического мира — это не более чем искажения некоторых постоянных, идеальных сущностей разнообразных форм жизни. Аристотель называл видом “то в каждом, что оно, собственно, и есть в первую сущность”.

Основы представлений о виде как о вполне конкретной группе особей сформулировал Карл Линней в своем труде “Система природы” (1735). Он ввел для обозначения видов двойную (бинарную) латинскую номенклатуру. К. Линней до конца жизни был верен своему постулату: “*Nomen specificum est differentia essentialis*” — название вида — это его существенное отличие, символ его сущности. Этот символ должен обладать универсальностью, т. е. сохранять сущностное значение вне зависи-

мости от места и времени, и уникальностью, т. е. обозначать только данный конкретный таксон. Его можно было бы просто заменить числом (кодом).

Таким образом, вид выражает некоторое сущностное явление, информационный заряд. Материальным носителем вида является не отдельная особь, а популяции, поддерживающие существование вида и его эволюцию. Популяционный принцип противостоит типологическому и в настоящее время развился в синтетическую теорию эволюции — неodarвинизм. Эволюция здесь рассматривается как вероятностный процесс смены состояний (Кайданов, 1996).

С позиций типологов вид есть совокупность особей, тождественных по видовому признаку, что в терминах информационных пространств и сред означает: вид есть совокупность особей, эквивалентных заряду информационной среды с определенными значениями координат информационного пространства. В этой интерпретации типологический подход становится родственным количественной, нумерической таксономии. Опора на признаки определяет то, что конкретная систематика до сих пор в основном базируется на типологическом, а не филогенетическом подходе. С точки зрения эволюциониста виды определяются как “группы действительно или потенциально скрещивающихся популяций, репродуктивно изолированных от других таких же групп” (Майр, 1947), представляют собой уникальную генетическую систему (Кайданов, 1996). У типологов эволюция — скачксообразный процесс квантовых переходов, у эволюционистов — градуальные (постепенные) преобразования.

Обе стороны признают репродуктивную изоляцию в качестве важнейшего видового критерия, но у типологов — это причина, а у эволюционистов — следствие развития. Кроме того,

в популяционной концепции видовой критерий приложим только к обоим организмам. У типологов генотип — одно из множества признаков различия видов. За последние 15-20 лет получено много фактов, противоречащих общепринятым представлениям о видообразовании как вероятностном процессе, и поэтому в ближайшие годы следует ожидать значительного сближения взглядов типологов и популяционистов на ключевые аспекты проблемы вида (Алтухов, 1997). Расширения взгляда требует и проблема классификации надорганизменных образований, где критерий генетической изоляции уже совсем неприемлем.

Концепция информационной среды основывается на признании факта, что всякое явление нашего мира, будь то географическая фация, биологический вид или человеческая деятельность, имеют свой устойчивый прообраз (заряд) в информационной среде (рис. 2). Пусть Ψ_1 и Ψ_2 — участки информационной среды соответственно биологического и социального содержания. Узел (3) в Ψ_1 — некоторое исходное состояние вида, а (2) — его измененное состояние. Переход 3→2 соответствует эволюции, либо просто экологическому замещению одного вида другим по закону конкурентного исключения. Каждый заряд однозначно определяет направление процесса или явления B_2 B_3 — векторы реализации законов, пересекающиеся в одном месте А. Это могут быть законы причинно-следственных связей (воздействие-реакция), законы динамики (эволюции видов, сукцессионных смен). Направления реализации законов определяется внешней средой, где это происходит, и/или внутренними свойствами организма. Эволюционное или экологическое замещение 3→2 приводит к изменению ориентации вектора действия и всей ситуации в целом. Кроме того, как показывают расчеты, изменение

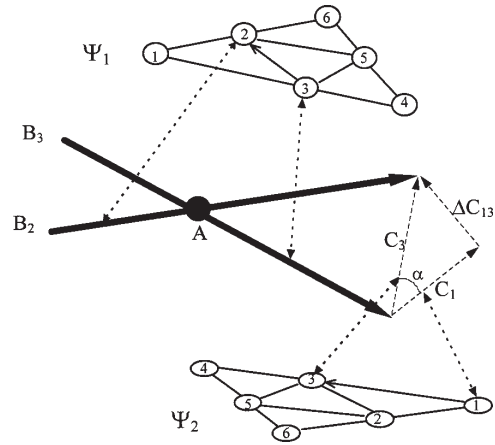

Рис. 2. Взаимодействие информационной среды и природных процессов (законов) в условиях антропогенных воздействий (пояснения в тексте).

ориентации действия в результате катастрофических изменений окружающей среды приводит к смене положения объекта в информационной среде в том случае, если изменение ситуации превышает некоторый критический порог и происходит скачкообразный переход 3→2, например, при микроэволюции или конкурентном исключении видов.

Аналогичную схему можно построить для человеческой деятельности. Информационный заряд (1) определяет вектор C_1 поступка одного человека, а (3) — вектор C_3 поступка другого. Человек в отличие от животных усилием воли или под влиянием других людей может повернуть свой вектор на угол α и поступить как (3). В том случае, если эти изменения превышают некоторый недопустимый предел, человек типа (1) становится типом (3).

Теперь пусть вектор поступка связан с деятельностью по влиянию на биоразнообразие. Например, необходимо было осуществить лов рыбы по принципу C_1 , а сделали по принципу C_3 , в результате чего реализация природных законов пошла не по пути B_1 , а B_2 , что

было сопряжено с возмущением состояния информационного заряда вида (3), например в сторону вида (2). Если эти возмущения превысили допустимую норму, то вид (3) заменился на вид (2). В состоянии человека также происходит скачок $1 \rightarrow 3$, и он начинает жить и действовать по принципу (3). Это значит, что вектор C_3 становится преобладающим. Причем в силу многомерности вектора C изменения касаются не только конкретной деятельности, но и судьбы, и здоровья, и успеха — всего того, что ценится в этой жизни. Теоретически это означает смену вероятности реализации того или иного события в жизни, например, возрастания степени риска заболеть и т. д. Разность $\Delta C_{1,3}$ двух векторов потенциального C_1 и реального C_3 определяет меру ответственности человека за поступок. Эта мера-вектор может быть как положительной, так и отрицательной направленности, и рассчитываться по формуле приращения информационной энергии.

Такая схема справедлива не только для отношений “вид-человек”, но и “человек-человек”, “экологическая среда-человек”, “среда-вид”, “человек-общество” и прочие варианты. Под экологической средой мы здесь понимаем геосистему и сообщества надорганизменного уровня. Таким образом, чтобы со всей полнотой понять взаимоотношение “человек-биоразнообразие”, необходимо включить в рассмотрение информационную среду, как обобщенную реальность.

Таким образом, помимо материальной генетической информации каждая особь, каждый человек связаны с потенциальной информацией информационной среды, которая рефлексивно управляет поведением животных, ростом растений, судьбами людей. Каждая живая клетка нанизана на свой информационный заряд и, чтобы понять раз-

витие жизни со всей полнотой, необходимо учитывать их соответствие определенному месту в информационной среде и закономерности смены этого места в процессе эволюционных и инволюционных изменений.

Людам важно понять, как устроен мир, и меру ответственности за свои поступки. Никто никого не наказывает в большей степени, чем человек сам себя. Наказание общества, ограничения общества — мнимые, поскольку имеют целью путем изоляции разорвать связь человек-общество, природа-человек, но не влияют на значения информационных зарядов действующих лиц. Человек прежде всего должен бояться и стесняться самого себя. Понимание меры ответственности за поступки в этом мире, в этой жизни — вот основа преобразования общества, в том числе в характере отношений людей к другим живым существам. Всякий, кто умеет анализировать собственную жизнь, подтвердит, что этот так.

Литература

- Алтухов Ю.П. (1997): Вид и видообразование. - Соросовский образовательный журнал. 4: 2-10.
- Гаврилов Л.А., Гаврилова Н.С. (1991): Биология продолжительности жизни. М.: Наука. 1-280.
- Кайданов Л.З. (1996): Генетика популяций. М.: Высшая школа. 1-320.
- Майр Э. (1947): Систематика и происхождение видов. М.: ИЛ. 1-334.
- Русские веды (1992): М.: Китежград. 1-368.
- Стратегия сохранения биоразнообразия озера Байкал. (1998): Иркутск.
- Черкашин А.К. (1993а): Теория и методы моделирования естественной и антропогенной динамики геосистем. - Автореф. дисс. ... доктора географ. наук. Иркутск. 1-36.
- Черкашин А.К. (1993б): Концепция региональной информационной системы. - Человек у Байкала. - Экологический анализ среды обитания. Новосибирск: Наука. 118-123.
- Черкашин А.К. (1997): Полисистемный анализ и синтез. Приложение в географии. Новосибирск: Наука. 1-502.

Многогранная тема взаимоотношения людей с окружающей природной средой так или иначе отражается творчеством почти каждого литератора и публициста. Литературе советского периода предшествовал мощный “культурный слой” русской классики XIX — начала XX вв., для которой природа всегда играла традиционно важную роль (можно выделить в этом плане наследие С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, И.А. Бунина). Более конкретно проявилась природоохранительная тематика в ряде произведений А.П. Чехова. Помимо знаменитого монолога доктора Астрова из пьесы “Дядя Ваня” (в более раннем варианте — помещика Хрущева в пьесе “Леший”) об уничтожении русских лесов и деградации живой природы, экологические мотивы обнаруживаются и в некоторых чеховских рассказах, например, “Свирель” (1887 г.). В примитивных, казалось бы, фразах безграмотного, но глубоко верующего пастуха Луки Бедного, скрыты мысли о природной гармонии, разрушаемой неразумным хозяйствованием и даже о неизбежности глобального кризиса.

“И куда оно все подевалось? — говорит старик. — Жалко! ... Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падет, и то жалость берет, а как-то, добрый человек, глядеть, коли весь мир идет прахом? Сколько добра, Господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари — все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ф.Р. Штильмарк

*Институт проблем экологии и эволюции РАН
Россия, 129337, г. Москва, ул. Федоскинская, 7, кв. 123*

место знает. И всему этому пропадать надо!”*

Известный советский писатель и литературовед В.Б. Шкловский в одной из своих последних книг указывал, что ведущая для Чехова тема — человек в мире им же истребляемом.

Подобным алармистским и эсхатологическим настроениям (по более поздней терминологии — “идеалистически-упадническим”) еще задолго до революции противостояли иные, сугубо материалистические тенденции, получившие особое яркое развитие в творчестве М. Горького (А.М. Пешкова) и его весьма многочисленных последователей, для которых характерно убеждение во всемогуществе и величии человека, подлинного “венца природы” и властелина вселенной. В известной пьесе М. Горького “На дне” и написанной тогда же (в 1902 г.) прозаической поэме “Человек” прозвучал во всю силу своего рода гимн такому “геооптимизму” (выражение Горького из его переписки с Пришвиным).

“Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга”...

“Мое оружие — мысль... Для мысли нет твердынь несокрушимых и нет святынь незыблемых ни на земле, ни в небе! Все создается ею, и это дает святое, неотъемлемое право разрушить все, что

Статья была опубликована на английском языке в журнале *Journal of the History of Biology*. Vol. 25. No. 3. 1992. P. 429-447.

* А.П. Чехов. Собрание сочинений. М., 1955, т. 5, с. 335-336.

может помешать свободе ее роста... Все в Человеке, все для Человека!"*

Уместно заметить, что Л. Толстой и В. Короленко критически восприняли поэму "Человек", увидев в ней признаки нищестанства и культа собственной личности. Однако высказанные в начале века убеждения во всевластии человека над природой М. Горький сохранил до конца жизни. Мы полагаем, что он черпал их не только от Ницше и своеобразного русского философа Н.Ф. Федорова (Горький в 20-х гг. цитировал его слова о том, что свобода людей без власти над природой то же самое, что освобождение крестьян без земли), но и — вероятно! — из приключенческой литературы, прежде всего, столь популярных тогда романов Жюль Верна. Человек, вооруженный умом и знаниями, активно противостоял в них враждебной природе. "Мы увидим, кто победит — человек или природа", — говорит один из ярких героев Ж. Верна, профессор Лиденброк. Не имевшему образования, но всегда жадно читавшему Горькому, были, видимо, близки такие взгляды, они отвечали и его натуре, и духу времени.

Революционный разлом 1917 г. потряс и взорвал русскую культуру. Одни писатели погибли (как великий поэт Александр Блок, призвавший слушать революцию и служить ей), другие оказались за рубежом, третьи были вынуждены молчать или перерождаться. Однако одновременно была вызвана к жизни буйная поросль новых советских писателей уже так называемой школы социалистического реализма. Большевистская ("пролетарская") диктатура установила жесткий идеологический контроль, исходящий из хорошо известных

представлений Ленина о партийности литературы и искусства ("долой литераторов беспартийных!"), ввела строжайшую цензуру нового типа (Главлит), удаляла или уничтожала инакомыслящих. Тогда же установилось официальное разделение людей — в том числе и литераторов — по классовому признаку и происхождению, что имело для писателей особое значение в последующие два десятилетия.

Для бурного периода гражданской войны и при сменившем его нэпе характерно почти полное отсутствие тематики охраны природы в новой советской литературе, и это вполне понятно. Революционные и военные бури, человеческие страдания и общественные потрясения заставили по сути забыть об окружающей природе. Такие авторы как А.С. Серафимович, Д.А. Фурманов, В.Я. Зазубрин, прославившиеся романами о гражданской войне, почти не касались в ней темы природы хотя бы как пейзажного фона. Впрочем, сибиряку В. Зазубрину принадлежит весьма яркое высказывание, прозвучавшее с трибуны Первого съезда писателей Сибири в 1926 г.:

"Пусть рыхлая зеленая грудь Сибири будет одета цементной броней городов, вооружена каменными жерлами фабричных труб, скована тугими обручами железных дорог. Пусть выжжена, вырублена будет тайга, пусть вытоптаны будут степи. Пусть будет так, и так будет неизбежно. Ведь только на цементе и железе будет построен братский союз всех людей, железное братство всего человечества".*

Не станем бросать камень экологических упреков. Характерно, что этот талантливый писатель, один из тех, кто стремился "железной рукой" привести человечество ко всеобщему счастью, сам пал жертвой сталинских репрессий в 1938 г. Он провидчески предугадал тен-

* М. Горький. Собрание сочинений, М., 1950, т. VI, с.170 и Полное собрание сочинений, М., 1970, т. VI, с.42-42. В черновых вариантах поэмы были строки "Нет! Буду я земли моей владыкой!" ("Горьковские чтения", т.1, М-Л.,1940, с.32).

* Цит. по: Штильмарк Ф. Таежные дали. М., 1976, с. 205.

денции наступавшей эры индустриализации и коллективизации, сопровождавшейся усилением тоталитарного режима. Однако, давая самую суровую оценку событиям 1920-1930-х гг., невозможно забыть и о феномене общественного подъема, реального энтузиазма масс, включая уцелевшую интеллигенцию. Нельзя упрощать вопрос лишь до констатации таких фактов, как воспевание подневольного труда (например, в печально известной книге “Беломорско-Балтийский канал”, коллективном труде большой группы виднейших писателей под редакцией М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина) — дело было более сложным и страшным. Идеи всеобщей реконструкции — и природы, и общества! — слившись с мифами о преодолении сегодняшних трудностей во имя светлого будущего, идеи социального прометейства поистине овладели народом и увлекли многих советских писателей. Возвратившийся в СССР из-за рубежа М. Горький весьма активно и убедительно развивал прежние тезисы о всеилии человека (но теперь уже “нового”). Тема всеобщей, всенародной борьбы — с вредителями, с прошлым, с природой — стала как бы самодовлеющей.

“С. Урицкий так и пишет — ”Объявим природе бой”. Прекрасное, подлинно большевистское намерение...” (из статьи Горького “О борьбе с природой”); заодно с засухой, считает живой классик, следует уничтожить болота, комаров, сорняки, крыс и мышей, всех других вредителей и паразитов. ... ”Хватит ли на это сил? Силы человека растут вслед за ростом его знаний о жизни и его сознания преобразовать жизнь”.*

“Нужно истребить тех врагов, которые стоят на нашей дороге, — говорит Горький, выступая за слете ударников Беломорстроя, — и взяться за основно-

го древнего врага нашего: за борьбу с природой...”*

Не менее убедительно писал об этом же другой знаменитый автор, А.Н. Толстой, также вернувшийся в СССР из эмиграции:

“Человек в центре внимания всех наших усилий — его счастье, его развитие. Мы понимаем человека как высшую форму природы. Он в вечной борьбе с ней. Он подчиняет ее, перестраивает по собственному разуму, для собственных целей”.**

Вслед за Горьким под развернутые им знамена устремился дружный строй его последователей, молодых и энергичных писателей-соцреалистов, видевших в окружающей природе прежде всего объект преобразований и неиссякаемый источник материальных благ. Здесь можно было бы назвать немало произведений Л.М. Леонова, К.А. Федина, Ф.В. Гладкова и других авторов, утверждающих идеи как становления нового человека, так и яростного природоборчества. Этой тенденции отдал немалую дань даже такой тонкий лирик и подлинный ценитель природы как К.Г. Паустовский. Прославившие его повести “Кара-Бугаз” и “Колхида” при всей их романтичности и художественности несут большие заряды преобразовательской энергии. Критики ставили их рядом со знаменитым “Рассказом о великом плане” М. Ильина (М.Я. Маршак), где рабочим отводилась роль “завоевателей собственной страны”. В предисловии к новой книге Ильина “Горы и люди” Горький писал: “Дерзновенному величию разума человеческого нет предела, а у нас этот разум растет с невероятной быстротой и качественно, и количественно”***

* М. Горький. Собр. соч., т. 37. М., 1953, с. 76.

** А.Н. Толстой. Собр. соч., т. 12. М., 1949, с. 128.

*** М. Ильин, Соч., т. 1, М., 1962, с. 605.

* М. Горький. Собр. соч., т. 26, М., 1953, с. 186.

“Новая история творит новую географию”, — утверждал популярный писатель-географ Н.Н. Михайлов, готовя в 1930 г. книгу “Лицо страны меняется”. Вот характерные заголовки задуманных глав: “Выравниваем страну”; “Переселяем животных”, “Осушаем болота”; “Уничтожаем пустыни”; “Соединяем моря и океаны”; “Поворачиваем реки”...*

Надо ли говорить о том, как вся эта антиэкологическая шумиха, подхваченная мощной массовой пропагандой, содействовала развитию “мичуринского учения”, точнее, набирающей силу лысенковщине!

Напомним, что двадцатые годы, как известно**, характеризовались довольно активным общественным движением за охрану природы в СССР, однако, советская литература по сути осталась от него в стороне. Зато с краеведением и охотничьим делом были тесно связаны такие крупные писатели как М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов и В.В. Бианки, отыскавшие свою “жизненную нишу” в мире живой природы (они подвергались в свое время активной критике и упрекам — за отрыв от передовых линий общественной борьбы).

Михаил Пришвин — писатель огромного художественного таланта (“Вы достигли совершенства небывалого в русской литературе”, — писал ему Горький) и проникновенный знаток родной природы — был человеком сложной и противоречивой натуры, непостижимым образом сочетая в себе различные взгляды, к тому же подчас вынужденно маскируя их в своем творчестве. Надо учитывать, что не все его наследие опубликовано, и лишь недавно мы познакоми-

лись с полными текстами интереснейших дневников писателя. Географ, охотник и краевед, Пришвин иногда обращался непосредственно к охране природы (статьи в защиту лесов у Плещеева озера, редкой водоросли в пойме реки Дубны и др.).

Более сдержанный, чуждавшийся публицистики Соколов-Микитов участвовал в нескольких полярных экспедициях (в том числе и той, которая впервые предложила создание заповедника на Таймыре). Он вместе с охотоведом К.А. Зворыкиным (по специальной просьбе Комитета заповедников) выезжал на волчьи облавы в Кавказский и Воронежский заповедники, спасая “благородных оленей” от “вредных хищников”. Было бы наивно упрекать сегодня писателя в нарушении экологического равновесия и принципов заповедности, тем более, что борьба с волками в наших заповедниках ведется и поныне...

И хотя в творчестве наших писателей-природолюбцев очень мало природоохранной конкретики, нельзя не видеть большой роли этих мастеров слова в пропаганде экологических представлений, воспитании любви к живой природе. Лирические рассказы и миниатюры М.М. Пришвина, повести и очерки И.С. Соколова-Микитова, сказки В.В. Бианки влекли к себе внимание юных натуралистов, обогащали их представления об окружающем мире и его обитателях. Это же в полной мере относится к циклам рассказов “Мещорская сторона” Паустовского, той же цели отвечали и наиболее удачные книги из обширного пласта научно-популярной литературы о природе (С.И. Огнев, А.В. Цингер, Н.Н. Плавильщиков и др.). Особняком стоят довольно популярные тогда научно-фантастические романы академика В.А. Обручева “Плутония” и “Земля Санникова”, для которых при невысоких художественных качествах характерна примитивная утилитарность и антиэкологичность (бездушное уничтожение неведомых науке животных).

* Н.Н. Михайлов. Круг земной. М., 1976, с. 63.

** Д. Вайнер (Уинер). Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. 400 с.

Успешное завершение войны с фашизмом укрепило авторитет Сталина и усилило созданную им тоталитарную систему до абсурда. Пафос покорения природы при наступившем расцвете лысенковщины, соединившись с культом вождя, достиг апогея, приняв при этом уродливые, подчас карикатурные формы. Советская литература и пропаганда, включая все уровни образования, внушала народу лишь сугубо прагматические идеи, выражавшиеся подчас в духе антиутопий Оруэлла (“разрушать — значит созидать”; “больше леса стране” — надпись под изображением спиленных деревьев; “дым фабрик и заводов — дыхание советской республики” и т. п. — подобные лозунги, наряду с плакатами и прославлениями Сталина, можно было видеть повсюду). В школьных учебниках важное место отводилось стихам С. Маршака “Война с Днепром” и отрывку “Наступление на тайгу” из романа В.Н. Ажаева “Далеко от Москвы” с выразительными призывами к сокращению дальневосточной тайги со всеми ее обитателями. Уровень литературных произведений снизился даже по сравнению с тридцатыми годами. Когда-то талантливый М. Ильин публикует в 1950 г. трудночитаемую повесть “Покорение природы”, прославляя Вильямса, Лысенко и — само собой! — Сталина. “Смотрите, говорит советский народ, вот та война, которую должны вести люди, — война за господство над силами природы”.*

Возникла целая рать писателей-популяризаторов, прославлявших “учение Мичурина-Лысенко” (Г. Фиш, В. Сафонов, А. Поповский (отец современного писателя М.А. Поповского, автора известных книг о Н.И. Вавилове) и др.). Преобразовательских выступлений не могли избежать ни Пришвин, ни Соко-

лов-Микитов, ни Паустовский, написавший тогда повесть “Рождение моря”, которую позже не включал в собрание своих сочинений. На этом фоне подлинным событием представлялась его же “Повесть о лесах” или очерки “В защиту друга” Л. Леонова, не говоря уже о брошюрах В.Н. Макарова “Охрана природы в СССР” (1947 и 1949 гг.), по сути первых советских книжных изданиях на эту тему. В 1948 г. М.М. Пришвин, выступая на слете юных туристов, говорил, что охранять природу — значит охранять родину, но призывы эти были гласом вопиющего в пустыне. Созданный при участии Макарова двухтомник “Заповедники СССР” был издан в 1951 г. Географгизом, когда большинство описываемых резерватов уже оказались ликвидированными.

Однако в те же годы Географгиз переиздавал книги знаменитых русских путешественников (Пржевальского, Козлова), а также В.К. Арсеньева, уделявшего в своих трудах так много внимания живой природе. Выходили в свет полезные издания писателей-натуралистов (А.Н. Формозова, Е.П. Спангенберга, С.С. Турова и др.), а также писателей охотничьей тематики (И. Арамилева, В. Перегудова, В. Матова и др.), которые сейчас интересны более всего тем, что позволяют увидеть, насколько богатыми еще недавно были наши опустевшие ныне уголья...

Вышедший в год смерти Сталина (1953) роман Л.М. Леонова “Русский лес” не выдержал испытания временем и справедливо осужден ныне за тенденциозное отношение к русской интеллигенции (не говоря уже о том, что карикатурный образ профессора Тараканцева явно намекает на весьма достойную фигуру академика В.Н. Сукачева, главного борца с лысенковщиной, а прототипом положительного героя Вихрова служил теоретик лесоистребления проф. Н.П. Анучин). Однако же в то время природолюбцы готовы были многое про-

* М. Ильин. Преобразование планеты (Рассказы о покорении природы). М., 1951, с. 404.

стить автору хотя бы за несколько эффектных фраз в защиту наших лесов. Некоторое время Леонов пытался “заступаться” за леса, выступая на эти темы в печати, но вскоре убедился в полнейшей бесплодности подобных усилий и прекратил их. Впрочем, забегая несколько вперед, заметим, что даже очень острые выступления главы советских писателей М.А. Шолохова, причем с высочайших трибун партийных съездов, в защиту Байкала и Дона не принесли никаких реальных результатов...

Окончание сталинской эры с развенчанием культа личности вождя в 1956 г. внесло существенные изменения в советскую действительность и немедленно отразилось в литературе. Характерно, что прогремевший тогда “крамольный” роман В.Д. Дудинцева “Не хлебом единым”, казалось бы не имел никакого отношения к природоохранной тематике, героем его был инженер-изобретатель, но в романе оказались вскрыты важные потайные пружины страшной машины тоталитарного государства, которые вели к разрушению и природы, и человеческих личностей. Недаром выступление К.Г. Паустовского на обсуждении этого романа стало одним из первых образцов “самиздата” и ходило тогда по рукам, а говорил там писатель, в частности, о том, что вся страна (и ее природа!) гибнет во имя выполнения плана, в интересах государственно-партийных чиновников.

Это казалось великой крамолой (недаром после того выступления вопрос об издании книги В. Дудинцева был решен отрицательно!), но в июне 1956 г. в газете “Правда”, статьи которой тогда воспринимались как “руководящие указания”, появилось “Письмо из Тарусы”, где К.Г. Паустовский во всеулышание — и едва ли не впервые! — обличал наши ведомства в надругательстве над живой природой. “Мало того, — писал он, — что берега Оки опустошают с какой-то, я бы сказал, садистской ярост-

тью, но и воду ее безнаказанно и систематически отравляют калужские и алексинские заводы. Рыба или уходит (как ушла из Оки стерлядь), или гибнет массами. С некоторых пор пойманная в Оке рыба начала пахнуть одеколоном... и еще какими-то химическими и убийственными запахами. Заводы ведут себя попросту нагло. Очевидно они почитают себя государством в государстве. Никакие приказы, никакие меры не помогают. Большого наплевательства по отношению к своей стране и народу, большего безразличия к своей стране и ее природным богатствам трудно себе представить”.*

Плотина былого молчания была прорвана. Страна менялась, и сквозь партийно-идеологический контроль, хотя и в строго регулируемой степени, хлынул литературно-публицистический поток, обличающий бесхозяйственность, направленный на охрану окружающей природной среды. Вскоре проявилось творчество нового поколения советских писателей (впрочем, разного возраста), активно выступавших за охрану природы, хотя эти мотивы приходилось подчас улавливать среди более актуальной общественной тематики. Для примера назовем талантливую повесть В.А. Солоухина “Владимирские проселки”, некоторые рассказы Ю.М. Нагибина, В.П. Астафьева, Ю.П. Казакова и др. В следующем десятилетии тематика эта существенно расширяется, а тенденции “покорения” природы постепенно сходят на нет (с крахом лысенковщины).

Для советской литературы природоохранной тематики в целом характерно преобладание публицистики над беллетристикой. Писатели не стояли в стороне от актуальных вопросов природопользования, хотя им подчас приходилось преодолевать редакционные и цензурные барьеры. Памятной осталась борьба про-

* К.Г. Паустовский. Собрание сочинений, т.7, М., 1983, с. 358.

тив Нижне-Обской ГЭС и за сохранение Байкала (С.П. Залыгин, Ф.Н. Таурин), хотя она и не остановила строительство байкальских целлюлозных комбинатов. Большое общественное внимание привлекли очерки В.А. Чивилихина о кедровых лесах Алтая, активным заступником лесов и Байкала проявил себя вернувшийся из многолетнего заключения О.В. Волков, энергично участвовал в природоохранном движении на Урале публицист Б.С. Рябинин — подобных примеров немало. Особую популярность как пропагандист экологических знаний снискал себе журналист, фотограф и писатель В.М. Песков.

Во второй половине 50-х годов почти все союзные республики вслед за прибалтийскими принимают законы об охране природы (в РСФСР такой закон был принят в 1960 г., а союзный так и не был оформлен), что обусловило выход на новый уровень научно-популярной и учебной литературы такого рода. Одной из первых тогда была ныне забытая, но довольно яркая по содержанию брошюра проф. В.П. Скалона “Охраняйте природу”, изданная в 1957 г. в Иркутске. Она как бы открыла новую серию книг на эти темы, лучшей из которых нам представляется талантливая работа проф. Л. Арманда “Нам и внукам” (М., 1964, 1966), оживленная удачными рисунками.

Некогда дружный хор “геооптимистов”, преобразователей и покорителей природы сменился разрозненным и нервным оркестром алармистов-оплакивателей. Былая “Земля в цвету” (В. Сафонов) спустя десяток лет предстала “Землей в беде” (В. Чивилихин). Но сколько-нибудь серьезного влияния на реальное положение дел ни публицистика, ни художественная литература оказать не могла; состояние природной среды в СССР продолжало неизменно ухудшаться.

Естественно было бы ожидать, что с этой нелегкой задачей успешнее спра-

вятся ученые. Многие экологи как старшего поколения (Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, А.Г. Банников), так и более молодого (В.В. Флинт, В.Е. Соколов, Н.И. Дроздов и др.) охотно обратились к охране природы, отнюдь не чуждаясь научно-популярной литературы и публицистики; они много ездили (и по своей стране, и за рубежом) и часто печатались. Однако усилия их были также разрознены, а творчество ограничивалось либо узкими рамками специальной отраслевой тематики, либо носило характер сугубой популяризации. Среди довольно большого числа изданных этими авторами книг на тему охраны природы нелегко выделить какие-либо яркие и талантливые произведения (разве что отметить хорошие подборки слайдов, например, Н.Н. Дроздова об Австралии). Оставаясь на сугубо материалистических, а порой и на прагматических позициях, эти ученые приводили в защиту животных как правило лишь общие доводы или лобовые лозунги умозрительного характера, заметно уступая даже уровню писателей-публицистов. Рассчитанные на более-менее подготовленный круг читателей, специально интересующихся живой природой, такие издания не привлекали широкого внимания.

Гораздо большее значение в этом плане имели произведения Дж. Даррелла, Б. Гржимека, Д. Адамсон, которые издавались более эффективно и пользовались признанием на книжном рынке.

Для специалистов же подлинным событием было появление переводных книг “До того как умрет природа” Ж. Дорста, “Природа предъявляет счет” Р. Парсона, “Трехсотлетняя война” У. Дугласа и др.

Разумеется, в СССР можно было бы найти весьма талантливых натуралистов, готовых поделиться своими делами и размышлениями с читателями. Но таким людям, преимущественно живущим в дальних краях, было крайне трудно

пробиться сквозь научный и редакционный официоз, пройти густую сеть рецензентов, издателей, цензоров и т. п. Плановая издательская система работала в заданном цикле, допуская лишь сугубо определенный проверенный круг “надежных” и апробированных авторов, отнюдь не выискивая неведомые таланты.

Сколько их, этих талантов, оказалось вообще вне книжного мира — никогда не узнать, судить можно лишь по отдельные исключения. Книжки замечательного натуралиста-этолога Е.А. Крутовской выходили в Красноярске и Новосибирске малыми тиражами и в очень непритязательном оформлении, не становясь достоянием широкой общественности. Такова же была судьба выдающегося натуралиста — энтомолога и художника В.С. Гребенникова из Красноярска. Можно только гадать, какими яркими произведениями порадовали бы нас эти и подобные им биологи, если бы двери издательств были широко открыты...

Идеологическая ограниченность издателей, их постоянный страх перед правящей системой не позволяли обращаться даже к отечественной классике. Одна из самых талантливых “экологических” книг прошлого — “Очерки из жизни русской природы” проф. М.Н. Богданова — выдержала в начале нашего века множество изданий (ее, как известно, читал даже Ленин), но почти не переиздавалась после 1917 года. В шестидесятых годах автору пришлось быть свидетелем, как решался вопрос о ее издании, причем возражал против этого профессор Банников, ссылаясь на обилие в книге религиозных мотивов. В итоге опубликованные отрывки очерков Богданова, разумеется, не шли в сравнение с прежними его книгами ни по содержанию, ни по оформлению. Такая же участь постигла работы другого прекрасного популяризатора, проф. Д.Н. Кайгородова. И по сей день наши издательства пренебрегают публикацией выдающихся авторов прошлого. Приятным

исключением может быть названо издание девяти томов трудов замечательного охотоведа и натуралиста Л.П. Сабанеева (М., изд-во “Физкультура и спорт”, 1982-1989).

Конечно, “экологическая ниша” писателей-натуралистов не осталась пустующей. В детской литературе на смену Пришвину и Бианки пришли Н.П. Сладков, Г.Я. Снегирев, М.Д. Зверев и др. Прежних профессионалов популяризации сменили плодовитые И.П. Акимускин и Ю.Д. Дмитриев, питавшие особую склонность к престижным многотомным изданиям типа “Жизнь животных” или “Соседи по планете”, которые пользуются повышенным спросом и далеко не всегда попадают к натуралистам-читателям. Для данной аудитории писали и пишут также А.С. Онегов, С.В. Сахарнов, М.Е. Ивин, Л.Л. Семаго; возникло новое поколение писателей-охотников (В.М. Петров, В.Б. Чернышов, Ю.П. Вигорь и др.).

Период 70-х гг, который принято сейчас называть “застойным” (до 1985 г.) представляется нам довольно противоречивым и сложным. В связи с рядом событий (смена власти в СССР, “Пражская весна” и др.) усиливается идеологическое давление, обостряется борьба государства против нарастающего диссидентства, что заметно сказывается и на природоохранительном движении. Эпопея Байкало-Амурской магистрали и других “строек века” вновь возрождает угаснувший было пафос “борьбы с природой”, опять появляются на страницах печати выражения из военной тематики (“наступление на таежную глушь”, “таежные десанты”, “даешь БАМ” и т. д.), чему лишь пытаются противостоять публицисты-экологи и ученые (например, проф. В.Н. Скалон, а также автор (мой очерк “БАМ глазами эколога” был набран в типографиях Москвы, Улан-Удэ и Хабаровска, но так и не вышел в свет). Главлит вводит официальные ограничения на тематику охраны природы (особые правила действовали, в частности,

для публикаций по регионам Байкала и БАМа), которые соблюдались довольно строго (при подготовке в начале 70-х годов книги “Таежные дали” автор получил от издательства “Мысль” (Москва) специальное письмо с требованием убрать со страниц рукописи какую бы то ни было критику в адрес ведомств, связанных с охраной природы).

Но с другой стороны, хотя природоохранная публицистика была приглушена, тема нарастающей тревоги в связи с ощущением дыхания экологического кризиса невольно возрастает. При этом появляется стремление понять причины происходящего, отыскать и рассмотреть истоки нарастающих бедствий. Не удовлетворяясь констатацией фактов, литература пытается их осмыслить. Организуется и более-менее согласно звучит новый хор официозных юристов и философов, пишущих на экологическую тематику (И.Д. Лаптев, О.С. Колбасов, В.В. Петров и др.), которым присущ довольно стандартный дух социального оптимизма, показная вера в улучшение системы, надежда на действенность новых и новых правительственных решений. Многие специалисты-экологи (ботаники, зоологи) получают широкий “фронт работ” в связи с выходом в 1978 г. первого издания “Красной книги СССР”. Их активность заметно возрастает — появляются целые пласты “краснокнижных” компиляций для самых различных аудиторий (от массовых и студенческих до детсадовских книжек-раскрасок). Написанные, как правило, стандартизованным научным языком, они могли иметь лишь ограниченное просветительское значение, но не стали событием в книжном мире и вряд ли оказали положительное влияние на охрану редких видов флоры и фауны. Массовые же издания (М.В. Черкасова и др.) вообще не пользовались спросом. Но так или иначе, тема оскудения живой природы стала постоянной нивой творчества для вошедших во вкус этой тематики

авторов, регистраторов природных бедствий.

По нашему убеждению, подобная просветительская деятельность не достигала своей цели, ибо она оставалась холодна и рассудочна, обращалась к разуму, а не к душе читателя, оставляя его если не равнодушным, то вполне спокойным. Думается, что одна книга рассказов о животных Э. Сетона-Томпсона или талантливая повесть тех лет “Белый Бим, черное ухо” Г.Н. Троепольского сделала для охраны животных больше, чем все безмерное количество “краснокнижных” изданий, большая часть которых родилась по соображениям, далеким от экологии. (Это не означает отказа от самой идеи “Красной книги”, но такое издание должно быть, по нашему убеждению, строго научным и для ограниченного пользования. Профанация здесь явно вредна.)

Более серьезны, впечатляющи и действительны научные и научно-популярные издания по экологической тематике академиков Н.Н. Моисеева, И.В. Петрянова-Соколова, С.С. Шварца, члена-корреспондента АН СССР А.В. Яблокова, доктора биологических наук Н.Ф. Реймерса, приложивших немало реальных усилий для подлинного укрепления экологических знаний. Уместно упомянуть в таком же контексте труды выдающегося историка Л.Н. Гумилева (в частности, работу “Этногенез и биосфера земли”, которая в 70-х годах была депонирована и опубликована лишь совсем недавно). Академик Д.С. Лихачев, один из самых признанных мастеров популяризации знаний, ввел в широкий обиход термин “экология культуры”. Единство культурных и экологических проблем несомненно, однако порой уместно призвать к повышению культуры нашего экологического движения, преодолению присущего “застойному” времени лицемерия и двоемыслия.

Прямые антиэкологические представления сохранились не только в гуще

народных масс, но и в сознании некоторых официальных экологов. Так, главный редактор всесоюзного журнала “Охота и охотничье хозяйство” (надо признать, что тема охраны природы и заповедного дела не сходит с его страниц) О.К. Гусев писал в 1980 г.: “Утверждение, что человек не должен господствовать над природой — глубокое недоразумение. Это одно из самых массовых самовнушений последнего десятилетия [автор в ряде других статей не раз говорит о тенденции “идеализации природы” — Ф.Ш.]... Будущее обещает человеку все большее освобождение от террора враждебных ему природных сил, и тем самым он будет все шире проявлять свое господство над ними”.*

На это возвращение в эпоху 30-х годов хочется ответить цитатой из статьи Ю.М. Бородай, посвященной трудам Л.Н. Гумилева:

“Если бы люди всегда губили природу, ссылаясь на то, что они ее покоряют, то со времен палеолита они превратили бы нашу планету в пустыню... А поскольку этого нет, то очевидно, наряду с “губителями” среди людей есть и “охранители”, но психология их диаметрально противоположна...”**

Но где же все-таки найти ответ на “проклятый вопрос” о подлинных причинах бедствий нашей природы? Он, этот ответ, существует, но дают его не профессиональные (и тем более — не официозные!) экологи, не академики и члены-корреспонденты, нам дает его русская литература (включая и советский период), дают такие великие писатели, как Солженицын и Астафьев, и такие мыслители, как Николай Бердяев и Василий Розанов. Все дело в том, что разгадку феномена следует искать не в природе, а в человеке, в людях. Не из

глобальных биосферных процессов, а из человеческой сущности, из общественно-социальных явлений проистекают наши тревоги и бедствия.

Так что же с нами происходит? Мы получили вполне определенный ответ, читая такие произведения русской литературы 1970-х годов как роман (“повествование в рассказах”) “Царь-рыба” и цикл рассказов “Затеси” В.П. Астафьева, повести “Прощание с Матерой” и “Пожар” В.Г. Распутина, роман “Плаха” Ч. Айтматова и его же повесть “Белый пароход”, рассказы В.М. Шукшина и А.В. Скалона. Мы не даем здесь анализа этих произведений, но в каждом из них видим столкновение человеческой духовности с аморальностью, полноты духа с пустотой, правды с ложью, причем “экология человека” поистине слита здесь с глобальными земными проблемами.

... Вот мальчик, стоя на берегу Енисея, хохочет над сусликом, засунутым живым в узкую банку, наружу торчит хвостик, поэтому мальчику смешно. Папа на глазах дочери рассыпает воркующим голубям отравленное зерно, чтобы они подошли на месте. Мужики спокойно выжигают дома и кладбища с крестами, готовят ложе будущего водохранилища, это их рядовая работа. Другие мужики на пожаре воруют бутылки с водкой. Один охотник кромсает топором череп рогатой матери-оленихи, другие стреляют с вертолетов сайгаков, гонят беспомощных зверей до изнеможения. Третий охотник бросает в тайге на верную гибель собаку, которая добывала ему дорогих соболей... Бесчинствуют браконьеры, гремят выстрелы, льется кровь, совершаются предательства и подлости, а итогом всего этого как раз и будет гибель человека как части природы, то есть, по существу, разрушение биосферы, которой так и не суждено было стать “сферой разума”. Нет в ней места таким, как Гога Герцев (из “Царь-рыбы” Астафьева), Орозкул и Кокетай (из “Белого парохода” Айтматова), не

* О. Гусев. Оптимальное — в оптимальном. - В мире книг, 1980 г.

** Ю. Бородай. Этнические контакты и окружающая среда.

нужны ей скалоновский Арканя Алферьев или жутковатые антигерои распутиных повестей, людей не просто корыстных, злых или эгоистичных, но утративших человеческий образ, преступивших грань между человеком и дикарем.

“От людей бедствие, от самых разумных существ... Где такие люди побывают, там птицы петь перестают...”*

Странствуя вдоль Оки, Александр Солженицын размышляет о том, что же поднимало, возвышало людей, не позволяло им опуститься на четыре конечности. Это — утраченные ныне духовность, достоинство, вера. Но в семидесятые годы никто из писателей наших не мог сказать об этом откровенно. “Крохотки” Солженицына ходили по рукам как самиздат, Астафьеву с огромными усилиями удалось вставить в концовку “Царь-рыбы” несколько строчек из “Экклесиаста”... А ведь такие откровения задолго до эпохи застоя уже звучали в литературе...

“Собственно, отчего мы умираем?” — спрашивал в 1917 г. (за два года до своей голодной смерти) ютившийся в Сергиевом Посаде Василий Васильевич Розанов. Он констатировал удивительную легкость, с которой народ наш признал идеи атеизма и социализма, отбросив (“точно в баню сходили!”) прежнюю веру, понятие греха, совесть... “Мы умираем от единственной и основательной причины — неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся... И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен”.** Да, солнце не хочет светить, птицы петь отказываются... Здесь-то и вся разгадка, вот кратчайшая формула причин экокризиса!

Подробные объяснения дает нам Н.А. Бердяев, но мы приведем лишь самые краткие выдержки.

* В. Астафьев. Царь-рыба. Красноярск, 1978, с. 178.

** В. Розанов. Уединенное. М., 1990, с. 395.

“Человек выходит из недр природы, из ее стихии и хочет быть господином, хочет овладеть природными стихиями. И природа отходит от человека, она морщится и иссыхает вокруг него... горьки и некрасивы плоды власти над природой...” *

“Ложь лежит в основе нравственного пафоса социализма. Ложь эта соблазняет сентиментальных людей. Идеология социализма ... враждебна труду духовному ... и отрицает творческую природу труда... Материалистический социализм не в силах организовать труд ... он разрушает духовные основы труда... Социализм есть восстание материи против духа”.**

Приговором выглядит столь актуальный сегодня вывод философа: “Безграничный рост потребностей и рост народонаселения создал капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и означает убыль духа... И если народы хотят возродиться, то им придется вступить на путь аскетического самоограничения и одухотворения хозяйственной жизни... Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни”.***

По сути этот же вывод звучит в русской литературе и публицистике 1970-х гг., мы находим его — в прямом или

* Н. Бердяев. Философия неравенства. Париж, 1971, с. 202. Ср.: “Два миропонимания: 1) Восточное: человек считает себя частью огромного целого мира, поэтому он благоговейно подчиняет себя этому целому или богу. 2) Европейское (Западное): человек считает себя господином мира и создает систему господства, называемую им цивилизацией. Внутренней силой цивилизации является стремление к счастью, внешней — наука. Вот почему Толстой презирал науку, а Горький ее обожествлял”. (М. Пришвин. Дневники. Соч., т. 8. М., 1986, с. 309).

** Н. Бердяев. Там же, с. 206.

*** Н. Бердяев. Там же, с. 102-103.

слегка завуалированном виде — в лучших произведениях советской литературы тех лет (особенно проявляется он у В. Распутина). Возвращается ветер на круги своя...

На эту ранее совершенно недостижимую тему ныне замахиваются наиболее смелые и дерзкие из наших экологов и публицистов (М.Я. Лемешев, В.А. Ярошенко, Ф.Я. Шипунов и др.), но все же освобожденная от прежних оков советская литература не спешит сказать правду, да и не так-то просто это сегодня...

Едва ли не единственным примером успеха экологического движения был официальный отказ от поворота северных рек, достигнутый усилиями науки и общественности, ученых и писателей (в частности, А.Л. Яншина, С.П. Залыгина и др.). Заметным явлением были книги Д.А. Гранина “Зубр” о Н.В. Тимофееве-Ресовском, вокруг которой возникла позорная полемика, а также “Белые одежды” В.Д. Дудинцева и “Оправдан будет каждый час” В.И. Амлинского о лысенковщине. Отраден факт издания в 1991 г. давно известной за рубежом книги М.А. Поповского о горестной судьбе Н.И. Вавилова. И вряд ли стоит сожалеть о том, что заметно снизилась былая издательская активность наших официозных экологов, работников различных природоохранных ведомств и соответствующих научных подразделений. Былые надежды на мощное государственное вмешательство в дело охраны природы, несмотря на создание в 1988 г. специального Комитета, не сбылись.

Советская система охраны природы базировалась на довольно жестких (хотя и отнюдь не всегда соблюдавшихся) административно-правовых нормах, множестве запретов, ограничений, штрафов и т. п. В настоящее время наблюдаются противоположные тенденции — усиления такой системы или отход от нее, связанный с демократизацией, вниманием к первоочередным нуждам людей, особенно малых народностей (уже

проявились признаки отхода от принципов заповедности под активным давлением местных органов власти, ослаблении централизации и администрирования). Второй путь представляется предпочтительнее, но неизбежны при этом определенные уроны и утраты, которые могут восполнены только со временем, с осознанием обществом природоохранных идей, появлением подлинно экологического мышления. При этом невозможно переоценить значимость литературы и публицистики, формирующей общественное мировоззрение. Предстоит перейти от жесткой государственной ОХРАНЫ к добровольной ЗАЩИТЕ, к покровительству людей над природой, всеми формами живой жизни.

Такие представления только зарождаются и формируются в трудное кризисное время, когда общий уровень культуры обнаруживает тенденции к снижению на фоне усиливающихся противоречий и разногласий. Писатели и публицисты чутко улавливают и отражают нарастание явлений духовного и общественного кризиса, заметно нарастает в их творчестве тема тревоги и неясности будущего.

Нам остается кратко коснуться последнего, нынешнего этапа, уже обусловленного перестройкой и гласностью. В целом прогресс несомненен, однако общество меняется трудно и медленно, сущность его остается прежней. Экологическое общественное движение в эти годы развилось и окрепло (вплоть до появления партии зеленых), но тема охраны природы в массовой литературе, как ни странно, звучит несколько приглушенно. Само понятие охраны окружающей среды принимает все более конкретный, скорее защитно-гигиенический (санитарный) смысл. Проблемы эти отступают на второй план в связи с более острыми социальными вопросами, возникают трудности публикации в новых условиях даже для ранее именитых авторов. Такие еще недавно модные темы, как заповедники и национальные парки,

браконьерство, охрана редких видов ныне не пользуются вниманием прессы и тем более — книжных издательств. Зато сняты цензурные ограничения со всех зловещих материалов Госкомгидромета о загрязнении среды, и уже никого не удивишь самой мрачной статистикой.

Однако массовый читатель трудно воспринимает нарастающие экологические угрозы, происходит как бы приспособление к экстремальным условиям существования. Появившиеся в последние годы газеты “зеленой” направленности не пользуются спросом, новых журналов почти нет (“Охрана природы”, существовавшая в 1928-1930 гг., так и не возродилась!), официально созданное издательство “Экология” ничем себя пока что не проявило.

Апокалипсическая катастрофа Чернобыля вызвала к жизни поток публикаций (А. Адамович, Ю. Щербак и др.), но будущее атомной энергетики по-прежнему неясно, дамокловым мечом продолжает

нависать угроза сооружения множества новых крупных гидроэлектростанций, это тоже тема публицистов-экологов (борьба против ГЭС на Катунь и др.).

Оглядываясь на сложный путь, пройденный литературой за советский период, можно констатировать, что тема взаимоотношения человека и природы претерпела за минувшие десятилетия серьезные изменения. Тенденции покорения и господства сменились новыми взглядами, когда на первый план выходят мотивы раскаяния и сожаления. Нашим писателям несомненно удалось лучше, нежели нашим ученым, отразить как внешнюю сторону эволюции природопользования, так и глубинные процессы углубляющегося разлада природы и общества.

Откуда, как разлад возник?
И почему же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова

Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр
Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48,
e-mail: vladimir@kekz.freenet.viaduk.net

Человек по-разному может реагировать на дикую природу. Это сентиментальность и романтизм, мистицизм и научный подход, желание набраться сил и религиозное ощущение. Попробуем разобрать последнее.

Теоретик религии Мирча Элиаде ввел термин "иерофания", что значит "проявление (ощущение) святого". "Иерофания" проявляется в объектах, имеющих нечто из "Совершенно Иного". Так, священные камни, деревья и родники почитаются не ради самих себя, а ради этого "Совершенно Иного", в качестве "иерофании". Такой святой объект продолжает оставаться самим собой, но, проявляя святое, он становится и "чем-то еще". В принципе любой объект может проявлять "иерофанию" благодаря власти религиозного восприятия. Религиозное мышление способно всю природу воспринять как потенциальное вместилище космической святости. Поклоняются не самой природе, но власти, проявляющейся в природе. Везде горы почитаются как места власти "Совершенно Иного". При этом под "Совершенно Иным" следует понимать место, свободное от человека и его произведений и отличающееся от него и его произведений.

Согласно классической работе Рудольфа Отто "Идея святого", посвященной феноменологии религии, "божественность" воздействует на сознание человека двумя способами: ощущением "создания" и осознанием "огромной загадочности". Ощущение "создания" подразумевает, что в присутствии святой власти человек чувствует себя слабым и хрупким. Осознание "огромной загадочности" зачастую вызывает у большинства людей богобоязнь, восхищение и ощущение "Совершенно Иного". Концепция "Совершенно Иного" является очень ценным вкладом Отто в словарь религиозной психологии. Именно это "Совершенно Иное" как важная составляющая святой власти ("святая власть" — ощущение ничтожности и благоговения

перед природным объектом, синоним понятия "святость"), особенно ощущается в дикой природе.

Существует несколько видов святых мест. Американские индейцы считали священной всю землю. Многие языческие религии ограничивали священную территорию до размера рощи, горы, острова, ключа, дерева. Христианство еще более сузило размер священной территории до нескольких храмов в Иерусалиме.

Однако все священные места имеют одинаковые свойства. По мнению американских философов Д. Хьюза и Д. Свана, священное место — это такое место, где человек находит проявление священной власти, где он ощущает себя неотделимой частью Вселенной. Там, где человеку является дух.

Исходя из этого, участки дикой природы также можно назвать священными, ибо многие люди ощущают в них святую силу. Так, пионеры заповедания дикой природы всегда говорили, что основным толчком к такой идее была забота об уголках дикой природы, понимаемых ими как священные. Вся остальная часть Земли является светской, несвященной, вульгарной. Американец Джон Мюир был уверен, что все, что он делал, спасало священные места. Он говорил о диких горах и лугах как о местах исцеления, обновления и молитвы. Он понимал уважение девственной природы как религиозный опыт. А когда долину Хетч-Хетчи в национальном парке собирались залить водой, он провозгласил принцип священности этого места.

"Человек, искренне любящий дикую природу, остается скорее язычником, чем христианином. Утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближайший лес, а не стоять со свечой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурного моря восхищает меня более, чем икона" — считает Феликс Штильмарк. Примерно так же высказался и руководитель

Сьерра-Клуба Дэвид Броуэр: "Мы имеем своего рода религию, этику в отношении земли, и эта религия является, я полагаю, наиболее близкой к буддистской." По мнению американского географа и экофилософа Линды Грэбер, дикая природа стала "современным видом святого пространства, ценящегося как символ геонабожности и как фокус религиозных чувств". По ее мнению, светские доводы в защиту первозданной природы "не всегда то, что надо". Часто святую силу, имеющуюся в участках дикой природы, стараются показать писатели. Таких примеров достаточно. Взять хотя бы описание девственной сибирской тайги у Виктора Астафьева в "Царь-рыбе". Пытались эту задачу решить и художники. Китайские живописцы династии Танг и Шунг показывали святую силу в природе путем изображения на картинах пустого пространства.

Встреча с божественным в природе во многом аналогична встречам с великими произведениями искусства, с их волнующей властью, способной производить внезапные перемены в восприятии окружающего мира многими умами в разное время и в разных странах. Святая сила дикой природы истинному природоохраннику раскрывается мощным потоком нового понимания. После получения божественных ощущений у разума нет сомнений в их реальности. В дикой природе обеспечивается наилучшее восприятие, ощущение божественности.

Таким образом, можно говорить о существовании особой, до сих пор не идентифицированной обществу, своего рода общественной религии, не имеющей ничего общего с церковными и традиционными верованиями. Это есть религия природоохраны, основанная на почитании участков дикой природы как священных мест.

Ощущение участков дикой природы святыми местами — главное в религии природоохраны. Как всякое колдовство совершается через частичное прикосновение к околдованному, так религия природоохраны проникает в человека при его прикосновении к священным уголкам дикой природы.

Не важно, кто ты — христианин, буддист или язычник, и даже, наверное, атеист, но попав в дикое ущелье или на пустынный берег моря, ощущаешь близость божества. Не в церкви, но в диких местах человек находится ближе всего к Богу.

Стать приверженцем религии природоохраны невозможно без особого откровения, божественной вспышки, случающейся чаще всего в детстве на лоне дикой природы. Эту божественную вспышку не заменит никакое экологическое образование.

Организацию чудных и одухотворенных людей, решившихся бороться за свободу дикой природы можно назвать особым религиозным сообществом. Это братство посвященных, объединенных общей верой и социально отличимых от непосвященного большинства. Все святые сообщества имеют свои культурные очаги, места, где они впервые появились и которые помогли сформировать их мировоззрение. Для российских защитников дикой природы одним из таких культурных очагов является Зоомузей МГУ, где со времен Г.А. Кожевникова сформировалось не одно поколение природоохранников. Также для многих современных московских природоохранников таким местом является заказник "Журавлиная родина" и его окрестности в Талдомском районе Московской области.

Какие же действия могут вестись сторонниками религии природоохраны? Эти работы могут иметь три направления. Во-первых, изучение религиозной ценности дикой природы, во-вторых, популяризация понятия дикой природы как священного пространства, его культа, уважения к нему. В третьих, конкретные действия по охране участков дикой природы.

Кстати, в Украине выборочные социологические опросы, проведенные в 1999 г. Киевским эколого-культурным центром, показали, что более 70 процентов опрошенных согласны с утверждением, что участки дикой природы являются священной территорией.

Необходимо объявлять святыми местами все сохранившиеся (заповеданные и незаповеданные) участки дикой природы. Эта идея должна войти в культуру цивилизованного человека. Участки дикой природы из неудобий, бросовых земель должны перейти в разряд священного центра любых цивилизаций, без которых они погибнут.

Присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикости природы. Эта священная величественность является делом Бога, которое выходит за пределы истории и останется нетронутым и неизменным течением времени.

ПРИРОДООХРАННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА

Б. Кэликотт

“Для меня непостижимо, что этические отношения с землей могут существовать без любви, уважения и восхищения землей, и высокого уважения к ее ценности. Под ценностью, конечно, я имею в виду что-то гораздо более широкое, чем простая экономическая ценность; я имею в виду ценность в философском смысле”. Олдо Леопольд, 1949 г.

Ценность биоразнообразия

Биологи охраны природы часто рассматривают ценность биоразнообразия как данную. Для многих неспециалистов, однако, ценность биоразнообразия может не быть такой очевидной. Потому что усилия по охране природы требуют широкой общественной поддержки, биолог охраны природы должен быть способен полностью провозгласить ценность биоразнообразия. Почему мы должны заботиться – то есть ценить – биоразнообразии?

Философы окружающей среды по обычаю делят ценность на два основных типа, выраженных альтернативными парами терминов: инструментальное или утилитарное в противоположность внутреннему или присущему. Инструментальная или утилитарная ценность – это ценность, которой нечто обладает как средство достижения цели другого. Внутренняя или присущая ценность – это ценность, которой что-то обладает как самоцелью. Внутренняя ценность человеческих существ редко оспаривается. Внутренняя ценность негуманоидных природных существ и природы как целого были предметом больших противоречий.

Callicott B. Conservation Values and Ethics. - Principles of Conservation Biology. 2nd Ed. Sunderland, Massachusetts: Sinauer Associates, Inc., 1997. P. 29-55. Печатается с сокращениями. Перевод А. Елагина.

Бэрд Кэликотт — один из ведущих современных американских экофилософов.

Вероятно поскольку предложение о том, что негуманоидные природные существа и природа могут также иметь внутреннюю ценность, является таким новым и противоречивым, некоторые выдающиеся защитники окружающей среды (напр., Muers 1983) предпочитали давать чисто утилитарное рациональное обоснование для сохранения биоразнообразия. Точка зрения о том, что биоразнообразии обладает ценностью только как средство достижения человеческих целей, называется антропоцентрической (сконцентрированной на человеке). С другой стороны, точка зрения о том, что биоразнообразии является ценным просто потому, что оно существует независимо от его использования человеческими существами, называется биоцентрической.

Инструментальная ценность

Антропоцентрическая инструментальная (или утилитарная) ценность биоразнообразия может быть разделена на три базовые категории – вещи, услуги и информация. Психологически-духовная ценность биоразнообразия является, возможно, четвертым видом антропоцентрической утилитарной ценности (табл. 1).

Во-первых, вещи. Человеческие существа едят, отапливаются, строят и по-другому употребляют многие другие существа. Но только небольшая доля всех форм жизни исследовалась на предмет их полезности как пища, топливо, ткань и другие товарные ценности. Многие потенциальные пи-

Таблица 1. Четыре категории инструментальной ценности биоразнообразия

Категория	Примеры
Вещи Услуги	Пища, топливо, ткань, лекарство Опыление, восстановление, фиксация азота, гомеостатическое регулирование
Информация Психологически-духовная ценность	Генная инженерия, прикладная биология, чистая наука Эстетическая красота, религиозное благоговение, научные знания

щевые растения и животные могут ждать своего открытия. И многие из них могут выращиваться в садоводческом или сельскохозяйственном масштабе, а также промышленно в дикой природе, по крайней мере добавляя разнообразия к человеческой диете и возможно даже спасая вас от голодания, если обычные культуры пропадут в результате неизлечимой болезни растений или неконтролируемых паразитов (Vietmeyer, 1986a, b). Быстро растущие деревья – полезные для топлива или изготовления угля, древесной массы или древесины – могут по-прежнему быть неоткрытыми в тропических лесах. Новые органические пестициды могут быть изготовлены из растений, которые должны быть проверены или открыты (Plotkin, 1988). Медицинский потенциал до сих пор неоткрытых и/или непроверенных растений и животных кажется наиболее популярным и убедительным рациональным обоснованием сохранения биоразнообразия такого типа. Винкристин, извлеченный из мадагаскарского барвинка, представляет собой популярное лекарство для лечения детской лейкемии (Farnsworth, 1988). Открытый в конце 1950-х годов, он чаще всего приводится как пример нового и эффективного лекарства против рака, изготовленного из вида, встречающегося в месте, где туземная флора и фауна сейчас находится под угрозой полного уничтожения. Несомненно, многие до сих пор непроверенные, вероятно, даже неоткрытые виды могли бы оказаться столь же важными для медицинского использования – если мы сможем спасти их.

Степень, в которой сторонники охраны

природы полагаются на аргумент о том, что потенциальные лекарства могут быть утрачены, если мы позволим продолжаться истреблению видов, является красноречивой. Она отражает почтение и уважение, с которыми к лекарствам относятся в современной западной культуре – культуре, которая могла бы показаться страдающей ипохондрией. Не жалейте расходов или неудобств чтобы спасти их, если неисследованные экосистемы могут давать убежище для неоткрытых лекарств против наших болезней! По словам Мидоуз (Meadows, 1990) “некоторые экологи настолько устали от этого направления рассуждений, что они нехотя ссылаются на “аргумент мадагаскарского барвинка”... [Эти] экологи так ненавидят этот аргумент, потому что он является одновременно невежественным и высокомерным. Он предполагает, что миллионы видов Земли находятся здесь, чтобы служить экономическим целям всего одного вида. И даже если вы принимаете эту идею, она упускает из виду более крупные и более ценные способы, которыми природа служит нам”.

Что приводит нас ко второй позиции, услугам. Часто упускаются из виду людьми, которые идентифицируют себя в первую очередь и прежде всего как “потребители”, услуги, оказываемые другими видами, прилежно работающими в сложно оркестрованной экономике природы (Meadows, 1990). Зеленые растения пополняют кислородом атмосферу и устраняют двуокись углерода. Определенные виды насекомых, птиц и летучих мышей опыляют цветковые растения, включая многие сельскохозяйственные виды, и утрачиваются пугающими темпами (Buchmann, Nabhan, 1996).

Грибковые и микробные формы жизни в почве разлагают мертвый органический материал и играют ключевую роль в восстановлении питательных веществ из растений. Ризобияльные бактерии превращают азот атмосферы в пригодное к использованию азотное удобрение для растений. Если гипотеза Гайа (Lovelock, 1988) является правильной, температура Земли и соленость ее океанов регулируются органическими. Человеческая экономика представляет собой не более, чем маленькую подсистему экономики природы, и она потерпела бы быстрый крах, если бы крупные сектора услуг окружающей среды в более широкой экономике природы были бы разрушены.

В-третьих, информация. Бездумное разрушение видов “не испытывающих заботы и неоткрытых” – по словам современника Дарвина и его сооткрывателя эволюции путем естественного отбора Альфреда Уоллеса (Wallace, 1863) – сравнимо с поджиганием отделов огромной библиотеки и сжиганием книг, которые никто не читал. Каждый является хранилищем информации. Желательные характеристики, закодированные в обособливаемых генах и передаваемых посредством соединения генов генетическим или медицинским ресурсам, могут быть “сожжены” вместе с “книгой”, в которой они могли быть когда-то найдены. Генетическая информация, другими словами, представляет собой потенциальное экономическое благо. Такая информация также приносит еще одну пользу, которую труднее выразить. Мидоуз (1990), однако, прекрасно это передает: “Биоразнообразие содержит накопленный разум природы и ключ к ее будущему. Если вы когда-нибудь захотели бы разрушить общество, вы бы сожгли его библиотеки и убили его интеллигенцию. Вы бы разрушили его знания. Знания природы содержатся в ДНК внутри живых клеток. Разнообразие генетической информации представляет собой движущий механизм эволюции, иммунную систему для жизни, источник приспособляемости”.

Около 1,5 миллионов видов были формально наименованы и описаны. Основы-

ваясь на наиболее консервативных недавних оценках общего количества видов на планете – между пятью и десятью миллионами – это означает, что только максимум 15-30% известны науке (Gaston, 1991). Основываясь на более либеральных недавних оценках общего – 30 миллионов или более – количество известное науке могло бы представлять менее чем 5% (Erwin, 1988). Представим себе утрату для науки, если, как предсказывает Рейвен (Raven, 1988), 25% форм жизни в мире в результате разрушения большей части их влажной тропической среды обитания, будут истреблены в наступающей четверти столетия, прежде чем они смогут быть названы и описаны наукой.

Подавляющее большинство этих находящихся под угрозой видов не является сосудистыми растениями или позвоночными животными; это насекомые (Wilson, 1985b). Причина, по которой Эрвин (1988) подозревает, что может существовать так много видов беспозвоночных, состоит в том, что многие могут быть эндемичными или специфичными. Большая часть этих неизвестных насекомых, подвергающихся риску истребления, вероятно оказались бы бесполезными для человеческого питания или лекарств – либо как целые организмы, либо как источники химических экстрактов, либо как источники генетических фрагментов – вероятно немногие также играют жизненно важную роль в функционировании региональных экосистем (Ehrenfeld, 1988). Хотя может быть трудно так бессердечно рассматривать такую трагедию, мы тем не менее можем описать их утрату в чисто утилитарных терминах – как значительную утрату потенциального нематериального человеческого блага, а именно чисто человеческих знаний о флоре и фауне.

В четвертых, психологически-духовные ресурсы. Олдо Леопольд (Leopold, 1953) надеялся, что при помощи науки люди приобрели бы “рафинированный вкус к природным объектам”. Жук, каким бы он ни был крохотным и ординарным, какими бывают жуки, является таким же потенциально красивым, как любое произведение изящного искусства. И природное разнооб-

разие – богатая и разнообразная флора и фауна – это нечто, что как думает Суле (Soulé, 1985), почти каждый предпочитает монотонности. Уилсон (Wilson, 1984) находит особое чудо, благоговение и тайну в природе – которые он называет “биофилией”, и которые для него кажутся почти лежащими в основах религии естественной истории. Быть тронутым красотой организмов и целых здоровых экосистем, испытывать чувство изумления и благоговения перед лицом неистощимых чудес природы значит стать лучшим человеком, по словам Нортон (Norton, 1987).

Если с точки зрения ценности информации – генетической и другой – бездумное разрушение биоразнообразия подобно сжиганию книг, тогда с точки зрения природной эстетики и религии оно является подобным вандализму в картинной галерее и осквернению церкви. Выражалось мало сомнений в том, что ценность чистого научного знания является антропоцентрической, а эстетическая и духовная ценность часто понимается как напыщенный вид утилитарной ценности. Эренфельд (Ehrenfeld, 1976) думает, что эстетические и духовные рациональные обоснования для сохранения биоразнообразия являются “все же укорененными в гомоцентрическом, гуманистическом мировоззрении, которое ответственно за то, что природный мир, включая нас, оказался в своем современном состоянии”. Тем не менее, красота и святость природы иногда описывались как внутренняя, а не как инструментальная ценность. По словам Сагоффа (Sagoff, 1980), например, “мы наслаждаемся объектом, потому что он является ценным; мы не ценим его, просто потому что мы наслаждаемся им... Эстетический опыт – это восприятие, так сказать, определенного вида ценности”.

Внутренняя ценность

В отличие от инструментальной ценности, внутренняя ценность не является делимой на категории. Обсуждение внутренней ценности сфокусировалось на двух других вопросах: видах вещей, которые могут обладать внутренней ценностью, и тем, су-

ществует ли внутренняя ценность объективно или она присваивается субъективно.

В ответ на растущую озабоченность разрушением людьми негуманоидной жизни, некоторые современные философы порвали с западными религиями и философской традицией и приписывали внутреннюю ценность под любым именем следующему: животным с ясным сознанием (Regan, 1983); способным чувствовать животным (Warnock, 1971); всем живым существам (Taylor, 1986); видам (Callicott, 1986; Rolston, 1988; Johnson, 1991) и эволюционным процессам (Rolston, 1988). Леопольд (1949, 1953) приписывал “ценность в философском смысле” – под которой он мог иметь в виду только то, что философы называют “внутренней ценностью” – “земле”, определенной как “все из вещей на, над или в земле” (Callicott, 1987a). Суле (1985) категорически утверждает, что “биотическое разнообразие обладает внутренней ценностью”, а Эренфельд (1988) категорически утверждает, что “ценность является внутренней частью разнообразия”.

Философы окружающей среды, которые утверждают, что внутренняя ценность существует объективно у человеческих существ и других организмов, рассуждают следующим образом. В противоположность машине, такой как автомобиль или пылесос, организм является “автопоэтическим” – самоорганизуемым и самоуправляемым (Fox, 1990). Автомобиль изготавливается; другими словами он не растет, оркеструемый своим собственным ДНК. И задачи автомобиля – транспортировать людей или придавать статус его владельцу – навязываются ему из источника вне его. Машины не имеют своих собственных целей или задач, как организмы, – ни сознательно выбранных целей, ни генетически определенных целей. Каковы самостоятельно установленные цели организма? Они могут быть многочисленными и сложными. Для нас, человеческих существ, они могут включать что угодно от выигрыша олимпийской золотой медали до того, чтобы смотреть телевизор как можно больше. Все организмы, однако, стремятся (обычно не-

сознательно и в эволюционном смысле) достичь базовых заранее определенных целей – расти, достичь зрелости, производить потомство (Taylor, 1986).

Таким образом, интересы могут быть постижимо приписаны организмам, но не машинам. Иметь обильный солнечный свет, воду и богатую почву в интересах дерева дуба, хотя дуб может не быть активно заинтересован в этих вещах, точно так же, как поедание свежих овощей может быть в интересах ребенка, хотя ребенок может быть активно заинтересован в биологически бесполезной пище. Можно возразить, что по аналогии регулярные смены масла в интересах автомобиля, но поскольку цели или задачи автомобиля не его собственные, хороший уход не в его собственных интересах, но в интересах его пользователя, чьим задачам он исключительно служит. Еще один способ сказать, что постоянно борющиеся и часто процветающие организмы обладают интересами, это сказать, что они имеют свое собственное благо. Но благо – это всего лишь более старое, более простое слово, означающее во многом то же самое, что и ценность. Следовательно, признать, что организмы обладают интересами – имеют свое собственное благо – означает признать, что они обладают тем, что философы называют внутренней ценностью.

Внутренняя и инструментальная ценности не являются взаимоисключающими; многие вещи могут цениться одновременно за их полезность и ради самих себя. Работодатели, например, могут ценить своих служащих обоими способами. Подобным образом, внутренняя ценность биоразнообразия не исключает оценки различных отношений, в которых она является инструментально ценной.

Нортон (Norton, 1991) пишет, что некоторые философы окружающей среды и биологи охраны природы, утверждая, что биоразнообразие обладает внутренней ценностью (или является внутренне ценным) действительно принесли больше вреда, чем пользы для дела охраны природы. Почему? Потому, что вопрос внутренней ценности разделяет сторонников охраны природы на

две подозрительные друг к другу фракции – антропоцентристов и биоцентристов. Последние отвергают первых как “поверхностных ресурсистов”, а первые думают, что вторые ушли слишком глубоко (Norton, 1991). Если биоразнообразие является ценным, потому что оно обеспечивает продолжение экологических услуг, представляет собой резервуар потенциальных ресурсов, удовлетворяет нас эстетически, вдохновляет нас религиозно и делает из нас лучших людей, практический результат является точно таким же, как если мы приписываем ему внутреннюю ценность: нам следует сохранить его. Инструментальная оценка биоразнообразия и ее внутренняя оценка “сливаются” в идентичных природоохранных политиках, на взгляд Нортон; таким образом нам в действительности нет необходимости апеллировать к внутренней ценности биоразнообразия, чтобы обосновать природоохранную политику. Отсюда следует, утверждает Нортон, что противоречивое и разделяющее предположение о том, что биоразнообразие обладает внутренней ценностью, должно быть отброшено. Широкий и длительный антропоцентризм, думает он, представляет собой адекватный набор ценности для природоохранной биологии.

Приписывание внутренней ценности биоразнообразию, однако, имеет практическое отличие в одном важном отношении, которое Нортон, по-видимому, не принял во внимание. Если бы внутренняя ценность биоразнообразия была так же широко признана, как и внутренняя ценность человеческих существ, существовало ли бы большое отличие? Все формы эксплуатации природных ресурсов, которые могли бы подвергнуть его риску, не были бы абсолютно запрещены, поскольку внутренняя ценность легко может быть проигнорирована. В конце концов признание внутренней ценности человеческих существ не запрещает абсолютно подвергать риску людей, когда преимущества для общего блага (или “со-вокупной пользы”) такого действия являются достаточно большими. Например, в 1990 году солдаты из Соединенных Штатов и других индустриальных стран были

отправлены в бой, и некоторые были убиты или ранены, не для того, чтобы защитить себя и своих сограждан от неминуемого уничтожения, но для того, чтобы обезопасить поставки средневосточной нефти и достичь геополитических целей.

Скорее, если бы внутренняя ценность биоразнообразия была широко признана, тогда нужно было бы предложить достаточное обоснование, чтобы подвергнуть его риску – точно так же, как мы требуем достаточного обоснования для того, чтобы подвергнуть солдат риску, послав их на войну. Практическое отличие, которое связано с приписыванием внутренней ценности биоразнообразию, состоит в переносе бремени доказательства со сторонников охраны природы, которые пытаются защитить его, на тех, чьи действия могли бы подвергнуть их опасности. Фокс (Fox, 1993) излагает это ясно и сильно:

Признание внутренней ценности негуманоидного мира оказывает драматическое воздействие на структуру споров об окружающей среде и принятие решений. Если негуманоидный мир считается только инструментально ценным, тогда людям разрешается использовать и по-другому вмешиваться в любой аспект его по любой причине, по какой они пожелают. Если кто-либо возражает против такого вмешательства, тогда в рамках этой референтной структуры, несомненно на человеке, который возражает, лежит бремя обоснования того, почему для людей полезнее оставить в покое этот аспект мира. Если, однако, негуманоидный мир считается внутренне ценным, тогда на человека, который хочет вмешаться в него, переносится обоснование того, почему следует позволить это сделать.

Денежное выражение ценности биоразнообразия

Денежное выражение ценности биоразнообразия является технической задачей для экономистов. Здесь мы обсуждаем только основные способы придания биоразнообразию долларовой стоимости и философские вопросы, которые позволяют сделать это. Могло бы показаться, что только инструментальная ценность биоразнообразия подвержена выражению в денежных терминах. Некоторые экономисты окружаю-

щей среды, соответственно, открыто поддерживают строгий антропоцентризм (Randal, 1986). Однако, как мы увидим, даже внутренняя ценность биоразнообразия может быть принята во внимание в экономических оценках природоохранных целей.

Некоторые находящиеся под угрозой виды имеют рыночную ценность: среди них известны слоны за их бивни, носороги за их рога, киты за их мясо, кость и жир, и бенгальские тигры за их шкуру. В некоторых случаях – голубой кит и кашалот, например, – их денежная ценность представляет собой единственную причину, по которой видам угрожает истребление. В других случаях – бенгальский тигр и горная горилла, например, – разрушение среды обитания также является фактором в том, что они оказались под угрозой. Майерс (Myers, 1981), однако, показывает, что преимущества их денежной стоимости могут быть ключом к сохранению многих видов. Альтернативную точку зрения представляет Холмс Ролстон в Эссе А.

Согласно современной экономической теории, то, что необходимо для трансформации рыночной цены вида из природоохранных пассивов в природоохранные активы, это вывести его из состояния, которое экономисты называют “общим” и “оградить” его. “Ограждение” здесь не означает буквального построения ограждения вокруг популяции вида; это означает скорее присвоение права прореживать его. Дикий вид, который обладает рыночной ценностью, подвержен чрезмерному промыслу, когда права собственности на него не могут быть закономерно утверждены и поддержаны. Это приводит к трагедии общественных земель (Hardin, 1968). Если ресурсом можно владеть (либо частным, либо общественным образом) и права собственности на него могут поддерживаться, тогда вид будет сохранен, как гласит теория, потому что владелец не будет испытывать искушения “зарезать курицу, которая несет золотые яйца”.

Будет ли он, она или оно? Другие факторы, такие как темпы воспроизводства

(продолжение на стр. 49)

Эссе А

Наши обязанности по отношению к видам, находящимся под угрозой

Холмс Ролстон III, Университет штата Колорадо

Немногие люди сомневаются в том, что у нас есть обязательства в отношении видов, находящихся в опасности, потому что людям помогает или вредит состояние их окружающей среды, которое включает богатство диких видов, находящихся в настоящее время под вызывающей тревогу угрозой истребления. То, имеют ли люди обязанности непосредственно перед видами, находящимися в опасности, является более глубоким вопросом, важным как для этики, так и для природоохранной биологии, как для практики, так и для теории. Многие верят, что мы имеем такие обязанности. “Мировая хартия охраны природы” ООН гласит: “Каждая форма жизни является уникальной, заслуживающей уважения, вне зависимости от ее ценности для человека”. Этот документ подписан намного более чем ста странами. Рациональное обоснование, которое концентрируется на ценности вида для людей, является антропоцентрическим; рациональное обоснование, которое включает их внутреннюю и экосистемную ценности, является натуралистическим.

Многие виды, находящиеся в опасности, не

имеют ценности как ресурс, также они не являются и особенно важными по обычным гуманистическим причинам: научное исследование, рекреация, стабильность экосистемы и так далее. Существует ли какое-либо основание спасать такие “не имеющие ценности” виды? Хорошо разработанная этика окружающей среды утверждает, что виды хороши сами по себе, являются ли они “хорошими для” чего-нибудь или нет. Направление аргументации “обязанности только перед людьми” оставляет нетронутыми более глубокие основания; такое обоснование не является полностью моральным и является фундаментально эксплуататорским или эгоистичным со стороны людей, пусть даже слегка. Этика никогда не была очень убедительной, когда она проповедовалась как просвещенный собственный интерес (то, что человеку всегда следует делать то, что в его просвещенных собственных интересах).

Объяснение обязанностей перед видами выдвигает утверждения на двух уровнях: один относится к фактам (научный вопрос о видах); другой относится к ценностям (этический вопрос, связанный с обязан-

ностями). Иногда виды кажутся просто выдуманными, поскольку таксономисты регулярно переосматривают определения видов и обычно ставят после названия вида имя “автора”, который “выдвинул” таксон. Если виды представляют собой только категорию или класс, то линии границ могут быть проведены произвольно, и виды представляют собой не более чем удобную группировку их членов, искусственное произведение таксономистов. Никто не предлагает обязанностей перед родами, семействами, отрядами или типами; биологи соглашаются, что они не существуют в природе.

Согласно более реалистическому объяснению биологический вид является живой исторической формой, распространенной в индивидуальных организмах, которая динамично течет через поколения. Вид является последовательной, развивающейся динамичной родословной, выраженной в организмах, закодированной в потоке генов. В этом смысле виды существуют объективно – обнаруживаемые, а не создаваемые таксономистами. Виды являются реальными историческими сущностями, взаимовыражи-

вающими популяциями. Напротив, семейства, отряды и роды не являются уровнями, на которых происходит биологическое воспроизводство. Далекие от того, чтобы быть производными, виды являются реальными единицами выживания.

Это утверждение – о том, что существуют специфические формы жизни, исторически поддерживаемые во времени – не кажется функциональным, но скорее таким же точным, как любое другое утверждение об эмпирическом мире, в которое мы верим, даже несмотря на то, что время от времени таксономисты пересматривают теории и таксоны, с помощью которых они схематизируют эти формы. Виды похожи не столько на линии широты и долготы, сколько на горы и реки, объективно существующие явления, которые должны быть нанесены на карту. Края таких природных явлений иногда будут неопределенными, и в какой-то степени произвольными. Один вид перетекает в другой с течением эволюционного времени. Но из того факта, что разделение на виды иногда продолжается, не следует, что виды являются скорее просто придуманными, чем обнаруживаемыми как эволюционные направления.

На уровне ценностей и обязанностей этика окружающей среды обнаружи-

вает, что такие виды являются благом, и что люди без превосходящего обоснования не должны вызывать их истребления. Принятие во внимание видов предлагает биологически обоснованный пример, противоположный фокусированию на индивидуумах, обычно способных чувствовать, и как правило личностях – такому характерному для западной этики. В эволюционной экосистеме во внимание принимается не просто индивидуум. Индивидуум представляет, или заново представляет вид в каждом последующем поколении. Это опознавательный знак сущности, а сущность более важна, чем ее опознавательный знак. Хотя виды не являются моральными действующими лицами, биологическая индивидуальность – разновидность ценности – защищается здесь. Достоинство содержится в динамической форме; индивидуум наследует это, воплощает это, и проходит через это. Обладание биологической индивидуальностью, генетически заново утвержденной во времени, является таким же характерным для вида, как и для индивидуума. Уважение этой индивидуальности порождает обязанности перед видом.

Вид – это большее существование, чем индивидуум, хотя виды всегда воплощаются в индивидуумах. Биологическая природоохрانا заходит также и на

этот уровень, и действительно он является наиболее подходящим уровнем для моральной оценки, более всеохватывающей единицей выживания, чем организм. Когда умирает индивидуум, его заменяет другой. Вслед за своей окружающей средой вид со временем сохраняется и модифицируется. С истреблением это прекращается. Истребление прекращает порождающие процессы своего рода сверхубийством. Оно убивает формы (виды) помимо индивидуумов. Оно убивает коллективно, а не просто распределительно. Убить индивидуальное растение означает прекратить жизнь нескольких лет или десятилетий, в то время, как другие жизни такого рода беспрепятственно продолжают существовать; уничтожить конкретный вид означает прекратить историю многих тысячелетий, и не оставить будущих возможностей.

Поскольку у вида нет способности морально действовать, рефлексивно-самосознания, способности чувствовать или органической индивидуальности, некоторые утверждают, что процессы на уровне вида не могут считаться моральными. Но каждый продолжающий существовать вид представляет собой форму жизни, и эти формы являются в целом благом. Такое разделение на виды добилось богатства жизни на

планете. Все этики говорят, что в лице *Homo sapiens* появился один вид, который не только существует, но должен существовать. Натуралистическая этика отказывается говорить это исключительно о поздно появившейся, высоко развитой форме, но распространяет эту обязанность более широко на другие виды – хотя не с равной силой на всех их, принимая во внимание различные уровни развития.

Вред, который люди делают, или которому позволяют произойти в результате беспечности, прекращает исторический поток генов, в котором содержится жизнеспособность жизни. Прекращение потока жизни представляет собой самое разрушительное возможное событие. Люди не должны играть роль убийц. Обязанность перед видом может быть отвергнута, например, для вредителей или болезнетворных организмов. То, что неправильно в отношении вызванного человеком истребления, это не просто утрата человеческих ресурсов, но утрата биотических источников. Вопрос не в том, для чего хорошо это редкое растение или животное, но какое здесь есть благо. Не в том, является ли этот вид хорошим для моего вида *Homo sapiens*, но является ли *Rhododendron champanii* благом своего рода, хорошим видом? Заботиться о виде

растения или животного означает быть достаточно неантропоцентричным и объективным в отношении ботанических и зоологических процессов, которые происходят независимо от человеческих предпочтений.

Все больше мы люди играем жизненно важную роль в том, продолжают ли эти истории. Обязанности, которые порождает такая сила, больше не применимы просто к индивидуумам или личностям, но являются возникающими обязанностями перед конкретными формами жизни. Линия вида представляет собой более фундаментальную живую систему, целое, существенными частями которого являются индивидуальные организмы. Вид также имеет свою целостность, свою индивидуальность, и более важно защитить их, чем защитить индивидуальную цельность. Подходящая единица выживания представляет собой подходящий уровень моральной заботы.

Вид – это то, чем он является неотделимо от ниши окружающей среды, в которую он вписывается. Конкретные виды могут не быть существенными в том смысле, что экосистема может пережить утрату отдельного вида без отрицательного эффекта. Но среды обитания являются существенными для видов, а вид, находящийся в опасности, обычно означает

среду обитания, находящуюся в опасности. Целостность вида вписывается в целостность экосистемы. Охрана видов, находящихся в опасности, должна быть ориентирована на экосистему. Мы желаем не сохранения *видов*, но сохранения *вида в системе*. Мы должны правильно оценивать не то, *что* они такое, но *где* они.

Могло бы показаться, что для людей прекращать существование вида снова и снова является достаточно естественным. Виды истребляются все время. Но существуют важные теоретические и практические отличия между естественным и антропогенным истреблением. В природном истреблении вид вымирает, когда он становится непригодным для своей среды обитания, и другой вид появляется на его месте. Такое истребление представляет собой нормальный оборот. Хотя оно и вредно для вида, истребление в природе редко является злом в системе. Это скорее ключ к завтрашнему дню. Вид используется, но отбрасывается большей исторической эволюцией жизни. Напротив, искусственное истребление закрывает завтрашний день, поскольку оно прекращает разделение на виды. Одно открывает двери, другое закрывает их. Люди ничего не порождают и не возрождают; они только прекращают эти направления. Соот-

ветствующие отличия делают первое и второе также морально отличающимися, как смерть по естественным причинам от смерти в результате убийства.

На шкале эволюционного времени люди появляются поздно и внезапно. Еще более поздно и внезапно они драматически увеличивают темпы ис-

требления. То, что является неправильным в таком поведении, это не просто бессмысленная утрата ресурсов, но водоворот убийства и бесчувственности к формам жизни. То, что требуется, это не благоразумие, но принципиальная ответственность перед биосферной землей. Только человеческий вид содержит морально действующую-

щие лица, но сознание не должно использоваться, чтобы не принимать во внимание любую другую форму жизни, с результатом в виде того парадокса, что единственный моральный вид действует только в своем коллективном собственном интересе по отношению ко всем остальным.

видов и темпы роста в отношении к процентным ставкам, дисконтным ставкам и так далее осложняют простую картину. Как указывает Ханеман (Haneman, 1988): “уровень процентной ставки, природа функции чистой прибыли и ее движения с течением времени и динамика процесса природного роста ресурсов сочетаются, определяя оптимальный межвременной путь эксплуатации... При прочих равных обстоятельствах, чем выше процентная ставка, при которой будущие проценты можно не принимать во внимание, тем более оптимально истощать ресурс сейчас”.

Синий кит является уместным примером. Международная комиссия по китобойному промыслу эффективно ограждает популяции китов, несмотря на периодическое браконьерство, выделяя квоты на промысел вида китобойным странам (Forcan, 1979). Кларк (Clark, 1973), однако, делает заключение, что было бы более прибыльным охотиться на синего кита до полного истребления и инвестировать вырученные средства в какую-нибудь другую область, чем ждать восстановления популяции вида и бесконечно промышленно синего кита на поддерживаемом уровне. Кларк не рекомендует этого направления действий. Напротив, его мысль заключается в том, что одна рыночная сила не может всегда быть направлена на пользу природоохранным целям.

Идея сохранения пригодных для экономической эксплуатации видов, находящихся под угрозой, путем их ограждения и пе-

реносимого промысла может работать довольно хорошо в сохранении видов с относительно высокими темпами воспроизводства и роста (как у копытных), но может вообще не действовать при сохранении видов, которые имеют относительно низкие темпы роста и воспроизводства (как у китов). Следовательно, вступление на рынок в деле охраны природы должно выполняться очень старательно, с рассмотрением каждого случая в отдельности.

Потенциальные блага – новая пища, топливо, лекарства и т. п. – не имеют рыночной цены очевидно потому, что они остаются неизвестными или неразвитыми. Разрушать виды волей-неволей до того как они могут быть открыты и исследованы на предмет их потенциала как ресурса означает уничтожать шанс того, что желаемый товар станет доступным в будущем. Отсюда следует, что биоразнообразие может быть приписана “цена возможности”, определенная как “количество людей, которые были бы согласны заплатить заранее, чтобы гарантировать возможность будущего использования” (Raven et al., 1992). Цена возможности любого данного неоткрытого или неопisanного вида может быть очень небольшой, потому что вероятность того, что данный вид окажется полезным, также очень невысока (Ehrenfeld, 1988). Но сложенные вместе цены возможности миллионы или более видов, которым в настоящее время угрожает полное истребление, могут быть достаточно громадными.

Рынок присваивает долларовую стоимость биоразнообразию другими способами, чем цена реальных или потенциальных благ, которые обеспечивает природа. Люди платят за посещение национальных парков, например, и за походы по областям дикой природы. Такая плата, не меньшая, чем стоимость стейков из диких животных, – выражает стоимость единицы биоразнообразия в деньгах. Но часто, поскольку оплата за пользование обычно низка, подлинная денежная стоимость психологически-духовного “ресурса” недостаточно выражается только этими оплатами. Субсидии, предоставляемые местными, уровня штата и федеральными налоговыми бюджетами, также должны учитываться при оценке денежной стоимости психологически-духовного ресурса. Деньги, которые люди тратят – на такие вещи как бензин, пища, жилье и лагерное оборудование – чтобы добраться до конкретного места и посетить его, могут быть приписаны ресурсу с использованием “метода дорожных расходов” (Peterson, Randall, 1984). “Условная оценка”, в которой людей опрашивают и спрашивают, сколько бы они согласились заплатить за возможность наслаждаться определенным опытом – скажем слышать вой волков в Йеллоустонском национальном парке в Соединенных Штатах – также используются, чтобы рассчитать долларовую стоимость психологически-духовных ресурсов (Peterson, Randall, 1984).

Даже экономисты сейчас признают – и конечно пытаются выразить в денежном отношении – “стоимость существования” биоразнообразия (Randall, 1988). Некоторые люди получают небольшое количество удовлетворения, просто зная, что биоразнообразие защищается, даже если они не имеют намерения потреблять экзотические блюда или лично наслаждаться опытом дикой природы. Стоимость существования имеет свою цену; одним из способов приписать ее было бы подсчитать количество денег, которые люди, ведущие сидячий образ жизни, в действительности вкладывают в природоохранные организации, такие как The Nature Conservancy или Rainforest

Action Network, экономисты сейчас также признают “стоимость наследия” – сумму, которую согласны заплатить люди, чтобы обеспечить то, что будущие поколения *Homo sapiens* унаследуют биологически разнообразный мир (Raven et al., 1992).

Чаще предпринимаются попытки денежного измерения стоимости часто бесплатной или недооцениваемой рекреационной, эстетической, интеллектуальной и духовной полезности природы, чем попытки денежного измерения стоимости услуг, которые экономика природы обеспечивает для человеческой экономики. Отчасти это может просто отражать уровень экологической грамотности среди экономистов, которые могут быть растущими знатоками “теневое ценообразование” (как иногда называется условная оценка) психологически-духовных ресурсов. Как периодические экологи и потребители рекреации на открытом воздухе они могут легко понять эти ресурсы, но нюансы загрязнения, цикла питательных веществ и т. п. могут оставаться тайной для них. Их пренебрежение количественным измерением сектора услуг экономики природы может также отражать тот факт, что до сих пор наиболее жизненно важные услуги, оказывавшиеся нам другими видами бесплатно, не являются недостаточными, а экономисты рассчитывают цены только на те вещи, которые таковыми являются (но см. Buchmann, Nabhan, 1996).

Мидоуз (1990) намекает на один из способов денежного измерения природных услуг: “Как бы вам понравилась работа, – спрашивает он, – опыления триллионов цветков яблони в один солнечный полдень в мае? Может быть, можно себе представить, что вы можете изобрести машину, чтобы делать это, но нельзя себе представить, чтобы машина могла работать так элегантно и дешево, как медоносная пчела, тем более попутно создавать мед”. Стоимость экономики услуг природы могла бы быть денежно измерена путем подсчета стоимости замены природных услуг искусственными. Но с точки зрения недостаточности и возможностей, какой была бы цена использования человеческого труда или машин для

опыления растений, если – в результате современных экономических практик, таких как избыточное использование инсектицидов – в будущем опыляющие организмы были бы исчезающе недостаточными?

Эренфельд (1988) отмечает, однако, что точно так же как многие виды имеют незначительную потенциальную ценность как товары, многие виды, вероятно, имеют незначительную важность в секторе услуг экономики природы: “Виды, представители которых являются самыми немногочисленными по количеству, самыми редкими, наиболее узко распространенными – короче говоря те, которые вероятнее всего могут быть истреблены, – очевидно являются видами, которых наименее вероятно будет не хватать биосфере. Многие из этих видов никогда не были обычными или экологически влиятельными; никаким усилием воображения мы не можем представить их себе жизненно важными зубцами в экологической машине”.

Некоторые философы и биологи охраны природы энергично возражают против склонности экономистов сводить всю ценность к денежным терминам (Ehrenfeld, 1988; Sagoff, 1988). Некоторые вещи имеют цену, другие имеют достоинство. И как само собой разумеющееся мы попытались исключить определенные вещи, которые, как мы верим, обладают достоинством – другими словами, вещи, которым мы приписываем внутреннюю ценность. В самом деле, один из возможных мотивов для утверждения о том, что биоразнообразие имеет внутреннюю цену (или является внутренне ценным) состоит в том, чтобы исключить его из экономической оценки и таким образом вывести за пределы капризов рынка. Мы, например, попытались убрать с рынка человеческие существа, поставив вне закона рабовладение, и попытались убрать секс с рынка, поставив вне закона проституцию. Почему бы не убрать с рынка внутренне ценное биоразнообразие, поставив вне закона человеческие виды деятельности, разрушительные для окружающей среды?

Сагофф (1988) утверждает, что у нас

есть две параллельные и внутренне несоизмеримые системы определения ценности вещей: рынок и его суррогаты с одной стороны, и урна для голосования с другой. Как частные индивидуумы, большинство из нас отказалось бы продать своих родителей, супругов или детей – за любую цену. И как граждане, объединенные в государственные устройства, мы можем отказаться продать биоразнообразие за любое “благо”, прогнозируемое в анализе прибылей и расходов. В самом деле, Акт Соединенных Штатов о видах, находящихся в опасности, представляет собой великолепный пример политического решения убрать биоразнообразие с рынка.

Экономисты возражают, что мы должны часто делать трудный выбор между такими вещами, как необходимость сделать производительной пахотную землю и защитой среды обитания видов, находящихся в опасности (Randall, 1986). В то время как мы можем захотеть поверить благочестиво и невинно в то, что внутренне ценные люди являются буквально бесценными, ценность человеческой жизни нередко измеряется деньгами. Долларовая стоимость человеческой жизни, например, может быть отражена в сумме, которую автомобильная страховая компания платит получателю, когда клиент убивает другого человека в катастрофе, или максимальной суммой, которую предприятие согласно заплатить (или закон от него требует заплатить), чтобы защитить здоровье и безопасность своих служащих. Подобным образом признание внутренней ценности биоразнообразия не подразумевает, что нельзя определить ее цену. Единственный способ, которым мы можем сделать информированный выбор состоит в том чтобы выразить весь спектр природных ценностей от “товаров” и “услуг” до “существования” в сравнимых терминах: долларах.

В 1978 году были приняты поправки к Акту о видах, находящихся в опасности, чтобы создать межведомственный комитет высокого уровня, так называемая “Команда Бога”, которая бы могла разрешить развешивать проект, ставящий под угрозу истреб-

ления перечисленные виды, если его экономические преимущества считались достаточно высокими. Этот законодательный документ утверждает, что мы действительно имеем две несоизмеримые системы определения ценности – одну экономическую, а другую политическую. Он также утверждает первоначальное политическое решение исключить биоразнообразие из обычного денежного измерения и продажи за более крупные экономические преимущества. Но он признает, что политически и экономически определенные ценности часто сталкиваются в реальном мире. И он предусматривает, что когда стоимость возможности сохранения биоразнообразия превышает неопределенный порог, “Команда Бога” может разрешить экономическим соображениям обойти общую волю граждан Соединенных Штатов, демократически выраженную через их представителей в Конгрессе, о том, что сохранившиеся туземные виды страны должны быть сохранены.

Бишоп (Bishop, 1978) формализирует рассуждения, стоящие за поправкой “Команды Бога” к Акту США о видах, находящихся в опасности. Он защищает подход стандарта безопасного минимума (СБМ), альтернативу практике сложения всего от рыночной цены до теневой цены биоразнообразия, вставляя ее в анализ прибылей и расходов (АПР) и выбора экономически наиболее эффективного хода действий. Вместо этого СБМ допускает, что биоразнообразие обладает неисчислимой ценностью и должно быть сохранено, если стоимость этого не является непозволительно высокой. Как объясняет Рэндалл (1988),

В то время как ... подход АПР начинает каждое дело с чистого листа и старательно строит от самого основания объем доказательств о преимуществах и затратах заповедания, подход СБМ начинается с предположения о том, что поддержание СБМ для каждого вида является позитивным благом. Эмпирический экономический вопрос является следующим: “Можем ли мы себе это позволить?” Или более технически: “Насколько высока стоимость возможности удовлетворения СБМ?” Правило решения по СБМ состоит в том, чтобы поддерживать СБМ, если стоимость возможнос-

ти делать это не является непереносимо высокой. Другими словами, подход СБМ задает вопрос, как много мы потеряем в других сферах человеческой заботы, достигая безопасного минимального стандарта биоразнообразия? Бремя доказательства переносится на доводы против поддержания СБМ.

Как отмечено ранее, практический эффект признания внутренней ценности чего-либо состоит не в том, чтобы сделать его неприкосновенным, но чтобы перенести бремя доказательства, тяжесть обоснования, на тех, чьи действия могли бы враждебно повлиять на него. Поскольку подход стандарта безопасного минимума к денежному измерению ценности биоразнообразия переносит бремя доказательства со сторонников охраны природы на разработчиков, он скрыто признает и включает в экономическую оценку внутреннюю ценность биоразнообразия.

Этика охраны природы

По словам Леопольда (1949), этика, понятая биологически, представляет собой “ограничение свободы действий”. Этика, другими словами, ограничивает эгоистичное поведение уважением к какому-то другому благу (табл. 2)

Антропоцентризм

В западных религиях и философской традиции только человеческие существа достойны этического принятия во внимание. Все другие вещи считаются просто средствами достижения человеческих целей. В самом деле, антропоцентризм кажется сформулированным в недвусмысленных выражениях в начале Библии. Только человек создан по образу Бога, ему дано господство над всей землей и над всеми другими существами и наконец заповедано подчинять все другие существа. Уайт (White, 1967) утверждал, что поскольку евреи и христиане верили на протяжении многих столетий, что это не только их Богом данное право, но и их позитивный религиозный долг господствовать над всеми другими формами жизни, наука и в конечном

Таблица 2. Сравнение западных этик окружающей среды

Ценность	Антропоцентризм	Иудео-христианская этика	Биоцентризм	Экоцентризм
Внутренняя ценность	Человеческие существа	Виды / создание целиком	Отдельные организмы	Виды, экосистемы, биосфера
Ценность природы	Инструментальная	Целостно-внутренняя	Индивидуалистически-внутренняя	Целостно-внутренняя
Место человека в природе	Хозяин и повелитель	Уборщик	Один среди равных	Обычный член и гражданин

счете агрессивная, разрушающая окружающую среду технология развилась исключительно в западной цивилизации.

Как показал Нортон (1991), эффективная этика охраны природы может быть сконструирована на основе традиционного западного антропоцентризма. Экология раскрыла мир, который гораздо более систематически интегрирован, чем могли себе представить библейские авторы, и покорение природы имеет неблагоприятные экологические последствия. Антропоцентрическая этика охраны природы потребовала бы от индивидуумов, корпораций и других заинтересованных групп справедливо принимать во внимание то, как их действия, которые оказывают непосредственное влияние на природную окружающую среду, опосредственно воздействуют на другие человеческие существа. Вырубание тропических лесов, например, может сделать прекрасную листовую древесину доступной для богатых потребителей, дав щедрую прибыль лесозаготовительным компаниям, трудоустройство рабочим и обеспечить международную торговлю для стран, имеющих долг. Но это может также лишить туземные народы их домов и традиционных средств существования, а людей повсюду неоткрытых ресурсов, ценных услуг экосистемы, эстетического опыта и научных знаний. И без ограничений лесозаготовка может оставить будущим поколениям человеческих существ обнищавший мир (несправедливость среди поколений). Таким образом, рубка леса и другие разрушительные для окружающей среды типы разработ-

ки ресурсов могут считаться неэтичными без какого-либо фундаментального изменения в структуре традиционного западного морального мышления.

Природоохранная этика иудейско-христианского служения

Уязвленные утверждением о том, что иудейско-христианское мировоззрение было в конечном счете ответственным за наступление современного кризиса окружающей среды, некоторые озабоченные окружающей средой христиане и иудеи бросили вызов интерпретации Уайтом (1967) библейского отношения к окружающей среде и ценностей (Bart, 1972). В конце концов, Бог провозгласил все, что Он создал в течение пяти дней перед созданием Им человека “хорошим”. Таким образом, выходит, что Бог придал внутреннюю ценность каждому виду существ, не только человечеству. В самом деле, текст показывает, что Бог задумывал свое творение наполненным и изобилующим жизнью:

И Бог сказал: Пусть воды в изобилии несут живые существа, которые имеют жизнь, и пусть птицы летают над землей в открытой тверди небес. И Бог создал больших китов и каждое живое существо, которое движется, которое в изобилии несут воды согласно их роду и каждую крылатую птицу согласно ее роду: и Бог увидел, что это хорошо. И Бог благословил их, сказав: Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях и пусть птицы размножаются на земле.

(Кн. Бытия 1: 20-22).

Далее, “господство” представляет собой неоднозначное понятие. Что именно озна-

чает для “человека” господствовать над природой? Уайт (1967) утверждает, что по крайней мере в прошлом иудеи и христиане воспринимали это как означающее, что людям следует осуществлять деспотическое правление над природой. Позже в Книге Бытия, однако, Бог поместил Адама (который может представлять все человеческие существа) в Эдемский сад (который может представлять всю природу) “чтобы ухаживать за ним и хранить его” (Кн. Бытия 2: 15). Это показывает, что наше “господство” должно быть господством заботливого попечителя – *служителя* – скорее, чем тирана. Но как насчет того, что только один “человек” создан по образу Бога? Это может быть воспринято как придающее уникальную ответственность, а не уникальные привелегии человеческим существам. Как Бог заботится о человечестве, так и мы, которые созданы по образу Бога, должны заботиться о земле.

Иудейско-христианская этика окружающей среды является элегантной и мощной. Она также изысканно вписывается в этические требования биологии охраны природы (Baker, 1996). Иудейско-христианская этика окружающей среды придает объективную внутреннюю ценность природе самым ясным и недвусмысленным из способов – по Божьему указу. Но внутренняя ценность распространяется на виды, а не на индивидуальные особи. Потому что ясно, что во время своих нескольких актов творения Бог создает виды, “роды”, а не индивидуальные животные и растения – китов, другими словами, а не конкретно того кита, который проглотил Иону, или того, которого звали Моби Дик. Таким образом именно виды, а не индивидуальные особи Бог провозглашает хорошими. Следовательно, человеческие существа могут свободно использовать другие живые существа постольку, поскольку мы не подвергаем опасности их вид – другими словами, постольку, поскольку мы не ухудшаем разнообразия творения. Как указывает Эренфельд (1988), иудейско-христианская этика окружающей среды делает человеческие существа непосредственно ответственными

перед Богом за сохранение биоразнообразия: “Разнообразие является собственностью Бога, и мы, связанные с ним как чужаки и временные постояльцы, не имеем права разрушать его”.

Традиционная западная этика окружающей среды

Христианство является мировой религией, но такими же есть ислам и буддизм. Другие крупные религиозные традиции, такие как индуизм и конфуцианство, хотя и являются более регионально ограниченными, тем не менее насчитывают миллионы приверженцев. Простые люди мощно мотивированы делать вещи, которые могут быть оправданы с позиций их религиозных верований. Поэтому для глобальной охраны природы крайне важно выделить этику окружающей среды из живых мировых религий. Хорошо задокументированные усилия иудейских и христианских сторонников охраны природы сформулировать иудейско-христианскую этику окружающей среды с библейских позиций показывают важное новое направление исследований: как может быть эффективная природоохранная этика сформулирована с позиций других священных текстов? Кэлликотт (1994) предлагает всеохватывающее обзрение. Здесь было бы невозможно дать даже конспективный обзор этого исследования; однако несколько отрывков традиционной западной этики окружающей среды могут являться показательными.

Мусульмане верят, что ислам был основан в VII столетии н. э. Аллахом (Богом), который общался с человечеством через арабского пророка Мухаммеда, рассматривавшего себя как часть той же пророческой традиции, что и Моисей и Иисус. Поэтому, поскольку иудейская Библия и Новый Завет представляют собой более явные божественные откровения, явно лежащие в основе мусульманских верований, базовое исламское мировоззрение имеет много общего с базовым иудейско-христианским мировоззрением. В частности, ислам учит, что человеческие существа занимают привилегированное место в природе, и заходя в этом

отношении дальше, чем иудаизм и христианство, тому, что все другие природные существа были созданы, чтобы служить человечеству. Следовательно, среди мусульман существовала сильная тенденция принимать чисто утилитарный подход к отношениям человек-природа. Что касается сохранения биоразнообразия, то арабская антилопа-бейза была доведена до почти полного истребления в результате охоты нефтяных шейхов, вооруженных военными штурмовыми ружьями в колыбели ислама. Но черствое равнодушие ко всему остальному творению более не санкционируется религиозно в исламском мире.

Ислам не проводит различий между религиозным и светским законами. Следовательно, новые природоохранные правила в исламских государствах должны быть основаны на Коране – книге божественных откровений Мухаммеда. В начале 1980-х годов группа саудовских ученых проштудировала Коран на предмет отрывков, связанных с окружающей средой, и создала проект “Исламских принципов охраны природной окружающей среды”. В то время как этот примечательный документ заново утверждал “отношения использования, развития и подчинения на благо человека и ради осуществления его интересов”, он также ясно провозглашает исламскую версию служения: “он [человек] является только распорядителем на земле, а не собственником, пользователем, а не распределителем или руководителем” (Kadr et al., 1983). Саудовские ученые также подчеркивают справедливое распределение “природных ресурсов” не только среди членов настоящих поколений, но и среди членов будущих поколений. И, как утверждал Нортон (1991), целям охраны природы хорошо служит то, что будущим человеческим существам присваивается моральный статус, равный статусу тех, кто живет в настоящее время. Саудовские ученые нашли отрывки в Коране, которые являются смутно экологическими; например, Бог “породил все виды существ в надлежащем равновесии” (Kadr et al., 1983).

Ральф Уолдо Эмерсон и Генри Давид Торо, мыслители, стоявшие у истоков се-

вероамериканской природоохранной философии, испытали влияние тонких философских доктрин индуизма, крупной религии в Индии. Индуистская мысль также вдохновляла современную природоохранную философию “Глубинной экологии” Андре Нэсса (Naess, 1989). Индусы верят в то, что в сердце всех явлений существует только одна реальность или бытие. Бог, другими словами, представляет собой не высшее Существо среди других, более низких и подчиненных существ, как в иудейско-христианской традиции. Скорее все существа являются проявлением одного главного Существа, которое называется *Брахман*. И вся множественность, все различия являются иллюзорными или в лучшем случае только видимыми.

Такая точка зрения могла бы не показаться многообещающей отправной точкой для сохранения биологического разнообразия, поскольку кажется, что отрицается реальное существование разнообразия, биологического или другого. Однако в индуистской концепции Брахмана Нэсс (1989) находит аналогию тому, каким способом экологические отношения объединяют организмы в системное целое. Как бы там ни было, индуизм недвусмысленно приглашает человеческие существа идентифицировать себя с другими формами жизни, потому что все формы жизни разделяют одну и ту же сущность. Вера в то, что свое собственное внутреннее “я”, *атман*, является как проявление *Брахмана* идентичным “я” других существ, ведет к состраданию к ним. Страдания одной формы жизни – это страдания всех других; причинять вред другим существам означает причинять вред самому себе. Само собой разумеется, этот образ мышления вдохновил и помог мотивировать одно из наиболее последовательных и успешных религиозных природоохранных движений в мире, движение Чипко, которому удалось спасти многие из гималайских лесов от коммерческой эксплуатации (Guha, 1989; Shiva, 1989).

Джайнизм представляет собой религию с относительно небольшим количеством приверженцев, но религию очень влиятель-

ную в Индии. Джайны верят, что каждое живое существо населено нематериальной душой, не менее чистой и бессмертной, чем человеческая душа. Плохие поступки в прошлых жизнях, однако, покрыли эти души материей-кармой. Ахимса (непричинение вреда всем живым существам) и аскетизм (избегание всех форм физического удовольствия) – это параллельные пути, которые в конце концов освободят души от будущего возрождения в материальном мире. Следовательно, джайнисты очень заботятся о том, чтобы избежать причинения вреда другим формам жизни и устоять против мимолетного удовольствия материального потребления. Крайние практикующие джайнизм отказываются есть любую пищу, кроме объедков того, что было приготовлено для других и тщательно процеживают свою воду, чтобы избежать проглатывания каких-либо водных организмов – не ради своего собственного здоровья, но для того чтобы избежать неумышленного убийства других живых существ. Менее крайние практикующие являются строгими вегетарианцами и владеют незначительной материальной собственностью. Джайнисты претендуют на глобальное мировое лидерство в этике окружающей среды. Их низкоуровневая пищевая цепочка и стиль жизни с низким уровнем потребления приводятся как экологически правильное получение средств к пропитанию (Chappel, 1990). И автор “Джайнистской декларации о природе” утверждает, что центральный моральный объект ахимсы джайнов “это ни что иное как защита окружающей среды” (Сингхви).

Хотя он сейчас буквально исчез на своей родине в Индии, буддизм многие сотни лет процветал в других местах в Азии, его основатель Сиддхарта Гаутама первый пошел по пути медитации, чтобы испытать единство атман-Брахман, а затем по пути крайнего аскетизма, чтобы освободить свою душу от тела – и с малым результатом. Затем он понял, что его неудача, включая духовную неудачу, была результатом желания. Не получением того, что желаешь – что ведет только к тому, что желаешь чего-то большего, но успокоением самого жела-

ния можно достичь просветления и освобождения. Более того, желание искажает перспективу, преувеличивая важность одних вещей и преуменьшая важность других. Когда преодолевается желание, можно оценить каждую вещь такой, какая она есть.

Когда Будда понял все это, он наполнился чувством радости и он излучал любовь-доброту на мир вокруг себя. Он поделился своим просветлением с другими и сформулировал кодекс морального поведения для своих последователей. Многие буддисты верят, что все живые существа находятся в одном и том же затруднительном положении: желание ведет нас к жизни постоянного разочарования, и все мы можем быть освобождены, если сможем достичь просветления. Таким образом буддисты могут рассматривать другие живые существа как спутников на пути к буддистскому царству и к *нирване*.

Буддисты не в меньшей степени, чем джайнисты и христиане, принимают лидирующую роль в глобальном природоохранном движении. Вероятно, заметнее всего тибетский Далай-Лама является самым видным охранником природы среди мировых религиозных лидеров. В 1985 году было начато “Буддистское восприятие проекта природы”, чтобы извлечь и объединить многочисленные, связанные с окружающей средой отрывки из буддистских писаний и вторичной литературы. Таким образом могла бы быть продемонстрирована связанность буддизма с современными природоохранными заботами, и мог бы быть поднят уровень природоохранной сознательности и совести в буддистских монастырях, школах, колледжах и других институтах (Davies, 1987). Бодхи дает сжатое резюме буддистской этики окружающей среды: “Со своим философским интуитивным пониманием взаимосвязанности и сквозной взаимозависимости всех обусловленных вещей, со своим тезисом о том, что счастье может быть найдено посредством сдерживания желания, со своей целью просветления посредством самоотречения и созерцания и своей этикой непричинения вреда и безграничной любви-доброты ко всем существам

буддизм обеспечивает все существенные элементы для отношений с природным миром, характеризующимся уважением, заботой и состраданием”.

Одна четвертая населения мира – это китайцы. К счастью, традиционная китайская мысль обеспечивает отличные концептуальные ресурсы для природоохранной этики. Китайское слово “*дао*” означает *путь* или *дорога*. Даоисты верят, что существует Дао, Путь природы. То есть, природные процессы происходят не только в упорядоченной, но и в гармоничной манере. Человеческие существа могут различить Дао, природный, хорошо оркестрованный поток вещей. И человеческие виды деятельности могут быть либо хорошо приспособленными к Дао, или они могут отталкивать его. В первом случае человеческие цели достигаются с легкостью и изяществом и без нарушений природной окружающей среды; но в последнем случае они достигаются, если вообще достигаются с трудностью и ценой значительного нарушения соседних общественных и природных систем. Интенсивная с точки зрения капитала западная технология – такая как ядерные электростанции и индустриальное сельское хозяйство – является очень “недаоистской” по духу и лейтмотиву.

Современные охранники природы находят в даоизме древнюю аналогию современного контрдвижения в направлении подходящей технологии и переносимого развития. Великое наводнение долины Миссисипи 1993 года является подходящим примером. Речная система не управлялась в соответствии с Дао. Таким образом, дамбы и противопаводковые стены только усилили великое наводнение, когда оно наконец пришло. Лучше располагать города и поселки за пределами поймы и позволить могучей реке Миссисипи иногда выходить из берегов. Богатые аллювиальные почвы в поймах реки могли бы использоваться для фермерства в более сухие годы, но здесь не должны располагаться какие-то постоянные строения. Таким образом, паводковые воды могли бы периодически разливаться на землю, обогащая почву и пополняя влажные

земли для диких животных, а человеческие строения на более высоком грунте могли бы оставаться надежными и в безопасности. Вероятно, служащие корпуса инженеров США должны изучать даоизм. Мы можем только надеяться, что их коллеги в Китае отбросят новомодный маоизм ради старомодного даоизма перед тем, как попытаться сдержать реку Янцзы, а не сотрудничать с ней.

Другим древним китайским религиозным мировоззрением является конфуцианство. Для большинства народов, как азиатских, так и западных, конфуцианство имеет сопутствующее значение консервативности, приверженности традиции и общественным формам, сыновнюю почтительность и покорность феодальному неравенству. Следовательно, кажется, что оно является малоперспективным как интеллектуальная почва, в которой можно культивировать природоохранную этику. Эймс (Ames, 1992), однако, противоречит общепринятой точке зрения: “Есть общее основание, разделяемое учениями классического конфуцианства и даоизма...И то и другое выражает “относящуюся к этому миру” заботу о конкретных деталях непосредственного опыта, а не о ... великих абстракциях и идеалах. И то и другое признает уникальность, важность и первичность конкретных личностей и их вклада в мир, выражая в то же самое время экологическую взаимосвязанность и взаимозависимость этой личности с ее контекстом”.

С конфуцианской точки зрения личность не является отдельной бессмертной душой, временно проживающей в физическом теле; личность скорее представляет собой уникальный центр сети отношений. Поскольку его или ее сущность образована этими отношениями, разрушение собственного социального или экологического контекста эквивалентно саморазрушению. Другими словами, биоцид равноценен суициду.

На Западе, поскольку индивидуумы обычно не воспринимаются как прочно связанные со своим контекстом и зависимые от него, не только в своем существовании, но в самой своей сущности, можно пред-

Таблица 3. Сравнение традиционных западных природоохранных этик

Характеристика	Ислам	Индуизм	Джайнизм	Буддизм	Даоизм	Конфуцианство
Источник ценности в природе	Внешний; Аллах (Бог)	Внутр. атман-брахман	Внутренний душа (джи-ва)	Внутр. будда-природа	Возникающий Дао (Путь)	Возникающий; реляционный
Человеческое отношение к природе	Уважение к творению – это уважение к Творцу	Идентификация; самореализация	Ахимса (непричинение вреда)	Любовь-доброта; солидарность	Гармония; сотрудничество	Взаимосвязанное; взаимозависимое
Практика охраны природы	Сохранять ресурсы для будущих поколений	Сохранять деревья и другие существа, которые проявляют Атман-Брахман	Низкий уровень пищевой цепи; низкий уровень потребления	Усмирять желания; сокращать потребление; созерцать природу	Адаптировать человеческую экономику к природе	Сохранять природу, чтобы сохранить человеческое общество

ставить себе, что они могут остаться сами собой и жить “получше” за счет как социального, так и природного окружений. Но с конфуцианской точки зрения невозможно абстрагировать личности от их контекстов. Таким образом, конфуцианство предлагает очень твердое основание, на котором можно построить современную китайскую природоохранную этику. Догматы и природоохранные следствия этих разнообразных западных религий подытожены в таблице 3. Эссе В Сюзен Браттон содержит дальнейшее исследование роли религии в деле охраны природы.

Биоцентризм

До зарождения этики окружающей среды философы морали в западной традиции присваивали моральный статус человеческим существам и только человеческим существам, не апеллируя к мистическому свойству, такому как образ Бога, но апеллируя к таким наблюдаемым чертам, как рациональность или лингвистическая способность. Поскольку только люди, утверждали они, могут рассуждать или разговаривать, только люди достойны этического обращения. В XVIII столетии Иммануил Кант (Kant, 1959), например, утверждал, что человеческие существа являются внут-

ренне ценной целью, потому что мы рациональны, в то время как животные (и другие формы жизни) есть только инструментально ценными средствами, потому что они таковыми не являются. Современные философы окружающей среды пытались сконструировать неантропоцентрическую этику окружающей среды, не апеллируя к мистическим религиозным концепциям, таким как Бог или Дао, или универсальная Будда-природа. Некоторые сделали это, утверждая, что разум и лингвистическая способность являются неподходящими чертами для морального статуса, и что другие наблюдаемые черты являются более подходящими.

Сингер (Singer, 1975) и Риган (Regan, 1983) анализировали классическую западную антропоцентрическую этику с помощью следующей дилеммы: если квалификационные требования для этического статуса – или “критерий для морального принятия во внимание”, как это называется более технически – будут установлены достаточно высоко, чтобы исключить негуманоидные существа, тогда это также исключит те человеческие существа, которые не могут им соответствовать. Человеческие

(продолжение на стр. 61)

Эссе В

Монахи, храмы и деревья. Дух разнообразия

Сюзан Браттон, Университет Северного Техаса

Буддистский монах наклоняется и старательно поливает небольшой саженец в саду храма. Поблизости находятся другие из его вида. Более старые, более высокие деревья затемяют тропинку святыни своими листьями в форме веера и каждый год дают урожай съедобных орехов. Монах смотрит на маленький гинкго и задумывается о том, что он никогда не видел его растущим самостоятельно в окружающих горах. Только в садах храма и их окружениях выжил гинкго, по крайней мере в его регионе Китая.

Из почтенной родословной, восходящей к нижнему юрскому периоду, *Ginkgo biloba* является единственным известным остающимся видом из целого отдела сосудистых растений – гинкгофитов. Часто называемое “живым ископаемым” современное тенистое дерево немного отличается от гинкго раннего мелового периода. Гинкго также представляет собой таксон, который может существовать, а может не существовать в диком состоянии. Одна из самых крупных “полуприродных” популяций в Тянь Му Шань находится возле храма Кайшан и таким образом может находиться под частичной человеческой защитой, если не менеджментом, на протяже-

нии столетий. На протяжении последних нескольких сотен лет буддистские монахи вероятно медленно заменяли природных агентов распространения гинкго, таких как леопардовые кошки (*Felis bengalensis*) и помогли сохранить вид для будущего (de Tredici et al., 1992).

Наше современное технократическое и научно ориентированное общество часто ошибочно считает религию либо незаинтересованной, либо неинформированной, когда дело касается защиты и менеджмента природного мира. Мы также допускаем, что если религия заинтересована, то это более “примитивные” религии и религии, которые практикуют магию, пытаются установить связь с дикой природой и манипулировать ею, в то время как великие религии мира – в частности “люди писания”, иудаизм, христианство и ислам – являются слишком теологическими и потусторонними, чтобы заботиться о различных мелких кусках, которые составляют космос. Истина состоит в том, что религиозные ценности часто помогали защитить природное разнообразие, и религия остается одним из наиболее важных источников человеческой заботы о других видах. Э.О. Уилсон показал, что одна наука не

может защитить биоразнообразие; на-до также обращаться к другим культурным ценностям.

Наука пытается понять мир посредством объективного сравнения. Разнообразные элементы в окружающей среде становятся “другим” или дифференцированным от ученого, который делает сознательное усилие дистанцироваться от явления, которое он наблюдает. Религия, напротив, устанавливает отношения или идентификацию с “другим”. Шаман становится посредником с природой и связывает деревню с окружающими лесами и их созданиями; буддистский монах работает в саду храма и увеличивает свое духовное понимание космоса как целого; иудейский псалмист видит славу Божию в разнообразии дикого и восхваляет божественную мудрость за помещение аиста на кедр и поддержание как птиц, так и лесов водой, бьющей из горных источников. Религия обладает свободой символического и эстетического выражения, не подходящего для науки. Религия может говорить с природой, наука может только говорить о природе.

Религия продвигает сохранение природного разнообразия несколькими различными способами. Первый состоит в том,

чтобы обеспечить этические и социальные модели для того, чтобы жить с уважением к природе. Для большинства культур религия является первичным средством определения правильного и неправильного. Коюконы Аляски, например, не разделяют природного и духовного мира и объясняют духовную силу, содержащуюся в природе, через истории о Далеком Времени об эволюции космоса. Поскольку природа обладает духовной силой, она имеет право на уважение и включается в религиозный кодекс морали и этикета. Коюконы избегают бесполезных трат в пищевых промыслах и берут только то, что они могут использовать в своих хрупких землях на далеком севере. Они не убивают самок водоплавающих птиц, которые готовятся к гнездованию, также они не промысляют молодых животных. Они боятся возмездия в форме неудачи, если нарушат табу или будут неуважительны к животным, на которых охотятся, поэтому их хозяйствование в природных ресурсах плотно связано с анимистическим мировоззрением (Nelson, 1983). Другие религии с очень отличающимися представлениями о потустороннем могут иметь очень похожие правила. Иудаистские писания со своим единым трансцендентальным Богом запрещают забирать птицу-мать из гнезда.

Во-вторых, религия часто обеспечивает непосредственную защиту для диких и культивированных растений и животных. Многие культуры имеют священные места, включая горы, к которым люди могут приближаться только с религиозными целями, если вообще могут. Реки или леса могут быть священными окружениями, где дикие животные и растительность остаются непо потревоженными. Иногда места выделяются, чтобы защитить виды, которые имеют медицинскую ценность или используются в религиозном ритуале. Табу или особая религиозная значимость может предотвратить убийство отдельных видов диких животных. Буддизм, одна из наиболее абстрактных и философских из всех религий, защитил многочисленные организмы от гингко до журавлей и обезьян, живущие на землях храмов. Некоторые ранние христианские монахи не допускали расчистки исконных дубовых лесов вокруг своих монастырей. Св. Франциск Ассизский учил своих последователей оставлять границы культивированного сада свободными от сорняков чтобы обеспечить пространство для диких цветов, так чтобы цветы в своей красоте могли восхвалять творца-Бога. Даже наши современные области дикой природы в Соединенных Штатах должны среди прочих целей сохранять и

защищать “духовные ценности”.

Наконец, религия связывает негуманоидных жителей космоса с божественным или общим значением человеческого существования. Это дает биоте ценность, которую не может обеспечить одна наука. Послушник в шафрановой накидке, заботящийся о ландшафте храма, рассматривает каждое индивидуальное творение как красивое само по себе и красивое в своих взаимоотношениях с соседями. Деревья, маленькая группа цветов, скала и песок становятся большим, чем хлоропласты или полевой шпат и кварц. Для самоотверженно практикующего святость окружающей среды – это вдохновение и благословение. Духовная реализация буддиста в свою очередь благославляет окружающую среду (14-й Далай-Лама, 1992). В раннем и средневековом христианстве, где любовь и сострадание являлись ключевыми ценностями и к святости горячо стремились, монахи и пустынные аскеты часто заботились о диких животных, исцеляя их от ранений и даже спасая от охотников. Ранние христиане думали, что животные могут узнать чистые сердца, и что даже дикие львы и волки будут выражать восхищение великими святыми.

Религиозные мифы и истории, которые учат нас важности других видов,

часто являются такими базовыми, что мы в нашем доминируемом людьми индустриальном мире часто упускаем критическую суть. Возьмем, например, предание о Ноевом ковчеге. Ной не спасал животных просто чтобы быть хорошим. Ной спасал животных, потому что люди нуждались в животных – во всех животных, не только в домашних и съедобных. Также в оригинале

Книги Бытия именно Бог инструктирует Ноя построить ковчег. Великий Бог Израиля хотел, чтобы животные были спасены и создал Ною значительные трудности во время очень влажного климатического периода для свершения этого. Бог создал животных в чудесном разнообразии и в изумительном порядке и благословил их как одновременно хороших и красивых задолго до того,

как Эдемский Сад стал официальным почтовым адресом. Когда животные вступали на ковчег согласно своим видам, почиталась именно божественная организация, и когда Ной спасает их всех, а не просто некоторых, сохраняется именно слава божественного промысла (Bratton, 1993). Современная природоохранная биология может, вероятно, почерпнуть в этом для себя урок.

младенцы, сильно умственно отсталые и глубоко дряхлые люди не являются рациональными. Если, следуя Канту, мы сделаем рациональность критерием морального принятия во внимание, тогда с этими человеческими “маргинальными случаями” можно обращаться так же, как мы обращаемся с негуманоидными существами, которые не могут удовлетворить его. Они могут стать, например, невольными объектами болезненных медицинских испытаний и экспериментов; на них могут охотиться ради спорта; или они могут быть превращены в пищу для собак. Никто не хотел бы, чтобы это произошло. Чтобы избежать этого, Сингер (1975) и Риган (1983) утверждают, что мы должны понизить критерий морального принятия во внимание. Но если он будет установлен достаточно низко, чтобы включать маргинальные человеческие случаи, тогда он также будет включать ряд негуманоидных животных. Сингер (1975) следует современнику Канта по XVIII столетию Джеремии Бентamu и утверждает, что способность чувствовать, способность испытывать удовольствие или боль должна быть критерием морального статуса.

Гудпастер (Goodpaster, 1978) первым сделал шаг от освобождения животных к биоцентрической (буквально “сконцентрированной на жизни”) этике окружающей среды. С биологической точки зрения способность чувствовать, утверждал он, раз-

вилась не как самостоятельная цель, но как средство для выживания животных. Следовательно, если в способности чувствовать есть что-то, имеющее отношение к морали, то насколько большее отношение к морали имеет то, чему призвана служить способность чувствовать, а именно – жизнь. Более того, все живые существа, как объяснялось ранее, имеют свое собственное благо, и, следовательно, имеют интересы. Этот факт также, по словам Гудпастера (1978) должен давать право всем живым существам на этический статус.

Определяя более крайнюю точку зрения, Тейлор (Taylor, 1986) утверждает, что все живые существа обладают равной “внутренней ценностью”. Помимо этически проблематичной и практически невозможной задачи присвоения равного морального принятия во внимание всем и каждому живому существу, чистый и крайний биоцентризм имеет малое отношение к природоохранной биологии – которая, опять же, не занимается судьбой экземпляров, но судьбой видов, экосистем и эволюционных процессов.

В том виде, как он модифицирован Ролстоном (1988), однако, биоцентризм может обращаться к заботам природоохранных биологов и следовательно может представлять жизнеспособную природоохранную этику. Ролстон соглашается с Тейлором в том, что все живые существа имеют внут-

ренную ценность (или внутреннее достоинство) и таким образом должны пользоваться моральным статусом. Но он не соглашается с тем, что живые существа являются равными. К базовой внутренней ценности, которой обладают организмы посредством обладания интересами или своим собственным благом, Ролстон добавляет ценностный “бонус”, как мы могли бы его назвать, за способность чувствовать, и он добавляет дополнительный ценностный бонус за рациональность и самосознание. Следовательно, способные чувствовать животные обладают большей внутренней ценностью, чем неспособные чувствовать растения, а человеческие существа обладают большей внутренней ценностью чем способные чувствовать животные. Таким образом, биоцентризм Ролстона лучше согласуется с нашим интуитивным чувством ценностной иерархии, чем биоцентризм Тейлора, потому что в версии Ролстона жизнь человеческого существа является более ценной, чем жизнь белохвостого оленя, а жизнь оленя более ценной, чем жизнь сосны. И как отмечалось ранее, Ролстон также обеспечивает внутреннюю ценность или что-то похожее на нее – ценностный “дивиденд”, как мы могли бы его назвать – для видов, экосистем и их эволюционных процессов. Поэтому он утверждает, что у нас есть моральный долг сохранять также их. Развитие биоцентрической и эоцентрической философий в исторических рамках далее рассматривается в эссе С Родерика Нэша.

Биоцентризм Тейлора, в котором все индивидуальные организмы обладают равной внутренней ценностью, и биоцентризм Ролстона, в котором базовая внутренняя ценность на уровне индивидуальных организмов увеличивается способностью чувствовать и самосознанием; то есть организмы получают растущую внутреннюю ценность за способность чувствовать и самосознание. Ролстон также обеспечивает схему параллельной оценки для “целых” видов и экосистем.

Экоцентризм

По серьезным философским, а также темпераментным причинам те природоох-

ранные биологи, которые испытывали неантропоцентрические симпатии, тяготели к “Этике земли” Олдо Леопольда в своем поиске подходящей природоохранной этики. Сам Леопольд был природоохранным биологом; в самом деле, он был, вероятно, прототипом этой породы (Meine, 1992). Далее, “Этика земли” Леопольда не основана на религиозных верованиях, она также не является расширением этической парадигмы классической западной моральной философии. Она скорее основана на эволюционной и экологической биологии. Следовательно, большинство неантропоцентрических природоохранных биологов вне зависимости от их религиозной или культурной подготовки находили “Этику земли” Леопольда интеллектуально близкой по духу.

В “Происхождении человека” Дарвин занимался проблемой эволюционного происхождения и развития этики. Как могли “ограничения свободы действий” возникнуть посредством естественного отбора, учитывая универсальную “борьбу за существование” (Leopold, 1949)? В двух словах Дарвин (Darwin, 1904) ответил следующим образом: социальная организация усиливает эффективность выживания и воспроизводства многих видов организмов. Среди млекопитающих родительская и сыновья привязанность, распространившись на других близких родичей, объединила индивидуумов в небольшие общественные единицы, такие как стаи, стада, группы. Когда одно млекопитающее – *Homo sapiens* – приобрело способность к размышлению и речи, поведение, которое способствовало общественной целостности и стабильности, было окрещено “хорошим”, а то, которое было антиобщественным, было окрещено “плохим”. Или как писал Дарвин (1904): “Ни одно племя не могло держаться вместе, если убийство, грабеж, предательство и т. д. были бы обычными; следовательно такие преступления в пределах одного племени “клеямились вечным позором”. Однажды зародившись, этика быстро развивалась

(продолжение на стр. 64)

Эссе С

Американская перспектива

Открытие радикальной защиты окружающей среды на нашем собственном культурном заднем дворе.

От природных прав к правам природы

Родерик Фрэнсер Нэш, *Университет Калифорнии в Санта Барбаре*

Поиск философских оснований для экоцентризма и радикальной защиты окружающей среды привел к древним азиатским религиям, дохристианским друидским ритуалам и космологиям туземных американцев. Многочему можно научиться – и несомненно получить много вдохновения – из этих попыток связать людей с природой, уважительно и ответственно. Но являются ли эти системы верований наиболее многообещающей платформой для природоохранной реформы – на самом деле изменения парадигмы – в современном американском контексте?

Проблема состоит в том, что основная масса американцев не может легко думать как индейцы, друиды или даоисты; хорошо это или плохо, мы маршируем под бой другого культурного барабанщика. Но у нас действительно есть один мощный идеал, с которым можно изменить парадигмы. Он такой же американский как яблочный пирог, и он может обеспечить мотивацию спасти планету и нас вместе с ней.

Либерализм природных прав является наиболее мощной концепцией в

истории американской мысли. Он был представлен до американского эксперимента, в 1215 году, когда группа английской знати представила своему королю Великую Хартию, бросив вызов исключительности королевского определения прав. Смысл был прямолинейным: мы являемся членами этого общества и мы тоже хотим прав. К 1776 году американские колонии Англии значительно расширили значение природных прав. Теперь “все люди” считались наделенными ими, и колонисты чувствовали себя в этом отношении достаточно уверенно, чтобы сражаться в войне за независимость.

При всем этом Джефферсоновский смысл слова “человек” был строго ограничен. Краснокожие люди, черные люди и люди-женщины не включались в моральное сообщество. Но дух 1776 года был крайне летучим. Одно из наиболее драматических расширений привело к огромному изменению парадигмы: отмене рабовладения. Начиная с 1830-х годов горсточка “радикальных” американских реформаторов вознамерилась распространить базовые американ-

ские идеалы природных прав на черных. Кампания затронула одну из наиболее чувствительных струн в американском уме: право угнетенного меньшинства на освобождение. К 1865 году моральный круг расширился и все рабы стали юридически свободными.

Сегодня мы видим в движении защиты окружающей среды замечательный рост еще одной “радикальной” идеи: природа обладает правами, которые людям следует уважать. Глубинная экология призывает к освобождению земли и негуманоидной жизни от собственности и злоупотреблений. Появляются призывы прекратить рабство земли. Повторяя клич аболиционистов “Никакого компромисса с рабовладельцами”, “Вначале Земля!” провозглашает “Никаких компромиссов в защите Матери-Земли!” Бостонское чаепитие 1773 года и рейд Джона Брауна на Харперс Ферри, Вирджиния, от имени рабов вдохновляют радикалов защиты окружающей среды. В этой параллели привлекает внимание то следствие, что вопрос рабства не был решен просвещением или с помощью законодательства; он потребовал

гражданской войны и стоил миллион жизней. Будет ли применение этики окружающей среды также связано с конфликтом?

Важно признать, что распространение этики до включения природы не является даже простой *концептуальной* задачей. Колонисты и рабы, в конце концов, были людьми; пятнистые совы и дикие реки – не люди. Классические природные права ориентированы на индивидуума: их имеет *каждый* человек. Это означает проблемы в человеческих отношениях с природой. Должны ли мы воздерживаться от *любого* воздей-

ствия на окружающую среду? Мы что никогда не можем убивать *ничего* для еды? Немногие рациональные люди так думают; несомненно должны существовать отличия в моральном поведении. Но для все большего количества людей действительно есть смысл в том, чтобы сказать, что все виды, которые разделяют с нами эту планету, имеют права на существование и на то, чтобы проводить свои жизни своим собственным способом. Некоторые чувствуют, что экосистемные процессы обладают внутренней ценностью и правом на свободу от тирании,

часто навязываемой человеческой цивилизацией.

У нас уже есть законодательные документы, такие как Акт о видах, находящихся в опасности, от 1973 года, который дает юридическую защиту правам не-людей на существование. У нас также есть акты о национальных парках и областях дикой природы, которые защищают неживые существа и экологические процессы. С этой отправной точки правдоподобно, что американская мораль может расширяться еще раз. В этот раз мы могли бы перейти от природных прав к правам природы.

вместе с ростом и развитием общества. По словам Дарвина (1904):

По мере того, как человек продвигается в цивилизации и маленькие племена объединяются в более широкие сообщества, самое простое рассуждение сказало бы каждому индивидууму, что ему следует расширить свои социальные инстинкты и симпатии на всех членов своей нации, хотя и лично неизвестных ему. Если эта точка один раз достигается, то остается только искусственный барьер чтобы помешать его симпатиям распространиться на людей всех наций и рас.

Сейчас, в конце XX столетия мы, наконец, достигли точки, которую Дарвин мог только представлять себе в середине XIX: универсальной этики человеческих прав. Но также на протяжении XX столетия экология открыла (на самом деле заново открыла, потому что многие племенные народы, кажется, представляют свою природную окружающую среду в аналогичных терминах), что человеческие существа являются не только членами разнообразных человеческих сообществ – от семейного клана до семейства человек – но также и членами “биотического сообщества”.

От Дарвина мы узнали, что “Вся этика, которая развивалась до сих пор, опирается на единственную посылку: что индивидуум является членом сообщества взаимозависимых частей” (Leopold, 1949); а от Леопольда, что экология сейчас “просто расширяет границы сообщества до включения почв, вод, растений и животных или коллективно земли”. Если всегда, когда в прошлом новое сообщество оказывалось признанным, “самое простое рассуждение говорило каждому индивидууму, что ему следует расширить свои социальные инстинкты и симпатии”, утверждает Леопольд, тогда то же самое “самое простое рассуждение” должно снова вступить в действие сейчас, когда экология информирует нас, что мы являемся членами биотического сообщества.

Хотя это было почти забыто за прошедшие 200 лет, человеческая этика всегда имела сильный холистический аспект. То есть человеческие существа чувствовали, что у них есть долг и обязательства перед их сообществами как таковыми, так же как и перед индивидуальными членами этих сообществ.

ществ. В этом отношении Дарвин (1904) подчеркивал: “действия рассматривались дикарями и вероятно также рассматривались первобытными людьми как хорошие или плохие исключительно как они очевидно влияли на племя, а не на вид и не на индивидуального члена племени. Это хорошо согласуется с верой в то, что так называемое моральное чувство выводится аборигенами из социальных инстинктов, потому что и то и другое вначале исключительно связано с сообществом”.

Под влиянием Дарвина Леопольд также придал своей этике земли решительный холистический оттенок: “Коротко говоря, этика земли, – пишет он, – изменяет роль *Homo sapiens* с покорителя сообщества земли на его простого члена и гражданина. Она подразумевает уважение к своим собратьям-членам, а также уважение к сообществу как таковому” (Leopold, 1949). В самом деле, к тому времени как Леопольд пришел к написанию своей итоговой моральной максимы или “золотого правила” этики земли, он казалось вообще забыл о “собратьях-членах” и упоминает только “сообщество как таковое”: “*Вещь является правильной, когда она склонна сохранять целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию*”.

Верные апологеты сурового индивидуализма, характерного для западной моральной философии на протяжении двух прошедших столетий, обвиняли, что этика земли ведет к “экологическому фашизму” – подчинению прав индивидуумов, включая человеческих индивидуумов, благу целого (Regan, 1983; Aiken, 1984). Они были в чем-то правы там, где речь идет о негуманоидных животных. Этика земли допустила бы – нет, даже потребовала бы – убийства животных, таких как дикие козы или кролики, которые представляют собой угрозу для популяций находящихся в опасности растительных видов или для общего здоровья и целостности биотических сообществ. Но Леопольд, следуя Дарвину, пред-

ставляет этику земли как этическое “приращение”, то есть добавление, а не замену нашей давно сформированной внутривидовой этике.

То, что человеческие существа недавно стали членами национальных и интернациональных сообществ, не означает, что мы больше не являемся членами более древних и более узко очерченных общественных групп, таких как расширенные семьи, или что мы освобождены от всех моральных обязанностей и ответственности, которые сопутствуют нашему действующему членству в семье, клане или обществе. Подобным образом то, что мы сейчас понимаем, что мы также являемся членами биотического сообщества, не значит, что мы освобождены от всех моральных обязанностей и ответственности, которые сопутствуют нашему членству в полном спектре человеческих сообществ.

Эта защита этики земли Леопольда против обвинения в том, что она способствует экологическому фашизму, приводит к обвинению в том, что она является “бумажным тигром”, эгоцентрической этикой окружающей среды без “зубов”. Потому что если мы должны полностью признать все наши древние и современные человеческие обязанности и обязательства, так же как и наши недавно открытые обязанности и обязательства, то как мы можем как-то обосновать пожертвование человеческими интересами для сохранения негуманоидных видов и экосистем?

К счастью, не все конфликты между людьми и окружающей средой являются вопросами жизни и смерти. Мы редко сталкиваемся с выбором между убийством человеческих существ и сохранением биоразнообразия. Скорее в большинстве случаев выбор делается между человеческим образом жизни и биоразнообразием. Например, японцев и других потребителей китового мяса не просят положить свои жизни на то, чтобы спасти китов, а только изменить свои пищевые предпочтения. Чтобы спасти леса, мы не должны совершать самоубийства; мы можем спасти их просто используя меньше

древесины и бумаги, и повторно используя всю древесину, которую мы должны извлекать. Все человеческие интересы не являются равными. Мы должны быть готовы отвергать менее важные человеческие интересы ради жизненных интересов других форм жизни, и ради экологического здоровья и целостности.

Леопольд написал свою этику земли в середине столетия. Экологическая наука тогда представляла природу как стремящуюся к статическому равновесию и изображала нарушения и пертурбации – особенно те, которые были вызваны *Homo sapiens* – как ненормальные и разрушительные (Odum, 1953). В свете недавних сомнений относительно самого существования “биотических сообществ”, которые сохранились как таковые на протяжении времени (Grubaker, 1988) ввиду сдвига в современной экологии к более динамической парадигме (Botkin, 1990) и признавая включение природных нарушений в теории экологической динамики в масштабе части или целого ландшафта (Pickett, White, 1985), мы могли бы задуматься, не стала ли этика земли Леопольда устаревшей. Не сделал ли сдвиг парадигмы от “равновесия природы” к “поток природы” недействительной этику земли? Нет, но недавние разработки в экологии могут потребовать пересмотра этики земли.

Леопольд осознавал природные изменения и был чувствителен к ним. Он знал, что охрана природы должна нацеливаться на движущуюся мишень. Как мы можем сохранять биоту, которая является динамичной, постоянно изменяющейся, когда сами слова *сохранять* и *заповедать* – особенно когда они связаны с *целостностью* и *стабильностью* – имеют сопутствующее значение статичности? Ключом к разрешению этой головоломки является концепция временной и пространственной **шкалы**. Просмотр “Этики земли” Леопольда показывает, что у него был ключ, хотя он мог не понимать, насколько многомасштабными в действительности являются изменения в природе.

В “Этике земли” Леопольд (1949) пишет: “Эволюционные изменения ... являются обычно медленными и локальными. Изобретение человеком инструментов дало ему возможность сделать изменения беспрецедентной жестокости, быстроты и масштаба”. Как отмечалось, Леопольд ясно осознавал, что природа находится в динамике, но под влиянием экологии равновесия середины столетия он думал о природных изменениях в первую очередь с эволюционных, а не с экологических позиций. Тем не менее, шкала равным образом уместна тогда, когда принятие во внимание экологических изменений прибавляется к принятию во внимание эволюционных изменений; то есть тогда, когда обычные климатические колебания и динамика участков прибавляются к нормальным темпам вымирания, гибридизации и формирования видов.

Homo sapiens является частью природы, “обычным членом и гражданином” “земли-сообщества”, как это формулирует Леопольд (1949). Следовательно, антропогенные изменения, навязанные природе, являются не менее природными, чем любые другие. Но поскольку *Homo sapiens* является моральным видом, способным на этическое осмысление и сознательный выбор, и поскольку наше эволюционное родство и членство в биотическом сообществе прибавляют этику земли к нашей знакомой социальной этике, антропогенные изменения могут быть оценены с точки зрения этики земли. Но по какой норме? По норме соответствующего масштаба.

Временной и пространственный масштаб в комбинации представляют собой ключ к оценке непосредственного человеческого экологического воздействия. Задолго до того как эволюционировал *Homo sapiens*, жестокие потрясения регулярно происходили в природе (Pickett, White, 1985), и они по-прежнему происходят достаточно независимо от человеческих действий. Вулканы хоронят биоту целых гор под лавой и пеплом. Торнадо проносятся через леса, сравнивая деревья с землей. Ураганы разъедают берега. Стихийные пожары проносятся

над лесами и саваннами. Реки затапливают поймы. Засухи высушивают озера и ручьи. Почему в таком случае аналогичные антропогенные потрясения – сплошная вырубка, застройка побережья, гидроэлектрические запруды и т. п. – являются неэтичными по отношению к окружающей среде? Как таковые они такими не являются; это вопрос масштаба. В целом, частые, интенсивные потрясения, такие как торнадо, происходят на небольших, широко разбросанных пространственных шкалах; пространственно более широкие потрясения, такие как засухи, происходят нечасто. И большинство потрясений на любом уровне интенсивности и масштаба являются стохастическими (незакономерными) и хаотическими (непредсказуемыми). Проблема антропогенных пертурбаций – таких как промышленное лесоводство и сельское хозяйство, внегородская застройка, ловля рыбы плавными сетями и т. п. – состоит в том, что они являются гораздо более частыми, широко распространенными и регулярно происходящими, чем неантропоцентрические пертурбации; они находятся далеко вне нормального пространственного и временного спектра потрясений, которые испытывает экосистема на протяжении эволюционного времени (Holling, Meffe, 1996).

Пикетт и Остфельд (Pickett, Ostfeld, 1995) – сторонники новой парадигмы природных потрясений/динамики участков в экологии – соглашаются с тем, что подходящая шкала представляет собой действующую норму для этической оценки антропогенных экологических пертурбаций. Они отмечают, что:

поток природы является опасной метафорой. Метафора и лежащая в ее основе экологическая парадигма могут показывать бездумному и жадному, что поскольку поток представляет собой фундаментальную часть природного мира, то любой вызванный людьми поток может быть оправдан. Такое заключение является

неправильным, потому что поток в природном мире имеет строгие пределы... Две характеристики вызванного людьми потока показывают, что это было бы излишним: быстрые темпы и большая пространственная протяженность.

Среди ненормально частых и широко распространенных антропогенных пертурбаций, которые сам Леопольд осуждает в “Этике земли”, находятся уничтожение в масштабе континента крупных хищников в биотических сообществах в Северной Америке, повсеместное замещение домашними видами диких, экологическая гомогенизация планеты в результате “всемирного объединения фаун и флор” и повсеместное “загрязнение вод или их заграждение дамбами”.

Итоговая моральная максима этики земли в таком случае должна быть обновлена в свете развития в экологии за прошедшие четверть столетия. Леопольд признавал существование и значимость естественных изменений окружающей среды, но, кажется, думал о них в первую очередь на очень медленной эволюционной временной шкале. Даже при этом он таким образом включает концепцию внутренних изменений окружающей среды и критическую норму шкалы в этику земли. В свете более недавних разработок в экологии мы можем добавить нормы масштаба как для климатической, так и для экологической динамики к этике земли. Хотя испытываешь колебания по поводу редактирования элегантной прозы Леопольда, мы пытаемся сформулировать современную итоговую моральную максиму для этики земли следующим образом:

Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясать природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию.

<...> Если эстетическое чувство, содействуя развитию общественности, тем самым косвенно может благотворно влиять на развитие нравственности, то и нравственное чувство, обратно, может содействовать развитию эстетического. Для полного и надлежащего эстетического наслаждения требуется изве-

стная доля бескорыстия, возвышения над грубыми чувственными возбуждениями, свобода от эгоистических вожделений и попользований. Своекорыстные чувствования и соображения отравляют и ослабляют эстетическое наслаждение, предполагающее значительную долю объективизма, бесстрастия, спокойствия, воздержания от эгоистических возбуждений, параллелей, аналогий. Недостаток этого условия и делает малопродуктивным для большинства современников посещение театров, выставок, концертов, музеев, галерей. Обыкновенный современный посетитель часто уходит с выставки или из театра с массой пробудившихся дурных инстинктов и страстей, с завистью, с ненавистью, зверь зверем, а не умиротворенный, не умиленный, не горящий огнем мирного соревнования, одушевления и возвышенной общественности. Он не может подойти ни к одному прекрасному произведению, не мучаясь разными своекорыстными вожделениями, не пробуждая в себе всяких низменных инстинктов, словом, не затрагивая в себе зверя. Вот в этом-то отношении нравственное чувство и может помочь эстетическому. <...>

Опубликовано: Каптерев П.Ф. Педагогическая психология. СПб, 1914. Отрывки из книги.

Из условий развития эстетического чувства у детей следует обратить внимание еще на одно — на возбуждение в детях любви и симпатии к природе.

Прекрасное в искусстве, конечно, весьма ценно, но оно не всегда под рукой и обыкновенно предметов искусства требует значитель-

ных материальных средств. Притом прекрасное в искусстве имеет своим источником прекрасное в природе и есть подражание ему и идеализация; прекрасное в природе первоначальнее прекрасного в искусстве. Поэтому чрезвычайно важно пробуждать в детях эстетическую впечатлительность по отношению к природе, способность наслаждаться, по-видимому, самыми простыми и незатейливыми предметами. Если внимательно присмотреться к природе, то можно заметить красоту, рассеянную повсюду, и развитая эстетическая впечатлительность по отношению к природе создаст источник непрерывного и высокого наслаждения.

Возбуждение и развитие симпатии к природе, должно идти двумя путями: практическим и теоретическим. Чрезвычайно важно поставить детей лицом к лицу с природой. Жизнь в городах крайне неблагоприятна по отношению к природе, в городе большинство детей видит лишь камни — каменные дома, стены, каменную мостовую. Крайне несовершенное еще развитие культуры оставляет большинство городских детей без садов, без площадок, без прогулок за город, на темных и вонючих задних дворах и пыльных мостовых. Лучшее место для развития детей как в эстетическом, так и в физическом и других

Воспитание у детей любви к природе при помощи эстетического и нравственного чувств

П.Ф. Каптерев

отношениях, есть деревня, где дитя имеет полную возможность приглядеться к природе, проникнуться ее веяниями, впитать в себя любовь и интерес к естественным явлениям. Затем для всех детей, как деревенских, так и городских, чрезвычайно важен непосредственный уход за растениями и животными. Заботясь о животных и растениях, дитя невольно втягивается в жизнь природы, наблюдает и понимает ее, у него зарождаются желания, интересы, склонности, объектом которых служит внешний мир. Пример взрослых, ухаживающих за растениями и животными, весьма важен; длинные прогулки, маленькие путешествия, соединенные с толковым знакомством с представителями растительного и животного мира, очень много содействуют укреплению любви к природе.

Из теоретических средств на первом месте нужно поставить сказки с

героями из животного мира. Нечего распространяться о том, как дети любят такие сказки, какое сильное впечатление они производят на подвижный детский ум, как прекрасно они вводят детей в понимание жизни животных, их нравов и обычаев. За сказками нужно поставить всякого рода рассказы, которых дети так настойчиво просят почти во всякое время. Предметом этих сочиняемых каждой матерью рассказов в высшей степени желательно брать или прямо явления природы, или же, во всяком случае, вводить ее в виде обстановки, места действия рассказа и других сопутствующих обстоятельств. Наконец, следует отметить более или менее систематическое теоретическое ознакомление с разнообразными явлениями природы и их объяснение, конечно, постоянно сопровождаемое соответственными демонстрациями.

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРИРОДООХРАННОМ КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.Ф. КАПТЕРЕВА

О.В. Петров

Одесский институт усовершенствования учителей

В современную эпоху, в условиях присущего ей ревизионизма, макаренинские цели и методы воспитания подрастающего поколения, долгое время составлявшие основу советской педагогики, подверглись объективной критической оценке. Как выяснилось, строгой критики не выдерживают многие положения этой педагогической теории и практики, включая способы развития этических и эстетических чувств у детей. В тоже время в полузабытьи пребывают имена выдающихся педагогов дореволюционной

России. Среди них крупнейший дидакт конца XIX — начала XX вв. Петр Федорович Каптерев, который оставил огромное педагогическое наследие и без преувеличения достоин войти в пантеон исследователей дидактики и психологии обучения и воспитания детей.

Труды П.Ф. Каптерева разноплановы и многогранны. В контексте условий развития эстетического чувства у детей он был одним из первых, кто обоснованно полагал, что необычайно важно обратить внимание на возбуж-

дение в детях любви и симпатии к природе.

В статье напечатанной в журнале “Русская школа” (№1, 2; 1895 г.) “Об эстетическом развитии и воспитании” и в книге “Педагогическая психология” (1914 г.) Каптерев отмечал, что возбуждение и развитие симпатии к природе должно идти двумя путями: практическим и теоретическим. Чрезвычайно важно поставить детей лицом к лицу с природой, т. к. жизнь в городе крайне неблагоприятно влияет на выработку правильного отношения к ней.

П.Ф. Каптерев выделял несколько периодов развития эстетического чувства к природе. Заслуга этого педагога и ученого состоит также и в том, что он был одним из первых, кто попытался дать очерк влияния на эстетическое развитие детей окружающей среды. Кроме того, еще в 1876 г. он критически осветил состояние русской детской литературы и отметил крупные недостатки произведений с точки зрения этико-эстетического развития и воспитания.

Большой ошибкой бытующей в то время практики Каптерев считал постановку воспитания эстетического чувства обособленно от других сторон развития человека. Ученый доказывал, что эстетическому развитию естественно сопутствует этическое. Этическое чувство требует расширения кругозора человека, требует, чтобы человек думал не только о своем “я”. А потому прекрасным видом природы, заключающем спокойствие, умиротворенность нравственный человек может наслаждаться гораздо глубже, цельнее и интенсивнее, чем эгоист. Каптерев прямо утверждал, что разумное нравственное развитие содействует чистоте и цельности эстетического наслаждения.

В некоторых случаях отношение

эстетического чувства к нравственно-му Каптерев сравнивает с отношением эстетического чувства к религиозному: природа может служить религии, распространять ее исторические и догматические данные, а может быть и антирелигиозной, представляя явления, совершенно несогласными с идеями религии. Прекрасное — это самостоятельная сфера явлений, оно может входить в связь с нравственностью и религией, но может становиться и на сторону их врагов. Сделать природу слугой нравственности и религии невозможно, не вредя существенно природе и ее влиянию на людей.

Педагогические аспекты, которые обозначил П.Ф. Каптерев, не утратили своей актуальности в современный период перестройки содержания как школьного образования, так и в целом подхода к осуществлению природоохранной пропаганды. Изучение работ П.Ф. Каптерева и внедрение его идей в практику будет содействовать использованию больших резервов и развитию способностей детей, а вместе с тем служить решению природоохранных проблем.

Позитивным шагом в верном направлении можно считать создание сотрудниками полтавского отделения Института педагогики АПН Украины нового школьного курса “Довкілля”, построенного на дидактических основах Каптерева. “Довкілля”, как оказалось в процессе апробации, очень близко по своей структуре и содержанию к аналогичным школьным курсам в Израиле и Японии, считающимися самыми действенными.

Интересующимся можно порекомендовать книгу П.Ф. Каптерева “Избранные педагогические сочинения” (под ред. Арсеньева), М.: Педагогика, 1982.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПАРКИ И ОХРАНА ПРИРОДЫ

В.Я. Курбатов

Устроители пейзажных парков стремятся одновременно к двум противоположным идеалам: 1) создать ряд красивых панорам и 2) иметь в парке неприкрашенную природу. Первое есть стремление чисто художественное и является следствием все большего и большего мастерства и приспособления к колоссальным размерам новых парков, хотя бы “Большого парка” Версаля, занимавшего около 6000 дес. Второе стремление было частью реакцией против теоретизма Даржанвилля, Нейфоржа и Нансерона, а частью следствием умения видеть красоту пейзажа, чему научили Лоррэн, Ватто и Робер. Само собой разумеется, для того, чтобы иметь неприкрашенную природу, проще всего использовать последнюю, сохраняя ее в неприкосновенном виде. До этой простой мысли додуматься было не так просто и прежде всего потому, что красивые уголки далеко не всегда лежали там, где это было желательно.

Некоторые местности издавна имели репутацию красивых, и, если о них не заботились, то по крайней мере ценили. Таковы Албанские горы, особенно озера Неми и Альбано. Тенистые дороги, проведенные по берегу последнего (Galleria di Sopra и Galleria di Sotto) являются одними из красивейших в мире прогулок. Дорога из Каstellямаре в Сорренто, дорога из Сиены во Флоренцию, почти вся долина Арно, обе Ривьеры, итальянские озера от божественно прекрасных Комо и Маджоре до приторно сладкого Лугано, исполненные туриста-

ми Фирвальшtedтское, Женевское и Тунское озера и более строгое Аннеси, местность у Пюи де Дом, шотландские и ирландские озера, фиорды Норвегии, безнадежно испошленные берега Рейна и саксонская Швейцария, берега Дуная и холмы около Вены, озера и шхеры Финляндии, еще более красивые озера между Онегой и Белым морем, Волга от Рыбинска до Юрьевца, берега Москвы-реки близко столицы, южное побережье Крыма, Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги, Константинополь, Ионические острова, берега Енисея, Цейлон, дорога от Дели до Агры, почти вся Япония (особенно дорога от Токио до Иеддо) и т. д., и т. д. Вот — места, наиболее знаменитые своею красотой. Не нужно затрачивать никаких усилий, чтобы эти местности превратить в настоящий парк. Необходимо только следить за сохранением рощ, не допускать возведения безобразных зданий и т. п.

Вопрос об этом возник сравнительно поздно и впервые был применен во Франции, где колоссальный лес Фонтенебло, окружностью около 90 километров, а площадью около 17.000 десятин, объявлен национальной неприкосновенной собственностью. В центре его лежат дворец и сады Фонтенебло. Местность этого леса не столько живописна в парковом смысле, как романтична, так как полна скалистых ущелий, каменных холмов, вековых деревьев и т. п. Кроме лужаек с вековыми деревьями и фантастических скал в ущельях, очень красивые виды, открывающиеся с холмов на лесистые дали, среди которых выделяются линии разбивки дворцовых садов.

Затраты и заботы о лесе Фонтенебло окупались стране не только тем, что получилось чудесное место для прогулок парижан, но и тем, что на окраине леса

Глава из книги: Курбатов В.Я. Естественные парки и охрана природы. Пг., 1916. С. 512-514. Сохранено авторское написание географических названий.

в деревушке Барбизон возникла первая из свободных художественных школ современности.

Большие леса сохраняются во многих местах Франции, напр., около Парижа леса Кламар, Мэдон и С. Жермен, в Компьене (15.000 дес.), в Шантильи, в Рамбулье, в Шамборе и Виллье, Коттере (12.500 дес.), но все они прорезаны более или менее прямыми дорогами, местность по большей части плоска, а потому кругозор ограничен. Поэтому они являются приятными местами для прогулки, художественное же значение их невелико.

Россия уже знает обычай объявлять леса заповедными, для чего выработан торжественный ритуал. Сейчас следовало бы озаботиться о некоторых особенных в художественном отношении местностях. Так, следовало бы сохранить неприкосновенными ольховые рощи, раскинутые по полям вблизи пушкинского Михайловского, Тригорского и Святогорского монастыря, Ясную Поляну и тургеневское Спасское, окрестности нынешних и будущих лечебных местностей.

В конце XIX века, как противодействие фабричной культуре, во многих странах появилось стремление к охранению "девственной природы". Это вполне понятно и желательно по отношению к живописным местностям, но имеет смысл лишь при захвате большого пространства кругом, чтобы не нарушалась иллю-

зия. Фонтенебло, где с холмов не видно конца и края леса, является хорошим примером. Германская же привычка охранять небольшие куски, границы которых легко видны находящемуся даже в центре, совершенно бессмысленна. Получается такое же фальшивое впечатление, как в Нюрнберге, когда рядом со старинными домами стоят новейшие магазины, а за крепостными стенами не видно конца фабричных труб.

В Германии некоторые болота и даже крупные валуны объявлены неприкосновенными. Хотя иногда и жалко, что утрачивается дикий характер той или другой местности, однако весьма и весьма нежелательно сохранять относительные мелочи. Чем менее величественны особенности данной местности, тем больший участок нужно объявить неприкосновенным, чтобы сохранить прежнее впечатление. Мало того, в высшей степени желательно избежать постройки наблюдательных башен, которые возводятся в Германии и в Финляндии на всяком сколько-нибудь выдающемся месте.

Пример леса Фонтенебло заслуживает подражания, когда есть подобный более или менее неприкосновенный и столь же обширный участок. Если же его не имеется, то гораздо разумнее постоянным и внимательным уходом всю местность превращать в такой же полупарк, как видим это в Англии или Японии.

Эстетическая охрана лесов и лесоустройство

И.И. Яценко

„Я был бы только торгашом, а не истым лесоводом, если бы забыл об эстетическом значении леса”.

В. Лихошерстый (Л. В. 1916 г. № 32)

“Заботливые врачи сумели найти сотни целебных средств против всех страданий тела. При-

рода более мудрая, чем они, сумела передать лесу средство от всех страданий души”.

П. Мантегаца

Леса, наравне с морем, горами и пустыней составляют одно из грандиознейших и стихийных проявлений природы. Они накладывают отпечаток на физическое развитие и характер народа, его эпос, религию, не говоря уже о том значении, какое они всегда имели и имеют в экономической жизни.

Вся нечерноземная часть Европейской России, т. е. до границы со степью, как известно, в доисторический период была сплошь занята лесом и частью болотами. С переходом наших предков от звероловства и скотоводства к земледелию леса стали уничтожаться, и территория, занятая ими, превращалась в сельскохозяйственные угодья: поля, луга и выгоны. Этот процесс уничтожения лесов за счет новых земледельческих угодий совершался во весь исторический период вплоть до наших дней. В последние 30-40 лет, с развитием русской промышленности, расширением городов и значительным спросом на русский лес со стороны зарубежных рынков, — леса подверглись колоссальному уничтожению, несмотря на существование природоохранительного закона 1888 года. Конец XIX века и начало XX-го положили свое, по преимуществу, утилитарное отношение к силам природы, также и на леса. Последние теперь расцениваются исключительно с точки зрения материальных выгод, которые они могут дать. Широкие слои народа далеко отошли от леса и утратили некогда существовавшую тесную связь с ним. Однако отдаление от природы в общении с нею не проходит безнаказанно для современного культурного человека. Небы-

валое развитие среди городского населения и населения фабричных районов нервных заболеваний, общего переутомления нервной системы и общего физического вырождения, — вот проявления карающей десницы забытой человеком природы. Существовали, правда, отдельные голоса, предостерегавшие от одностороннего увлечения современной культурой и видевшие в гармоническом сочетании цивилизации с природой единственный залог нормального развития человечества. К числу таких отдельных голосов следует отнести известное лесоведам мнение Рилля о лесе. Между прочим, любопытно припомнить следующие слова Рилля: “Германия процветает именно благодаря своей лесистости”.

Защиту идеи охраны природы и, в частности, красоты естественных лесов можно найти еще в глубокой древности. Так, великий поэт эпохи Августа, Гораций, в письме патрицию Фуску Авидию говорит: “В ваших садах великолепные колоннады. Не для того ли они построены, чтобы запереть роци и леса? Природа, которую вы гоните прочь ударами секир, которую вы гоните в двери из ваших домов, к счастью возвращается обратно через окно”. Значительно позднее, уже в XVIII веке, когда утонченная жизнь французского дворянства слишком далеко отошла от природы и простоты, мы опять встречаем старую идею возвращения к природе в сочинениях знаменитого французского философа Жан Жака Руссо. Под влиянием сочинений Руссо (“Новая Элоиза”, “Эдип”) стали появляться во Франции пейзажные парки, представляющие подражание естественным лесам.

Если обратиться к современной философии и литературе, где затрагива-

Опубликовано: Лесной журнал. 1917, № 7-8. С. 369-386. Печатается с сокращениями.

лась связь между цивилизацией и природой, то невольно останавливают на себе внимание два имени: наш великий Толстой и один из самых тонких и глубоких писателей нашего времени, норвежец Кнут Гамсун. В призыве Толстого к природе, к земле, независимо от нравственных основ его философии, есть глубокая практическая мудрость. Можно с ним соглашаться по этому вопросу, или не соглашаться, но относительно того, что основы современной культурной жизни не нормальны и что единственным противовесом растлевающему влиянию на душу и тело городской цивилизации и фабричной жизни является общение с природой, — двух мнений быть не может.

Что касается Гамсуна, то лучшие его произведения проникнуты обожанием природы и, в частности, леса. Герои Гамсуна с утомленными нервами и большой, тоскующей, неудовлетворенной душой — это герои нашего времени. В том, что Гамсун заставляет своих героев искать забвения, утешения, полного отдыха и покоя в лесах, заключается необыкновенно верный и проникновенный художественный прогноз болезни века. Не в умных книгах, не в религии, и даже не в искусстве, а среди девственной природы, среди лесной глуши и тишины герои Гамсуна получают излечение от ран, нанесенных им культурой.

Лесная эстетика имеет большую органическую связь с одним видом художественно-творческой деятельности человечества, а именно с искусственным созданием садов и парков. Во всех культурных народах, начиная с глубокой древности, можно встретить эти проявления архитектуры. Причем в некоторые эпохи эта сторона культурно-художественного творчества занимала не меньше места, чем создание религиозных храмов. Особый расцвет садоводственная и парковая архитектура получила в древней Ассирии времен Наву-

ходоносора и Семирамиды, в древнем Риме времен первых императоров. В Западной Европе золотым веком для садов и парков по справедливости считается XVIII столетие, когда знаменитым французским художником-архитектором Ле Нотром и его учениками был создан грандиознейший Версальский парк, Новый Трианон, Вилла Десте, Шантильи, С. Клу и многие другие.

Под влиянием французского садового зодчества стали создаваться архитектурные парки и в других государствах Европы. У нас в России в виде подражания Версалью был создан Петергофский парк и Летний сад, а несколько позднее Павловский парк, являющийся лучшим в мире произведением пейзажной садовой архитектуры. Было также много создано парков и в глубине России на средства богатых помещиков, напр. Архангельское, Софиевка и мн. др.

Начиная с половины XIX столетия замечается, благодаря многим сложным причинам и в особенности благодаря промышленно-фабричной идеологии конца XIX-го века, упадок садовой и парковой архитектуры. Отрадное исключение в этом отношении составляла Англия, где широкое распространение получили так наз. пейзажные или английские парки, да Япония, в которой любовь к деревьям, растениям и цветам выражается даже национальным религиозным культом.

Перед великой войной Европейских народов стали замечаться некоторые симптомы возрождения садовой и парковой архитектуры. Хочется надеяться и верить, что после войны эта сторона культурной деятельности человечества вновь получит расцвет вместе с лесной эстетикой и еще более общей идеей мировой охраны природы.

В истории паркового зодчества есть два направления: одно заключается в создании чисто искусственных художественных парков (Ле Нотр и его шко-

ла), другое в создании так наз. пейзажных или английских парков, приближающихся к естественному лесу. “Хотя красоту естественного пейзажа видели многие, — говорит проф. Курбатов — никому не приходило в голову создавать ее нарочно, потому что казалось, что ее везде довольно. Для появления мысли об устройстве больших пейзажных парков необходимы были: во-первых развитие сельского хозяйства, приведшего к разработке и возделыванию громадных участков земли, а во-вторых, возникновение любви к пейзажу”. Последнее обязано влиянию великих художников-пейзажистов XVII и начала XVIII века. Естественные леса, таким образом, стоят весьма близко к пейзажным паркам.

За границей в последнее 20-летие создалось сильное движение среди профессоров естественных наук, любителей природы, охотников, а также писателей и художников в пользу “мировой охраны природы с эстетическими и научными целями”. По этому вопросу уже создалась целая литература, интересно привести мнения наиболее выдающихся представителей нового движения, относящиеся к лесам.

На общем собрании Комиссии Памятников, состоявшемся в 1911 г. в Брюсселе, бельгийский министр юстиции Картон де Вьяр, между прочим, справедливо отметил следующее:

“... если говорить о прекрасном, которое является достоянием всех, то внимание и восхищение общества привлекают не одни только памятники искусства, но что является новым, также и городские и деревенские ландшафты, составляющие украшение нашей жизни и являющиеся, по прекрасному выражению Рескина, настоящим лицом отечества. Толпа начинает понимать, что красота природы, как и красота художественных произведений, имеет таинственную дорогую нам связь с нашей душой, что она является сокровищем

и заслуживает уважения наравне с памятниками искусства. Придет час, а быть может он уже настал, когда ландшафты, представляющие естественные памятники, будут охраняться такими же защитными правилами, какими же защитными правилами, какими же обеспечивается сохранность памятников искусства от покушений невежества или преувеличенного утилитаризма”.

Другой поборник идеи мировой охраны природы бельгийский профессор Ж. Моссар в своем докладе международной конференции в Берне в ноябре 1913 года говорит: “... Писатели и художники первые забили тревогу по поводу гибели наших пейзажей. Немедленно заволновалось и общественное мнение. Оно было, впрочем, уже подготовлено к тому, чтобы горячо почувствовать несправедливость, нанесенную отечеству разрушением его самых красивых ландшафтов: 2 раза в месяц бюллетени “Турист-клуба”, дают своим 50.000 читателям описания и изображения самых живописных уголков страны; иллюстрированные открытки, получившие широкое распространение за последние 35 лет, сделали популярными наши пейзажи. Обезображение красот природы вызвало возникновение многих обществ, поставивших себе целью энергично бороться против новых проявлений вандализма. Наиболее значительными являются Национальное Общество Охраны Ландшафтов и Лига друзей деревьев. Не менее деятельны их отделы, функционирующие в определенных местностях: Лига друзей леса Суань, Общество охраны ландшафтов и памятников в Намюре, Комитет защиты красивых видов, Общество защиты Лимбурга. Все, кто любит природу, должны быть глубоко благодарны этим обществам, так как немало пейзажей спасено от гибели, благодаря их разумному вмешательству. . .

Не является ли учреждение всех этих союзов, имеющих единственной целью защитить природу от захвата ее

промышленностью, доказательством того, что эстетические стремления входят в повседневную жизнь наших соотечественников.

Эти чисто идеалистические тенденции нашли себе поддержку на Международном Конгрессе народного искусства в Брюсселе, одно из заседаний которого происходило на открытом воздухе в лесу Суань; многие доклады, сделанные на этом конгрессе касаются охраны ландшафтов: напр. доклады г.г. Стевенса, Ван дер Свельмена и Э. де Мюнк.

Во Франции на международном лесном конгрессе в Париже в июне 1913 года также было несколько докладов, посвященных вопросам лесной эстетики. Г. Гюффель в своем докладе конгрессу о “лесном законодательстве” вот что говорит по этому вопросу: “Леса играют также значительную роль как украшение местности. Те из них, которые расположены вблизи больших городов, должны устраиваться с принятием во внимание значение их для народа, а также удобств и удовольствий для туристов — какую большую услугу могут оказать леса нашей стране, как то, что они развивают склонность к прогулкам на свежем воздухе, давая здоровые развлечения рабочему человеку. Было бы желательно повсюду, а в особенности по соседству с городами, в наиболее красивых местах наших лесов, подле источников, скал, или старых деревьев, находить удобные тропинки, скамейки, столы, беседки, вместо казенных оград или столь часто видимых надписей, воспроизводящих наиболее грозные статьи нашего лесного кодекса”. В заключение докладчик просит конгресс принять следующее положение: “Чтобы наиболее живописные и легко доступные казенные леса, избранные по соседству с большими городами, были взяты из кадра лесов, устраиваемых обыкновенным способом, и подчинены особому *специальному лесо-*

устройству, стремящемуся к украшению местности и к доставлению приятного отдыха туристам и отправляющимся на прогулку местным жителям”.

Французский депутат палаты М. Бокье на том же международном лесном конгрессе сделал доклад об “Охране красоты видов”. Вот заключение из его доклада, касающееся специально лесной эстетики: “1) чтобы как с эстетическими целями, так и в интересах гигиены, в районе, радиусом в 80 километров вокруг Парижа, в казенных лесах были созданы особые артистические лесные массивы, подчиненные специальному лесоустройству, причем места их должны быть определены комиссией защиты красивых видов; 2) чтобы департаментские комиссии защиты красивых видов являлись консультантами при всяком проекте облесения, при всякого рода общественных работах, при прокладке грунтовых и железных дорог, при проведении каналов и т. п.; 3) чтобы наиболее красивые местности были объявлены национальным богатством и защищены законом от всяких на них посягательств”.

Интересно отметить, что в обоих последних французских докладах подчеркивается мысль о специальном лесоустройстве с эстетическими целями.

В других западноевропейских странах: Германии, Австрии, Италии, Швеции и Англии идея эстетической охраны лесов также уже пустила глубокие корни в сознании широких слоев общества, вместе с идеей мировой охраны природы вообще.

У нас в России по отношению к лесу уживаются рядом два противоположных воззрения: с одной стороны замечается несомненная любовь к нему, и с другой — самое хищническое истребление. Так, внутреннее противоречие объясняется в значительной степени призрачным, хотя и весьма распространенным взглядом о неисчерпаемом изобилии наших лесов.

Действительность совершенно расхо- дится с этим представлением, по край- ней мере, по отношению к лесам евро- пейской России. Настоящая великая война еще резче подчеркнет недостаток в лесах благодаря трем причинам: 1) истреблению лесов на нужды обороны в районе театра военных действий, а также в местностях, занятых непри- ятелем, 2) единовременной вырубке де- сятилетних лесосек для топлива, кри- зис, который сделался повсеместным и вне театра войны на основании правил 16 августа 1915 г. и 3) громадной по- требности во всякого рода лесных ма- териалах для населения, разоренного войной, после ее окончания.

Вследствие этих причин возникает опасение о будущем русских лесов в Европейской России* и как следствие этого является вопрос о необходимости особого вида охраны леса — эстетичес- кой.

Современное лесоустройство в теори- и так же не чуждо эстетических взглядов на лес. Однако сама эстетическая теория лесоустройства разрабо- тана весьма слабо, а русская практика, обычно, совершенно не считается с про- ведением в жизнь леса эстетических на- чал.

Исходя из того убеждение, что эсте- тика в лесоустройстве не есть праздное измышление ума, хотя быть может в глазах людей с ограниченным круго- зором, это и так, в дальнейшем будет сделана попытка обоснования эстетичес- кой теории в применении к нашим русским лесам.

Есть два главные основания эстети- ки, применимые всегда и везде: первое это то, что красоту, данную природой, как ее высший и самый прекрасный дар, необходимо всячески охранять и беречь, и второе — красоту надо со-

здать путем художественного творче- ства там, где ее нет. Эти общие основа- ние эстетики могут и должны быть при- менимы по отношению к лесу в поряд- ке лесоустройства.

Итак, прежде всего лесоустройство могло бы взять на себя благодарную задачу охранения исключительно кра- сивых и редких проявлений природы, встречаемых в лесу. Участки леса, а равно и отдельные деревья, признанные имеющими несомненное эстетическое значение, безусловно должны быть ис- ключены из эксплуатационных планов хозяйства. Такие участки эстетического характера следует выделять в особые хозяйственные части, которым можно дать название государственных или на- циональных парков. Узко-меркантиль- ные опасения, что при этом может уменьшиться доходность лесов, не долж- ны иметь места, так как легко дока- зать всю их неосновательность. Во-пер- вых, исключительно красивых мест и в природе не так уж много. Во-вторых, ошибки в выборе парков в любой мо- мент могут быть исправлены назначе- нием таких неудачно выбранных уча- стков леса в рубку на общих основани- ях. В-третьих, нельзя упускать из вида, что невесомая ценность леса нигде так сильно не сказывается, как в его живо- писных участках. Сохранение таких участков на вечные времена будет иметь громадное воспитательное значе- ние, развивая любовь к природе и кра- соте. В наше время, когда искусствен- ные условия жизни особенно далеки от природы, общение с ней воскрешает древний миф об Антее, который чер- пал утраченные силы, припадая к ма- тери-земле. Истинная государственная мудрость не может быть чужда идеи создания государственных парков, ко- торые впоследствии составят культур- ную гордость нации. Наконец есть еще одно соображение, которое не исклю- чает и финансовой выгоды образо- вания из наиболее красивых и живо- писных участков леса национальных

* За исключением лесов крайних северных губерний: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской и Вятской.

парков. Здесь имеется в виду создание на лоне русской природы и русского леса: курортов, санаториев и дачных участков. Есть надежда думать, что после великой войны русское общество делается более внимательным к русской природе, тем более, что среди нашей необъятной родины можно найти все то, что ищут за границей: целебные ключи, высокие горы, живописные леса.*

Многие совершенно не подозревают, что у нас среди лесов встречаются необыкновенно красивые пейзажи, которые часто не имеют лучшего назначения как быть оголенными от леса, вместе с которым они теряют и всю свою красоту. Красота нашей природы сплошь и рядом пропадает в неизвестности, а если она и известна, то обычно ей не достает “культурной рамы” и культурного к ней отношения. Со всеми этими отрицательными явлениями русской действительности и может бороться лесоустройство, опираясь на эстетику. Разрешение поставленной задачи сводится к следующему: 1) отграничить в природе и показать на плане участки леса, заслуживающие по своей красоте и исключительной редкости быть выделенными из общей площади лесных дач в особые “государственные парки”; 2) сделать описание этих парков и тех оснований, по которым они выделены; 3) зафиксировать наиболее живописные места фотографическими снимками; ** 4) представить соображе-

* В Бельгии запрещается вырубать старые в особенно красивые деревья особым министерским циркуляром.

В Англии, согласно старинным англо-саксонским обычаям, точно так же охраняются старые деревья. Автор.

** Идея г. Шабака о применении фотографии в лесоустройстве с особым успехом и пользой могла бы быть осуществлена именно данным случае. Помимо инвентаризации, фотография дает возможность в широкой популяризации сведений о живописных участках, как это практикуется в Бельгии при помощи открыток со снимков. Автор.

ния о будущем назначении таких парков (образование дачных участков, санаториев, курортов, мест для прогулки окрестного населения и пр.) в связи с мерами, которые могут ускорять осуществление указанных целей; 5) изложить основание организации управления и охранения парков.

Если образование “государственных парков” является первейшей задачей эстетики в лесоустройстве, то нельзя игнорировать и другие, более скромные цели лесной эстетики. Так, заложение сплошных лесосек по берегам озер и рек, протекающих через лесные дачи, не должно быть допускаемо в виде общего правила, так как подобные рубки портят естественную красоту пейзажа.

Помимо эстетического, прибрежные полосы леса, обычно, имеют защитное и водоохранное значение, почему эти полосы на протяжении не менее 50-100 саж. подлежат безусловной охране от сплошных рубок. Здесь уместнее всего проектировать добровольно выборочные рубки. Лесная эстетика требует, чтобы такие полосы были отделены в природе от остального леса с образованием из них особых хозяйственных частей. К подобного рода хозяйственным частям, имеющим исключительно эстетическое значение, могут быть отнесены небольшие площади особенно редкого и чем-нибудь замечательного леса, а также и единичные деревья, связанный с историческими воспоминаниями, народными преданиями, отличающиеся редкой красотой, высоким возрастом или необыкновенными размерами и т. п.

В защиту лесной эстетики высказывается также проф. М. Орлов в своем труде “Очерки по организации лесного опытного дела в России” (вып. LVII. 1915 г.).

Вот, что можно найти по этому вопросу в его книге:

“Наиболее величественные и красивые деревья по опушкам, дорогам и про-

селкам следовало бы оставлять до их полного отмирания”.

“Должны быть оставляемы эстетические полосы вдоль линии ж. д., чтобы не портить вида леса, которым любуются миллионы людей, проезжающих по ж. д.”.

Лесоустройство, регистрируя красоту леса и охраняя их от истребления, берет на себя высококультурную миссию и может лишь заслужить благодарность потомства.

В тесной связи с эстетикой в лесоустройстве находится вопрос, поднятый по инициативе нашего маститого академика И.П. Бородина о сохранении так называемых “памятников природы”. Что такое памятник природы? Это ничто иное как участки первобытного девственного леса, отмирающие или истребленные человеком породы деревьев, флора девственных степей, доисторические камни и скалы, доисторический рельеф и вид земли, словом все то, что сохранилось в природе от глубокой старины. Если исключить степи, то все остальные памятники природы неразрывно связаны с лесом и лесной эстетикой, потому что все то, от чего веет веками и тысячелетиями, заключает в себе своеобразную прелесть, красоту и величие. Однако памятники природы прежде всего имеют громадное научное значение, почему их нельзя смешивать с государственными парками, образуемыми исключительно с эстетическими целями. В отличие от последних все участки леса, выделенные, как памятники природы, можно бы назвать “национальными парками”. Хотя при Географическом Обществе и существует природоохранительная комиссия, однако, чтобы поставить вопрос о сохранении памятников природы на чисто практическую почву и перейти от слов к делу, необходимо это охранение теснейшим образом связать с лесоустройством казенных лесов. В самом деле, кто, как и где может найти памятники природы

и описать их? Если это будет предоставлено инициативе случайных любителей природы, то при инертности нашего общества можно сказать с уверенностью, что памятники природы скорее исчезнут с лица земли, чем получат утверждение в охранении. И вообще говоря, частная инициатива в таком деле слишком ненадежна и в лучшем случае может дать ничтожные результаты. Величие нашей родины и национальная гордость требуют не маленьких, неуверенных шагов в этом направлении, а широкого размаха, отвечающего духу нации. Наиболее целесообразным и в то же время гарантирующим быстрые практические результаты способом проведения идеи охраны памятников природы в жизнь, является передача всего этого дела в руки чинов лесоустройства и казенных лесничих. Таксаторы, изучающие в силу своей профессии лес в разных направлениях, посещающие такие уголки на севере России и Сибири, в которые быть может еще никогда не проникала нога человека, только одни могут сделать открытие таких памятников природы в лесу. Но разумеется для этого таксаторы, а равно и лесничие, должны иметь особые полномочия, выраженные в лесоустроительной инструкции, или в специальных поручениях. Для лиц, знакомых с основами лесоустройства и таксации, должно быть ясно, что подобная задача легко разрешима без особого труда попутно с другими чисто хозяйственными задачами. Подобно “государственным паркам” памятники природы, выделяемые территориально в “национальные парки”, должны представлять особые хозяйственные части с запрещением каких бы то ни было рубок. Назначение этих парков — служить исключительно интересам науки.

Перейдем теперь ко второму основанию эстетики в лесоустройстве, а именно созданию красоты в лесу путем творческой и культурной деятель-

ности. С первого взгляда кажется, что лесоустройство в этом отношении может сделать очень немного. В действительности, однако, это далеко не так. Прежде всего эстетическая теория может быть применима при культурах леса. Введение в посев или посадки небольшого процента иноземных пород, способных акклиматизироваться, следует рассматривать как одно из проявлений эстетической деятельности. В известном Тростянецком лесном имении наследников Кенинг Харьковской губернии пишется подобный опыт. Здесь к посадкам обыкновенной сосны приращены крымская сосна, европейская лиственница, канадский тополь и др. иноземные породы. Такие посадки производят самое приятное впечатление своим живописным разнообразием. Вообще следует заметить, что образование смешанных насаждений во всех случаях, где это возможно, отвечая взглядам современного научного лесоводства в то же время попутно преследует и эстетические цели.

К эстетической деятельности в области лесных культур необходимо отнести также образование всевозможного назначения опушек и кайм. Подобного рода опушки и каймы, кстати сказать, весьма редко встречаемые в русской лесной практике, закладываются обычно с чисто утилитарными целями: противопожарными, ветроупорными и пр. Согласование в этом случае задач хозяйственных с эстетическими вполне осуществимо без каких-либо особых расходов.

В области культур особенно широко должна проявляться эстетика в тех лесах, которые будут носить характер парков, курортов и дачных участков. Лесничий, не чуждый понимания красоты, может проявить себя не только простым техником-культуратором, а до некоторой степени художником, каким является по роду деятельности, например, архитектор.

О задачах лесной эстетики в связи с культурами леса некоторые интересные мысли можно найти в статье г. Лихошерстого: “Новые задачи русского лесного хозяйства” (Лесопр. Вестник № 32, 1916 года). “В каждой даче, — пишет г. Лихошерстый, — по близости к населенным пунктам можно и должно выделить участки леса с лучшими условиями местопроизрастания и в них создать высокого типа парковое хозяйство, без дорожек, усыпанных песком, а с могучими деревьями и полными стройными насаждениями. Масштаб этих роц-парков не может быть определен заранее: можно ограничиться и 10 десятинами, а в другом случае дойдем и до 1000 дес.”. “Эти роцци как раз и будут те памятники природы в широком смысле, о сохранении которых уже стало заботиться и правительство”. “При выборе роцци первая задача — это возможность ее сохранения на вечность. Лесничий должен отвечать за ее целостность. Пожары должны быть предусмотрены и предупреждены. Окаймление роцци речками, лугами, болотцами и искусственными канавами необходимо”. Последнее пожелание г. Лихошерстого любопытно в том отношении, что его мысль устройства естественных роцци близка к искусственному созданию пейзажных парков. Далее интересно отметить у г. Лихошерстого правильную в своей основе идею о желательности реставрации бывших корабельных роцци. “При выборе роцци могут сослужить службу бывшие “корабельные роцци”. Как лично мне пришлось убедиться, корабельные роцци выбраны весьма удачно в насаждениях с наилучшими условиями местопроизрастания. Планы этих роцци в лесничествах имеются, а в натуре часто сохранились и границы роцци. Воспользоваться этими данными будет очень желательно”. “После войны начнется новая эра в жизни России. Потребуется новые формы хозяйства и лесоустройству также при-

дется отказаться от своих старых шаблонов”.

Помимо культур эстетика в лесоустройстве может быть тесно связана с разделением леса на кварталы. Если в лесах, имеющих исключительно промышленное значение и занимающих большие пространства, искусственное деление лесной площади на прямоугольники и квадраты является наиболее уместным, то в лесах, имеющих в большей или меньшей степени и эстетическое значение, в основу образования кварталов следует положить естественный метод деления. Сущность этого метода, как известно, заключается в том, что искусственно проведенные просеки заменяют хребты гор, ущелья, реки, ручьи, дороги и т. п. естественные разделительные линии. Искусственные просеки создаются только как вспомогательные линии и им по возможности необходимо придать характер дорог. В некоторых случаях может быть проектировано образование чисто эстетических просек, т. е. таких, которые открывают вид на красивый ландшафт, озеро и т. п.

В лесах, которым будет придано назначение государственных парков, дачных участков или мест будущих курортов, деление леса может быть произведено по линиям предполагаемых дорог и эстетических просек. Таксационное описание при этом должно быть составлено по методу г. Шабака, т. е. при помощи буссоли и шагомера, без проведения таксационных визиров.

Выше уже было высказано замечание, что нашим лесам, находящимся даже в местности с густым населением и небольшим процентом лесистости, не достает культурной рамы. Русское лесоустройство могло бы своей деятельностью во многих случаях создать эту раму. Что такое эта рама? Это есть ничто иное, как проявление культуры в лесу, понимаемом в широком значении этого слова. Наши леса не культурны не бла-

годаря своему естественному происхождению, это скорее большой плюс наших лесов, а потому, что от них мы все берем, а взамен почти ничего не вносим. Для того, чтобы вырубить леса, которые природа создавала в течение многих десятков и сотен лет, конечно, не требуется ума и каких-либо занятий. Эту задачу с большим успехом выполняли приказчики наших крупных и средних лесовладельцев и лесопромышленники разных категорий в наших казенных лесах. Но для того, чтобы рубка леса отвечала понятию правильной эксплуатации и принципу государственного значения лесов, определяемых лесоустройством, требуется много знаний искусства и тех “законных прав” лесоустройства, которые сплошь и рядом нарушаются и не признаются действительностью.

Наше казенное лесоустройство, которое одно по идее могло бы сделать наши леса культурными в вышеозначенном смысле, к сожалению до сих пор носит характер декларативных норм.

Не имея действительной власти, не располагая кредитами, необходимыми для осуществления своих предначертаний, лесоустройство и не вносит всей той культуры, которую оно могло бы и должно бы внести в наши леса.

Для того, чтобы эстетика в лесоустройстве от академических пожеланий воплотилась в действительность, необходимо, чтобы ее основные положения вошли в лесоустроительную инструкцию. Без этого условия невозможно ожидать никаких практических результатов. Чем скорее государственное лесоустройство проникнется духом эстетики, тем больше оно может сделать для охраны естественной красоты наших лесов и памятников природы. Всякое промедление в этом отношении при несомненном колоссальном увеличении эксплуатации лесов после войны, будет пагубным для лесной эстетики и

восстановить утраченные красоты леса будет бесконечно трудней, чем сохранить их теперь.

Все вышесказанное относительно эстетики в лесоустройстве могло бы войти в лесоустроительную инструкцию в форме нижеследующих положений:

I. При производстве работ по устройству, ревизии лесоустройства и исследованию казенных лесов подлежат выделению в отдельные хозяйственные части: 1) лесные площади, носящие характер памятников природы; 2) леса, могущие по своей исключительной красоте или по своему положению иметь в ближайшем будущем значение государственных парков; 3) каймы леса по берегам рек и озер, по опушкам, железным и грунтовым дорогам и просекам, если сохранение таких полос вызывает эстетическими соображениями.

II. Леса или участки леса, выделенные в отдельные хозяйственные части по эстетическим признакам, должны быть ограничены в натуре от остальной лесной площади и описаны по возможности без проведения таксационных визиров.

III. Деление хозяйственных частей леса, обремененных с эстетическими целями, на кварталы допускается лишь естественное. Искусственные просеки могут быть произведены как проектные линии будущих дорог, или же если они будут носить исключительно эстетический характер.

IV. Хозяйственные части, которым будет придано значение государственных парков, дачных участков, или лесных санаториев, должны быть устроены сообразно своему назначению. Особого внимания заслуживает при этом проект дорог и разбивка леса на участки, предназначенные для устройства дачных мест.

V. При проектировании лесных культур, в особенности в дачах, расположенных в малолесной местности с густым народонаселением, желательно

руководствоваться помимо промышленных, также и эстетическими соображениями. К последним следует отнести окаймление культур защитными и декоративными опушками, введение иноземных пород и т. п.

VI. В целях проведения лесной эстетики и культуры из леса в район территории, тяготеющей к данной лесной казенной даче, желательно образование особых питомников из местных и иноземных древесных и кустарных пород, предназначенных для распространения среди местного населения.

VII. В порядке лесоустроительных работ ставятся столбы на главных дорогах при въездах и выездах из дачи с указанием названия дачи и ее площади. Кроме того ставятся столбы на всех перекрестках дорог, а также особыми столбами с надписями обозначается все, что есть достопримечательного в лесу. Внешний вид всех этих знаков должен отвечать элементарным требованиям эстетики.

По всем вышеуказанным вопросам, а равно и другим, имеющим то или иное отношение к лесной эстетике, должны быть представлены на лесоустроительное совещание предположения со стороны местного лесничего. В окончательной форме все эти вопросы получают разрешение на 2-м совещании и по ним составляется лесоустроителем объяснительная записка, по возможности иллюстрируемая фотографическими снимками, а равно и чертежами с проектами устройства парков, дачных мест, питомников, дорог, кайм и др.

Охрана памятников природы и выделение из общей площади лесных дач особых хозяйственных частей, заслуживающих по своей красоте и положению быть предназначенными для образования государственных парков, дачных мест, лесных санаториев и пр., — вот главная практическая цель, которую могло бы осуществить лесоустройство.

Осуществление этой цели, к сча-

тью, не связано с какими-либо техническими затруднениями, а также не требует новых расходов со стороны казны. Единственно, что для этого нужно — простой росчерк пера лиц, стоящих во главе государственного лесного хозяйства.

Заканчивая эту статью, я хотел бы обратить внимание читателей на необходимость пропаганды идей лесной эстетики вместе с более общей идеей мировой охраны природы.

Лесничие и таксаторы, близко стоящие к природе и к лесу, могли бы под-

нять свой голос в защиту выставляемых здесь положений, так как их голоса в данном вопросе являются наиболее авторитетными.

Ближайшей целью, помимо проведения эстетических принципов в казенное лесоустройство, является внесение в проект нового лесного устава статей закона, дающих юридическое обоснование начал государственного охранения как памятников лесной природы, так и лесной эстетики по отношению ко всем лесам государства.

Упорно и беспощадно работая над изменением лика Земли, человек вызывает громадные перегруппировки в мире растений, резкие изменения в распределении и в образе

жизни животных. А между тем, деятельность человека могла бы быть направлена во многих случаях в сторону улучшения жизни животных. Пример: условия существования зубров, дроф и некоторых других животных в имении „Аскания-Нова”, где была создана для них особо благоприятная обстановка. К сожалению до самого последнего времени деятельность человека была направлена как раз в обратную сторону.

Хищник по своей природе, человек всегда стремился беспощадно и во множестве случаев совершенно безрассудно уничтожать животных. Особенно безудержно это уничтожение пошло с появлением на мировую арену крупного капитала. Это было отмечено еще перед великой войной на состоявшейся в 1913 г. в Берне конференции по международной охране природы. Из речи Поля Саразена

Задачи момента в деле охраны природы в России

А.П. Семенов-Тянь-Шанский

выяснилось, что к длинному уже ряду животных, окончательно истребленных человеком (как, напр., дронг, морская корова, буй-тур, тарпан и др. присоединяются все новые; с тех пор как норвежцами введены в употребление китобойные пушки и плавучие салотопные заводы, почти истреблен в океанах знаменитый гренландский кит; та же участь грозит в недалеком будущем кашалоту; сочтены дни морского котика, морского бобра, морского слона, моржа, пингвинов. Из наземных животных в особо угрожаемом положении находятся кроме зубра и бизона мускусный овцебык и многие дающие ценное перо птицы. С тех пор как человек сделался царем воздуха, опасность для всех обитающих на земле крупных животных еще увеличивается, так как наиболее удаленные от населенных мест и трудно доступные местности (как напр., Тибетское плоскогорье, среднеазиатские и африканские пустыни, полярные области) не гарантированы больше от частых хищнических набегов человека... На конференции 1913 г. был выработан целый ряд

Опубликовано: Труды первого Всероссийского съезда любителей мирозведения. Пг., 1921. С. 195-197.

мер к охране животных, напри- м., разбив- ка морей на так назыв. маритории и нек. др. Борьба за охрану природы обещала принять мировой характер. Между прочим, участие России в конференции вы- разилось в выработке некоторых мер по охране соболя. Но грянула война. Изоли- рованное положение России сейчас нас тем более обязывает, что мы не знаем, как долго оно продлится.

Революция в начале пошла у нас под хорошим знаком: читались лекции, уст- раивались совещания, писались статьи о необходимости охраны природы и ее па- мятников. На местах этому шли навстречу. Отрадно, напри- м., отметить факт из- дания в 1917 г. Симферопольским Испол- комом обязательного постановления, бе- рущего под свою защиту памятники при- роды, Природоохранительной комиссией нашего Географического Общества был выработан законопроект и план учрежде- ния в России заповедников природы, но бурные события перевернули все. Движе- ние хотя и продолжалось, но в конце кон- цов заглохло. Много ценного уничтоже- но за последнее время. Разрушения нача- лись еще во время войны, продолжают- ся они и поныне, подчас самым бестолко- вым, самым непопозволенным образом. Много животных перебито, в некоторых местах выбито совсем, многие животные разогнаны и т. д. Уничтожена почти Бе- ловежская Пуша, теперь отошедшая в пределы Литвы. Уничтожены многие зоо- парки, разорены охотничьи хозяйства и ре- зерваты, как напр. в окрестностях Петрог- рада, значение которых в качестве оча- гов природы было всегда значительно. Не- известно, как обстоит дело на Кавказе, в Крыму. Правда, удалось до некоторой степени сохранить знаменитое имение Фальц-Фейна “Аскания-Нова”, но и в нем произведены разные разрушения, причем выбито или вымерло множество содер- жавшихся в зоопарке животных.

В течение революции произошло и дру- гое глубоко печальное событие: уничто-

жено множество садов, частновладель- ческих парков, монастырских и иных рощ, дававших естественный приют множеству птиц и различных растений. Поэтому надо особенно бережно относиться к остав- шимся, внушая и всячески поддерживая идею их сохранения. Нам надо брать при- мер хотя бы с Бельгии, страны сплошь фабричной, где за последнее время при- рода искусственно воссоздается, создаю- тся перелески, рощицы, которые вносят такую гармонию в пейзажи, которые бла- готворно влияют в то же время и на агри- культуру. Последнее нам надо особенно учитывать. Надо развивать в населении любовь к природе, надо воспитывать ее активно, не лентясь, в каждом отдельном случае указывая на весь вред от разруши- тельных действий даже отдельного чело- века; надо воспитывать население в этом направлении при помощи лекций, экскур- сий, выставок, которые надо проводить везде, где это только сделать можно. Но нужна не только охрана памятников при- роды, нужно исследование, хотя бы на первых порах ради простой регистрации памятников природы. О том, что нужно сберечь в первую очередь, хорошо было бы сообщать в Природоохранительную комиссию Русского Географического Об- щества в Петрограде (Демидов пер., 8 А), так как цель этой комиссии не только охрана, но и инвентаризация памятников природы.

Доклад заканчивался словами: „Как бы ни было прискорбно настоящее отно- шение в России человека к природе, хо- чет умереть в светлой уверенности, что будет некогда день, — что уже близок этот день — когда “человечество” и “че- ловечность” станут одним понятием; ког- да человек облагородится настолько что для него станет священным право на жизнь как всех ему подобных, так и всего того, чему предугазано жить и цвести на земле наряду с человеком не стесненной в своем творчестве природой”.

Сокрушение кумиров

*“Велики еси, Господи, и чудьна дела твоя —
вчера чтим от человек, а днесь поругаем”.*

(Летопись от Нестора).

1

Когда святой Владимир-князь,
Из Херсонеса возвратясь,
Явился в Киев, мигом он
Сменил и веру, и закон:
Всех старых идолов-богов
С престолов пышных и столпов
Он непочтительно низверг,
Чем в ужас киевлян поверг.
И даже громовержец, бог
Перун, и тот спастись не мог:
К хвосту привязанный коня,
Пополз он, землю бороня,
Вниз по горе, и ввергнут был
В широкий Днепр, и вниз поплыл,
А люди, темный весь народ,
Боясь, что бог их уплывёт,
В далёкий печенежский край,
Вопили: “Боже, выдыбай!”.

2

С тех пор прошло немало лет,
Но предков мы храним завет.
Увы, такая чехарда
В стране у нас царит всегда:
Сперва воздвигнем мы божка —
“Секретаря” или царька,
Хотя подчас он тяжек нам,
Ему мы курум фимиам,
когда ж терпеть его невмочь —
Божка со свистом гоним прочь.
И, поваливши истукан,
Волочим, взявши за аркан.
Всем памятен божок один,
Он родом был “кацюк” (грузин).
Пред тем, как к власти он пришел,
Он в церкви о.....л престол.
Потом же, в руки власть забрав,
Он править стал. Жесток, кровав,
Хитёр и двоедушен, лют —
(лютее Грозных и Малют) —
За четверть века лиходея
Мильоны истребил людей:
Народа растоптал он цвет,
Закрыв окно нам в божий свет,
Так что не видим мы ни зги,
Сковал декретами мозги,
Крестьянство вновь закрепостил,

И голодать всех приучил.
Как в древности Сарданапал,
Он города именовал,
Что так измучились под ним,
Постыдным именем своим.
И в память подвигов своих
Себе кумиры он воздвиг.
Когда ж он умер, бранный прах
Был заключён в тот саркофаг,
Недолго там почил злодей:
Он был оттуда извлечен
И под стеною погребён.
А вскоре стали низвергать
Несчетных истуканов рать,
Что “украшали” города —
Они исчезла навсегда.
Стоял из бронзы исполин
В преддверьях горных тех долин,
Где начал жизни путь тиран:
Он был святыней горожан:
В нём дух божка был воплощен —
Он был не сброшен, а взнесён.
Однажды мощный вертолёт,
С небесных снизившись высот,
Стальной накинувши аркан,
Унёс в пространство истукан,
И плакала толпа грузин:
“Спустись, Сосо, наш господин”.
Но, вознесённый ввысь, в эфир,
Быть может, страшный тот кумир
Умножит спутников семью,
Чертя орбиту там свою.

3

Сменил тирана некий хрущ —
Хвастлив, болтлив, но — всемогущ,
Он, правда, плюс один имел:
Людской он крови не терпел,
И развонил везде, что им
Кровавый отменён режим.
Но — бережно он блюл опять
Девиз: “тащить и не пущать”.
И, в кукурузный впав психоз,
Стране немало бед принес:
Ведь хлеборобная страна,
Пшеницей издревле славна,
К соседям поплелась с сумой,
Чтоб голод там насытить свой.

Да, гениальным надо быть,
 Чтоб трюк подобный совершить.
 Науки был он лютей враг,
 Искусств не понимал никак,
 И все, похожее на "стиль",
 Квалифицировал как гниль.
 Наприказал всем строго, чтоб
 Везде был принят стиль "хрущоб":
 Коробки с дырками окон,
 Окрашенные в серый тон.
 Они на долгие года
 Нам безобразят города.
 Мечтая мир весь покорить,
 Он "иждивенцев" стал кормить,
 Чтоб Куба и Вьетнам, Китай
 В счастливый превратились рай
 А наша таяла казна.
 Любил он очень ордена.
 Направо и налево всем
 Он раздавал их — даже тем,
 Кто Карла Маркса не читал
 И коммунистов истреблял.
 Так награждён был, например,
 Внук фараонов — Эль Насер.
 Хотя идейно нам чужой —
 Союза он теперь "Герой".
 Крича о мире громче всех,
 Обратный Хрущ имел успех,
 И мы считать его должны
 Среде поджигателей войны.
 Бросал он дома все дела:
 Его нелегкая несла
 В Египет, Англию, Берлин
 (с женой он ездил, не один).
 Он там "травил белиберду"
 Врагам на смех, нам на беду.
 Хоть "перлы" лучшие речей
 Вычеркивал зять Аджубей,
 Чтоб над страницами газет
 Не хохотал потом весь свет.
 Но смехом от его проказ
 Давились люди уж не раз:
 Стащивши как-то с грязных ног,
 Свой лакированный сапог,
 Он стал им по пюпитру бить,
 Чтоб речи блеск усугубить.
 Его ораторский порыв
 Громовый вызвал смеха взрыв.
 Пусть Хрущ был не совсем дурак
 Но — клоун, неуч и пошляк.
 Непостижимо, как же он
 Вскочил на всесоюзный трон.
 Ведь он до трона не дорос:
 Ему под стать ... свиносовхоз.
 Хотя кумиров он свергал,
 Культ "личности" искоренял,
 Но, культ создавши сам себе,

Навстречу поспешил судьбе:
 Он так вконец всем надоел,
 Что мигом с трона полетел,
 Как всякий выскочка-кумир,
 Что покорить мечтает мир.
 Но облегчил работу он
 Тем, кто его разрушил трон:
 Излишен был стальной аркан.
 Ни барельеф, ни истукан
 Еще не созданы ему.
 И он ушел в забвенья тьму,
 Под крики и беззлбный смех
 Ликующих сограждан всех.
 Что будешь делать? Как-никак
 Был добр зазнавшийся толстяк!
 Кто вспомнит его жирный лик?
 Портреты были сняты вмиг!

4

Весь сонм друзей ушел за ним:
 И Аджубей, и сам Трофим —
 Божок доверчивых людей,
 Известный всем как чудодей:
 Ведь превращал клещей он в мух,
 В кукушек — претворял пичуг,
 Пшеницу превращал он в рожь,
 Бросал он агрономов в дрожь.
 Стране принес он много бед,
 Затормозив на много лет
 Развитие наук у нас.
 О, как отстали мы сейчас!
 Имел распутинский он дар
 Влиять путем как будто чар
 Гипнозом бредовых идей
 На слабые мозги людей.
 Толчась в толпе придворных слуг,
 Морочил он "кумиров" двух
 И вот с последним — полетел —
 Таков всех прихвостней удел!
 К хвосту привязанный осла,
 Он пал, и Лета понесла
 Его навек в забвенья тьму...
 Народ кричит вослед ему:
 "Довольно ты царил, Трофим!
 Плыви! Твой рок — неотвратим!"
 И лишь Трофимов темный сброд
 В смятении вслед ему бредёт
 Сквозь свист врагов и пёсий лай,
 Вопя: "Трофиме, выдыбай!"
 А в расцветающем леску :
 Кукушки, сидя на суку,
 Разносят весть:

"Трофим,
 ку-ку!"

И.И. Пузанов

3.11.1964 г.
 Публикуется впервые

Важный вклад в развитие экологической этики

Рецензия на книгу: Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999. 122 с.

Итак, перед нами еще одно детище Киевского эколого-культурного центра, точнее — его директора В. Борейко — книга под названием “Прорыв в экологическую этику”. Беспристрастная рецензия на эту книгу не получилась бы даже у самого простого обывателя, не говоря уже о профессионалах-экологах. Книга вызывает массу эмоций и противоречий в душе и мыслях. Она является продолжением по теме предыдущей — “Введение в природоохранную эстетику”, хотя здесь гораздо более широко освещаются новые, до этого времени не известные термины и темы, такие как права живой и неживой природы, внутренние и идеальные ценности дикой природы, экологическая этика в религии.

В первых главах “Прорыва” В. Борейко объясняет нам суть экологической этики (введение), рассказывает об истоках антропоцентризма, освещает историю экологической этики в царской России, СССР, в послесоветское время и за рубежом. Из этих глав ясно, что автор много работал не только с архивными документами, но и прочитал массу зарубежных книг, изданных в разное время. Приводится большой список англо-американских журналов по экологической этике и список работ зарубежных авторов, которые были проработаны В. Борейко, являющегося, кстати, членом редколлегии известного английского экофилософского журнала “Экологические ценности” (“Environmental values”). Вызывает уважение то, что автор свободно ориентируется и помогает разобраться нам

в различных направлениях экологической этики, освещая их в одной из своих глав. У него даже хватает мужества не комментировать эти направления, но слышна горечь от того, что на просторах СНГ не нашлось места не то чтобы какому-то направлению, а вообще самому термину “экологическая этика”. Это и есть главная цель книги — внедрить в своей стране в целях сохранения дикой природы экологическую этику и природоохранную эстетику. В. Борейко приводит много примеров этой практики за рубежом.

В главе “Права живой и неживой природы” мы видим широкий анализ различных теорий — Тома Ригана, Питера Сингера, Алистера Ганна, Марии Анны Уоррен и многих других. Дается расшифровка термина “природное право” — “каждое существо может выражать свою собственную природу так ясно и полно, как это позволяют природные условия”. В то же время автор объясняет, как обозначить это право, чтобы экологическая этика не была доведена до абсурда. Главу прекрасно дополняет приведенная в конце книги публикация Тома Ригана “Звери правы, люди неправы”. Более убедительные доводы в охране прав диких зверей трудно отыскать. В. Борейко также рассказывает о дискуссиях по вопросу об этичности охоты. В то же время, автор предлагает нам компромисс — согласно принципу психологических способностей — во время кораблекрушения, если имеется маленький плот, кого необходимо спасти — человека или собаку? Предпочтение отдается су-

щество, имеющему больше психологических способностей, то есть человеку. “Экологическая этика позволяет нам причинить вред животному в том случае, если у нас нет выхода”. В. Борейко приводит прекрасную цитату Джона Мюира, что “целью природы при создании животных и растений является прежде всего счастье каждого из них”. Глава заканчивается изложением четырех базовых правил человеческого поведения по отношению к природе и шести моральных принципов, при условии которых эти правила осуществляются. Они взяты у Пола Тейлора, автора книги “Уважение к природе”.

Важное место в “Прорыве” занимает глава о внутренней и идеальных ценностях дикой природы. Здесь автор пытается объяснить читателям, почему принятая в человеческом мире теория ценностей, основанная на полезностях для человека, неприменима к дикой природе. Перечисляются различные ценности, вызывающие соответствующие природоохранные мотивации: этическую, эстетическую и религиозную. Кроме этих мотиваций, В. Борейко предлагает и другие, не менее важные, в т. ч. духовную и неосознанную. “Здесь существует нечто иное, пока нами практически непознанное”. Если применить идею Канта о “вещи в себе” — относительно природы, а не “вещи для нас (людей)”, тогда становится понятной внутренняя ценность дикой природы, которая ценна сама по себе. Это явилось не прорывом, а открытием для наших экологов. Охранять дикую природу потому, что она бесценна, потому что она — “вещь в себе”. “Существование природы важнее, чем ее значимость”, — говорит В. Борейко, и с ним невозможно не согласиться.

Далее в книге предлагаются интересные результаты анкетирования населения Киева, Львова и их областей в 1999 г. Опрос лишней раз доказыва-

ет, что многие ценности дикой природы совершенно не освещались в украинской научно-популярной литературе по заповедному делу за последние 30 лет. Но, несмотря на это, результаты опроса удивляют тем, что люди в охране природы исходят в первую очередь из этичности, красоты и священности природы, а не других мотиваций. В. Борейко первым в Украине так тщательно подошел к этой проблеме.

Глава “Экологическая этика и религия” рассматривает различные религии с точки зрения полезности их для природоохранной пропаганды, т. к. “религия может быть мощным источником экологической защиты”. Здесь приветствуется язычество, восточные религии как наиболее экологичные. Хотя, по моему мнению, “в конечном итоге современный экологический кризис — это кризис ценностей”, а не результат веры миллионов людей в неэкологические религии.

Последние главы — “Экологическая этика и заповедное дело”, “Экологическая этика и природоохранная эстетика”. В них еще раскрывается понятие “абсолютная заповедность”, расширяется классификация заповедных объектов. Идет речь о том, что при заповедании интересы человека должны уступать интересам дикой природы. Автор убеждает нас в том, что природоохранная эстетика без экологической этики немыслима вообще. Здесь В. Борейко выдвигает теорию “незаинтересованного” взгляда на красоту природы. “Во-первых, мы должны защищать не только ту красоту, которую мы видим или ту, которую не видим, но знаем, что она существует, но и ту, которую пока разглядеть не можем, не знаем, существует ли она, но предполагаем, надеемся или верим, что она есть. Это второе правило позволяет взять под защиту природные территории или виды, красоту которых человек еще не в состоянии оценить”.

В книге представлен обширный список используемых литературных источников, за которым следует словарь терминов. В конце книги — три публикации в переводе с английского языка, посвященные данной теме. Не сомневаюсь, что книга с большим интересом

будет изучена специалистами по охране дикой природы и заповедному делу, экофилософии и прочей экологической элитой.

Е.В. Никуленко

Дорога в никуда

Рецензия на книгу: Молоканов Г.Н. Диалогия: Гражданское общество в России. Русский экологический космизм. Краснодар. Изд-во Кубанской народной академии, 1998. 204 с.

Экологический кризис способствовал появлению целого ряда работ, предлагающих, как с ним бороться. Книга Г.Н. Молоканова — одна из них. В ней поднимается масса политических, социальных, религиозных, исторических, философских и экологических вопросов, требующих рецензирования со стороны конкретных специалистов. Поэтому в этой рецензии я остановлюсь только на некоторых моментах, интересных с точки зрения экологической этики.

Но прежде, хотя бы бегло, я хочу высказать свое мнение по тем тезисам автора, которые у меня вызывают явное сомнение, а то и полное неприятие.

Во-первых, мне непонятно, как можно, работая над такой серьезной проблемой, совершенно обходиться без опоры на труды зарубежных ученых? Для Г.Н. Молоканова они просто не существуют. Но ведь еще Вольтер писал: “Моя любовь к отечеству не заставляет меня закрывать глаза на заслуги иностранцев. Напротив, чем больше я люблю отечество, тем больше я стремлюсь обогатить мою страну сокровищами, извлеченными не из ее недр”.

С другой стороны, несколько коробят наивные, ничем не подкрепленные лозунги и заявления типа “Россия средневековая выполнила свое космическое предназначение, консолидируя не только на-

роды белой расы, но и народы других рас и верований” (с. 96), “Мир могут спасти только русские” (с. 99), “Россия — ядро ноосферного общества” (с. 185) и т. д. К сожалению, я не нашел еще одного, мною очень любимого: “Россия — родина слонов”. Может быть, автор об этом пока еще не знает?

Из книги чувствуется, что Г.Н. Молоканов явно симпатизирует Ленину и его железной гвардии большевиков. Собственно говоря, симпатии и антипатии — личное дело каждого. Но опять же до тех пор, пока они не навязываются читателям в ущерб исторической правде.

Г.Н. Молоканов заявляет: “На самом деле Провиденциальные Силы подталкивают Россию на путь, который первыми указали русские космисты и который стали нащупывать русские большевики первых лет советской власти: общенародное государство с духовным человеком как идеалом и праведным правителем, выражающим волю прежде всего простого народа; принятие русско-космической, и прежде всего эколого-космической идеологии как государственной и официальной; ... привлечение к работе в эколого-информационном космическом центре всех наиболее просветленных людей России как главных выразителей воли Соборной народной Души и интересов широких масс россиян;

поддержка всех партий и общественных объединений на территории России...” (с. 195).

Ну а как же быть с красным террором, развязанным Лениным, или с массовым уничтожением храмов и избие-нием священников, чем активно занимались большевики-ленинцы? Неужели на эти изуверства им тоже указали русские космисты?

Как всегда, досталось бедным евреям. Их негативной роли в книге уделено немало страниц. Оказывается, они создали свой центр в Академии наук СССР, а затем в Российской Академии наук, и способствовали развалу Советского Союза. Подобным забиты различные антисемитские издания типа журнала “Молодая гвардия”. Но автор копнул значительно глубже: “Однако успехи России на поприще добра, дружбы и духовного единения племен и народов обратили на себя внимание колдунов темной расы, центр которых переместился в Западную Европу, реализовав себя в виде корпорации “сионских мудрецов” — ростовщиков-банкиров, обладающих несметными сокровищами мира. Уже в XV веке они направили в Россию свой десант (в виде богатых польских купцов-евреев) для разрушения духовной целостности Святой Руси. Но русский народ, защищенный светлой национальной русско-православной верой, отринул этот десант, осудив поучения миссионеров иудаизма как ересь жидовствующих.

Но черные силы не переставали атаковать Святую Русь и при Петре I добились ощутимых успехов” (с. 96-97).

Комментарии, как говорится, излишни. Выдающийся русский философ Николай Бердяев заметил по поводу подобного: “Ничего так не искажает человеческую природу, как маниакальные идеи. Если человеком овладевает идея, что все мировое зло в евреях, масонах, большевиках, еретиках, буржуазии и т. д., то самый добрый человек превращается в дикого зверя”.

Не могу согласиться еще с одним утверждением Г.Н. Молоканова. Он на-

кинулся на известного русского историка Л.Н. Гумилева, заявляя, что его теория этногенеза “не просто ошибочная, а глубоко безнравственная, русофобская, вредная и опасная своей наукообразностью, тонкой дезинформацией истинны, полуправдой, которая, как известно, более опасна, чем ложь. Ее подняли на щит ради оправдания государственной политики уничтожения русской нации и взращивания национальных амбиций малых народов” (с. 39).

Однако почему Г.Н. Молоканов считает, что гумилевская теория этногенеза направлена против русской нации? Этого у Л.Н. Гумилева в его трудах нигде нет. Кстати, подобной бездоказательностью страдают многие заявления Г.Н. Молоканова.

Ну а теперь о главном. Центральной идеей рецензируемой книги является утверждение автора, что русский экологический космизм может стать “нитью Ариадны” для выхода России из экологического кризиса.

“Русский экологический космизм” — изобретение Г.Н. Молоканова. На самом деле речь идет о “русском космизме”, невлиятельном религиозном и утопическом течении среди некоторых русских философов конца XIX — начала XX вв. Однако, что касается “экологичности”, то ей и не пахнет в русском космизме. Наоборот, многие взгляды “русских космистов” содержат грубый антропоцентризм, невежественность и антиэкологичность.

Среди “русских космистов” Г.Н. Молоканов часто называет “отца” русской космонавтики К.Э. Циолковского. Но знает ли Г.Н. Молоканов, что в своих трудах К.Э. Циолковский часто говорил о необходимости уничтожения многих видов животных, которых отец космонавтики именовал “вредными” для человека (см. К. Циолковский, Растения будущего. Животные космоса. Самозарождение, Калуга, 1929).

Недалеко ушел и другой обожжаемый Г.Н. Молокановым “русский космист” — второстепенный философ Н.Ф. Фе-

доров. Недаром известный “борец с природой” Максим Горький любил повторять за последним, что свобода людей без власти над природой то же самое, что освобождение крестьян без земли.

А теперь обратимся к законам “современной глобальной нравственности”, цитируемым Г.Н. Молокановым.

- “Береги биосферу, охраняй своих “младших братьев”;
- “благоговение перед всякой жизнью — закон для нормального человека”;
- “соизмеряй свои свободы и права с более высоким правом ноосферы на сохранение своих саморегулирующих функций” (с. 43).

Я обеими руками поддерживаю эти заповеди. Насколько понимаю, согласен с ними и Г.Н. Молоканов. Однако как же быть, они ни коим образом не увязываются с приведенными выше взглядами “русских космистов” Н.Ф. Федорова и К.Э. Циолковского. По-видимому, автор не совсем серьезно проработал этот вопрос и его многие заявления и выводы эклектичны.

Теперь о В.И. Вернадском и его теории “ноосферы”. Во многих советских и постсоветских трудах по экологии теория ноосферы выдается чуть ли не как панацея от всех бед. Вот и Г.Н. Молоканов пишет: “В учении В.И. Вернадского о ноосфере сконцентрированы главные экологические идеи русских космистов. Ноосфера, в его понимании, это такое состояние биосферы, когда Разум получит возможность управлять развитием биосферы в интересах Человека и Космоса” (с. 151).

Однако мне кажется более приемлемым взгляд современного русского философа В.А. Кутырева, который подверг критике теорию ноосферы (В.А. Кутырев, 1994, Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород, изд-во “Нижний Новгород”, 199 с. Главу из его книги см. “Гуманитарный экологический журнал”, 1999, № 1).

Действительно, насколько человеческому разуму можно доверять преобразование биосферы? Ведь по большому сче-

ту, к чему бы ни прикасался в природе человек, все теряет свое совершенство.

Учение о ноосфере не предполагает существования независимой, отличной от человека дикой природы, ее диких, неуправляемых процессов. Но дикая природа — это то, что развивается самостоятельно и не нуждается в “ноосферной” подсказке со стороны. Мы должны не возделывать дикие земли, а давать дикой природе возможность идти своим путем. Думаю, что Г.Н. Молоканов со мной согласится, что научно управляемая дикая природа так же невозможна, как дикая жизнь в зоопарке.

Учение о ноосфере — такой же избыточный миф, как и учение о коммунизме.

Теперь о том, что мне понравилось в книге, что я особенно хотел бы подчеркнуть. Я полностью согласен с автором, что в современной природоохране необходимо обращение к религии, духовное обновление. Автор не замыкается только на христианстве, справедливо подчеркивая необходимость сотрудничества и с другими религиями. На мой взгляд, перспективны язычество и буддизм, наиболее экологичные религии.

С большим интересом читатели книги узнают об экологических идеях Даниила Андреева. Это наиболее сильная часть книги Г.Н. Молоканова. Жаль только, что экологическому анализу “Розы мира” Г.Н. Молоканов посвятил гораздо меньше страниц, чем разоблачению “иудейского засилья”.

Г.Н. Молоканов написал книгу, в которой постарался найти выход для России из экологического кризиса. Однако “русский космизм”, выбранный им как главная теоретическая база в борьбе за охрану природы и окружающей среды, навряд ли может таковым считаться. Явно сомнительными могут считаться и многие ценности, предложенные автором. Так, антисемитизм — это совсем не то, что рекомендуется брать с собой в дорогу.

В.Е. Борейко

Дискуссии о судьбе природоохранных традиций прошли в Подмосковье

В июне 1999 г. состоялся украинско-российский семинар “Культ природы и ее охрана. Развитие темы 3 Пан-Европейской стратегии сохранения биологического и ландшафтного разнообразия” (фото 1). Семинар проводился Киевским эколого-культурным центром на базе экостанции “Костенев Ям” (Талдомский район Московской области) при организационной поддержке Е.А. Симонова, Кольского филиала Центра охраны дикой природы, Культурно-экологического объединения “Китоврас” и финансовой поддержке фонда МакАртуров. Он был посвящен экологическим традициям, верованиям и фольклору, перспективам их развития и применения в практике охраны природы, и включал в себя две основные части. Заранее участникам было разослано “Приглашение к диалогу”, в котором организаторы семинара обозначили круг вопросов и возможных тем для дискуссий (см. ниже).

5-8 июня прошла рабочая встреча специалистов, работающих по данному направлению. Эта часть была посвящена активным способам взаимодействия; выработке и согласованию позиций, дискуссиям и “круглым столам”. В вечернее время проводилась демонстрация фильмов, слайдов и видеозаписей участников об их работе по конкретным объектам и традициям.

В частности, была обсуждена статья В. Борейко “Божественное в природе: попытка анализа и религия охраны природы” (см. в этом номере журнала). Вот несколько высказываний, иллюстрирующих ход дискуссии.

Лариса Коппель, Московский шаманский центр: “Природоохранная религия — это не новая религия, а возвращение к истокам”.

Евгений Симонов, менеджер эко-

станции “Костенев Ям”: “Надо говорить не о религии природоохраны, а о проявлении культа почитания природы в современном природоохранном и других сообществах. Интересно было бы также выяснить следующие вопросы:

— Почему в культурах и у индивидуумов возникает ощущение святости природных объектов и различных форм почитания природы.

— Каковы перспективы формирования природоохранной религии в современном сообществе”.

Вадим Лихачев, Ревдинский краеведческий музей: “Обряд, ритуал — это тоже способы вызвать вспышку космического сознания, а не только посещение дикой природы”.

Юлия Саяпина: “Если мы говорим о религии, то надо говорить о целостной картине мира. Пока таковой нет, говорить о какой бы то ни было природоохранной религии — рано”.

Некоторое представление о полемике можно также получить из отдельных выступлений участников семинара в ходе дискуссии “О взаимоотношениях общества и природы и возникновении, роли, дальнейшей судьбе природоохранных традиций”.

Вадим Лихачев: “Как мы себя ощущаем в этом мире? Какие границы проводим? Возьмем, например, границу тела. В ряде религий этой границы нет.

При рождении человек имеет нижний уровень разделения. Точнее, этого разделения нет вообще. Этот же уровень, кстати, является базовым для всех мировых религий. Затем человек данное единство теряет. Но может к нему возвращаться, в частности, при помощи обсуждаемых на данном семинаре экологических традиций и обрядов, ко-

торые являются своего рода дверью в это состояние. [Кажется бесспорным, что такой возврат возможен со второго уровня, но возможно ли это в отношении более “высоких” уровней? — О.Л.].

На следующем уровне начинает появляться первая граница. Она преодолевается при помощи шаманов, например, которые могут служить посредниками между двумя частями этого уровня. Четвертый уровень является уже опасным и дестабилизирующим”.

Илья Матюшкин, консультант Эколого-просветительского центра “Заповедники”: “Отношение человека и социума к природе будет отличаться. К тому же разные сообщества по отношению к природе по этому фактору надо разделять на традиционные (неиндустриальные) и индустриальные (потребляющие природу). В основе неиндустриальных лежит разрыв традиций, связанный с технологиями, происходит ломка их на протяжении одного поколения. То есть имеет место разрыв и территориальный и духовный”.

Ольга Галчинова, Фольклорный клуб, Нижний Новгород: “Насколько человек зависим от окружающей среды, так он к ней и относится. А разрыв традиций возникает вследствие очень большого расстояния между производителем и потребителем”.

Максим Кучинский, “Хранители радуги”: “Для понимания данного вопроса очень важно рассмотреть способ трансляции знаний. В современном обществе мы имеем дело с выхолащиванием знанием. Раньше знание было субъективным (традиционным). Оно передавалось от Мастера к Ученику способом приобщения (участия) и Ученик получал знание о самой среде.

Фото 1. Участники семинара.

Затем появилось “объективное знание”, оторванное от объекта, его передающего. Рациональное мышление уводит от религиозного мышления, создает барьер. Именно поэтому так увеличился разрыв между человеком и природой после массового физического уничтожения носителей традиционного знания в советское время”.

Константин Кобяков, Кольский филиал Центра охраны дикой природы: “Мы не только изучаем традиции и сохраняем их, мы своей работой сами творим миф о природоохранных традициях и необходимости их сохранения”.

Юлия Саяпина: “Гармония во взаимоотношениях человека и природы пропадает, как только люди получают возможность покорять природу (природа перестает “давить”, они перестают жить трудной жизнью). Процесс отрыва от традиций, корней — необратим”.

Вадим Лихачев: “Идет возврат к традициям у нас, возврат к традиционной культуре идет и в западных цивилизациях тоже”.

8-9 июня состоялся семинар для широких кругов общественности “Охрана природы в народных традициях”. Кроме участников первой части, здесь были также представители различных

Фото 2. Празднование 100-летия вербы.

природоохранных и просветительских организаций, интересующихся тематикой семинара и применением его результатов в практической деятельности. Была проведена экскурсия по ознакомлению с местным экологическим фольклором. Состоялось празднование дня рождения 100-летней вербы, произрастающей неподалеку от экостанции “Костенев Ям”. На этот праздник был приглашен детский фольклорный коллектив Талдомского лицея и все жители деревни Костенево (фото 2).

По окончании семинара его участники высказали мнение о состоявшихся дискуссиях и предложения по повестке дня будущих встреч по данному направлению. Вот некоторые из них.

Вадим Лихачев: “Хотелось бы больше внимания уделять психологии, в частности, сопоставить современное сознание людей с сознанием хранителей традиций. Нужно наметить пути трансформирования сознания современного человека в сознание хранителя традиций”.

Ирина Зайцева, Кольский филиал Центра охраны дикой природы: “Важно не только делиться практическим опытом, но и обсуждать вопросы идеологии данного направления”.

Сергей Шапхаев, Бурятское региональное отделение по Байкалу: “Хотелось бы понять, где грань, которая отделяет традицию от нетрадиции”.

Александр Жуков, Тоншаевский государственный краеведческий музей: “Надо было делать упор на конкретные материалы и дискуссии по ним. А теории — поменьше”.

Юлия Саяпина: “Я ехала сюда с тем, чтобы получить представление

о смысле изучения и применении культура(ов) природы, но должна честно сказать, что я его здесь не получила. Единственный пока понятный мне смысл — возможность манипулировать с их помощью отношением граждан к различным природным объектам, как это делает, по моему мнению, Киевский эколого-культурный центр. Из вопросов на перспективу — на каком уровне сохранять традиции”.

Ирина Протопопова: “На этом семинаре выявлен ряд проблем, решение которых важно для дальнейшего развития данного направления. Это проблема механизма трансляции традиций, выяснение вопроса “Что такое традиционная экологическая культура” и проблема формирования природоохранного сознания”.

Константин Кобяков: “Заявленные цели не достигнуты”.

Евгений Симонов: “Ряд присутствующих не стал включаться в обсуждение темы о природоохранной религии, ссылаясь на то, что они не являются специалистами. Но таких специалистов и нет. Поэтому именно природоохранникам, культурологам, психологам, специалистам по культурам и обрядам, которые как раз здесь и присутству-

ют, и предстоит разобраться всем вместе в этой проблеме”.

Надежда Доманова, ISAR-Москва: “Я могу выделить четыре направления по итогам семинара и после знакомства с его участниками. Первое — это изучение традиций. Второе — использование традиций в воспитании школь-

ников. Третье — формирование общественного мнения с использованием традиций и манипуляция им. И четвертое — планомерное крупномасштабное применение традиций для выполнения природоохранных проектов”.

О.Г. Листопад

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ (УЧАСТНИКУ СЕМИНАРА “КУЛЬТ ПРИРОДЫ И ЕЕ ОХРАНА”)

Общие задачи семинара

Широко известно, что как в древние времена, так и ныне, взаимосвязь человека с природой не ограничивается лишь рациональным, в частности, хозяйственным взаимодействием. Народ или община, долгое время живущие в конкретном природном окружении, создают сознающие это окружение традиции, испытывают культурные переживания, включающие сакральный элемент, чувство мистического уважения к природе и ее объектам — либо непосредственно, либо осознавая природу как творение и место присутствия высшего Божества.

Отразивший эти представления комплекс верований, обрядов, бытовых привычек, произведений фольклора, религиозных представлений назван нами здесь условно “культурой природы”. Мы не апеллируем, однако, лишь к языческому элементу этого культа, так как мировые религии по-новому осмысливают древние традиции и создают свои ритуалы по отношению к природе. Современная охрана природы, экологическое просвещение не только учитывают эти традиции, но и все шире включают в свой арсенал. Однако многие даже самые общие проблемы целей и методов подобной работы остаются неясными для широкой природоохранной аудитории, энтузиасты в этой области

действуют изолированно, на свой страх и риск, подвергаясь нападкам как “мистики” или “непрофессионалы”. С другой стороны, многие этнографы, фольклористы, специалисты других областей также подходят к осознанию важнейшей роли природной среды в формировании этносов, традиций и фольклора, к пониманию значения этих традиций в современности, соприкасаясь, в свою очередь, с мало известной им областью экологии и охраны природы. В этой связи особенно актуальным является не только объединение наших сил, но развитие взаимно обогащающего диалога между специалистами разных областей знаний и людьми различных убеждений, между этнографами, биологами, фольклористами, экологами, природоохранниками, религиозными деятелями, хранителями традиций. Вопросы семинара стоят на стыке сохранившихся, возродившихся и развивающихся верований и практической охраны природы.

Как приглашение к диалогу, ниже более детально разрабатываются вопросы, которые предполагается затронуть на семинаре. Мы предлагаем выбрать наиболее интересные Вам вопросы и предложить свою интерпретацию (желательно, на конкретном материале Вашего региона и Вашей работы). Конечно, приветствуется также выдви-

жение и обсуждение других вопросов в общем русле семинара.

1. Важной задачей подготовки и проведения семинара является более четкое определение интересующего нас предмета. На конференции в Киеве (“Любовь к природе”, 1998) этот предмет был назван Николаем Морохиним этнософией — мудрость, заключенная в народных традициях и фольклоре. Что же такое этнософия? Какие именно традиции, фольклор наиболее важны для нас? Как именно они в современных условиях связаны с природой и ее охраной? По одной из точек зрения, есть некие культурные, и в том числе мистические представления людей об окружающей их природе, как вообще, так и о совершенно конкретном природном окружении конкретной общины. Частным следствием этого являются те или иные традиционные действия (или отказ от действий/запрет на них), способствующие охране природы. Не менее важно, что помимо конкретных действий сама система представлений о природе имеет некий природоохранный элемент. Например, существование в культуре различных народов почитаемых природных объектов — “природных святынь” — кажется нам крайне важным для экологического просвещения. Распространенная среди части природоохранников установка, что одно — “экологические традиции и фольклор”, нужно нам исключительно для другого — “практическая охрана ценных природных объектов”, слишком упрощает картину. Речь идет о взаимном влиянии как мира верований на практическую охрану природы, так и современной природоохранной и, шире, природопользовательской деятельности на мир верований. О взаимодействии с разнообразными результатами как для охраны природы, так и для культурного, религиозного, духовного мира человека. Надо иметь в виду, что значительная

часть природоохранного сообщества тоже потенциально является объектом изучения “этнософии”, ибо творит свою мифологию, свои традиции. Видимо, большинство индивидов и ни одно общество не свободны от иррациональных взглядов на природу. Обе основные соприкасающиеся на нашем семинаре области знания/деятельности очень консервативны — и этнология с фольклористикой, и охрана природы. Однако обе они взаимосвязано эволюционируют и эволюционировали всегда. И ландшафты, и культурная связь с ними меняются во времени. Для участия природоохранного сообщества в этом процессе было бы полезно представлять себе механизмы этих взаимосвязанных изменений и их основные движущие силы.

2. Второй важнейший вопрос связан с практическими следствиями представлений людей о мистических свойствах отдельных природных объектов, конкретных природных ландшафтов для того или иного управления этими объектами и ландшафтами. И с возможными манипуляциями с этими представлениями в целях охраны природы. Речь идет о популяризации, интерпретации и переизобретении верований и традиций в современных условиях: границы допустимого, идеология, методология, технологии, деятельности. Имеется представление, что нужно как можно шире использовать “природоохранные” народные традиции и фольклор в охране природы и экологическом просвещении, при этом опуская и даже борясь с “антиприродоохранными традициями”, изобретая новые обычаи и верования. Существует, однако, и такая точка зрения, что нельзя “манипулировать” культурой в каких угодно целях, в особенности нельзя манипулировать “чужой” культурой (а культура, включающая серьезные “мистические свойства природных объектов”, для большинства из нас явля-

ется все-таки уже чужой). По этим представлениям, стоит наконец разграничить для нашего влияния “старую традицию” и “новую культуру”. Для упрощения мы можем структурировать наши рассуждения следующим образом, поставив два вопроса: откуда мы берем материал “для влияния” и на что мы влияем.

1. Откуда берем древние традиции; носители; современная (городская) культура.

2. На что влияем; сохранившиеся древние традиции, их современная культура.

Здесь возможно провести как прямые, так и перекрестные стрелки. По вышеприведенной точке зрения, из старины (все еще существующей архаичной культуры) мы можем только черпать традиции, верования и прочие явления. Но не “влиять” на нее — по двум соображениям. Во-первых, намеренное влияние на культуру извне является насилием, а мы, люди городской культуры, выступаем здесь в роли внешней силы. Во-вторых, таким образом происходит искажение традиций, и добраться до их сути (в том числе экологической) все более сложно.

Однако широчайшее поле деятельности открывается для экологизации современной городской культуры с помощью древних традиций. Конечно, влияние это не прямое: мы не собираемся механически переносить традиции и тем более верования на чуждую им почву (более того, в большинстве случаев это невозможно: например, используя внешнюю форму традиций, мы искажаем их суть). Однако внимание и интерес к ним, изучение и деликатная популяризация могут “оживить” содержащуюся в них экологическую мудрость, вновь сделать ее значимой.

Конечно, даже изучая и осмысляя традицию, мы уже осовремениваем ее, делаем частью нынешней жизни. Остается открытым очень важный вопрос, можем ли черпать традиции также из нашей собственной (городской, современной, письменной) культуры, желая влиять в определенном направлении на современность же. Здесь лежит широкая все еще не возделанная природоохранниками нива: мистические представления о природе в городской культуре. Есть ли они? В этом же русле — и вопрос о взаимодействии с современными религиозными системами, который, мы надеемся, также будет затронут на семинаре.

3. Третий важнейший вопрос — как современная практика охраны природы и другие области природопользования влияют на традиционные представления о природе. Здесь можно привести простой пример: создание охраняемых природных территорий (заповедников, национальных парков, заказников) часто влияет на доступ к святыням и возможности их традиционного использования, что несомненно должно налагать отпечаток как на сами эти представления, так и на отношение к охране природы. Более сложный пример на ту же тему — формирование местнического, национального, общинного, патриотического самосознания может включать и развивать те или иные конкретные культовые и культурные представления о природе и ее конкретных объектах. Все это может способствовать и не способствовать как экологическому просвещению, так и развитию “этнософии” конкретного народа и общины.

К диалогу приглашали
Е.А. Симонов, И.В. Зайцева

Конференция “Экологический образ жизни”

Конференция состоялась 22-29 августа 1999 г. в горном поселке Мезмай (Краснодарский край, Апшеронский район). На ней присутствовало около 50 человек из 9 городов СНГ (Краснодар, Челябинск, Казань, Киев, Пенза, Москва, Туапсе, Майкоп, Геленджик).

Организаторы конференции — Краснодарское отделение СоЭС и секция “Экологической этики и стратегии выживания человечества” Международного СоЭС при участии СоЭС Адыгеи и Кубанской Народной Академии. Конференция проводилась в рамках проекта “Мост-2000”, который предполагает создание сборника материалов по экологическому образу жизни с программой преодоления экологического кризиса. Этот сборник должен стать заветом старших поколений второго тысячелетия новым поколениям третьего.

Одной из главных задач данной конференции было собрать рабочий коллектив по подготовке книги “Экологический образ жизни”, концептуально проработать содержание книги. Предполагается, что это будет только первый том некоей энциклопедии, создание которой продолжится в следующем веке. Она будет включать множество разделов: констатация современного положения; перечень всего того, что люди делают, а этого делать нельзя (каталог экозапрещенных дел); перечень того, что нужно делать, чтобы изменить ситуацию; перечень экономических источников для экологической перестройки общества; свод норм экологической этики и многое другое.

Кроме того, в тематику конференции были включены темы коммунистического образа жизни, альтернативных сообществ, экологически поселенных, неформальных систем.

На конференции был заслушан целый ряд докладов. Многие докладчики оставили материалы своих выступлений для дальнейшего включения в книгу по экологическому образу жизни.

Представитель Казанского отделения СоЭС С.Г. Мухачев в своем докладе выдвинул два предложения: Кубанской Народной Академии взять на себя инициативу по созданию словаря экологических терминов к книге “Экологический образ жизни”, а СоЭС — продолжить работу по сбору и систематизации тезисных материалов. Каждому автору тезисов рекомендовано дописать свою расшифровку всех новых экологических терминов, которые были ими введены. Эти предложения поддержаны участниками конференции.

В одном из пунктов принятой резолюции отмечена необходимость доработки коллективной книги-справочника “Экологический образ жизни”.

Всем, кто пожелает направить свои материалы для включения в книгу-справочник “Экологический образ жизни”, сообщаем контактный адрес:

Россия, 420066, г. Казань,
а\я 302, Сергей Мухачев.
e-mail: odop@odop.kazan.ru

О.А. Яцеленко

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.

Выходит 2 раза в год. Формат 70 x 100/16. Тираж 600 экз. Усл. печ. л. 7,74.

Печать офсетная. Подписано в печать 21.01.2000 г. Заказ № 12.

Напечатано с готовых диапозитивов в МКП “Склавия-94”, г. Черновцы, ул. Головна, 198а.

СОДЕРЖАНИЕ

Наука и публицистика

Козлов В.И. Рыбы в сказаниях народов мира	3
Грищенко В.Н. Сравнение образов орла и белого аиста в народных верованиях	11
Литература по теме: “Птицы в народных верованиях”	14
Черкашин А.К. Степень ответственности за жизнь	15

История охраны природы

Штильмарк Ф.Р. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе	25
--	----

Религия

Борейко В.Е. Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы	38
---	----

Экодайджест

Кэлликотт Б. Природоохранные ценности и этика	40
---	----

Из отечественной классики

Каптерев П.Ф. Воспитание у детей любви к природе при помощи эстетического и нравственного чувств	68
Петров О.В. Проблемы этико-эстетического воспитания в природоохранном контексте педагогического наследия П.Ф. Каптерева	69
Курбатов В.Я. Естественные парки и охрана природы	71
Яценко И.И. Эстетическая охрана лесов и лесоустройство	72
Семенов-Тянь-Шанский А.П. Задачи момента в деле охраны природы в России	83

Художественный уголок

Пузанов И.И. Сокрушение кумиров	85
---------------------------------------	----

Критика и библиография

Никуленко Е.В. Важный вклад в развитие экологической этики	87
Борейко В.Е. Дорога в никуда	89

Хроника и информация

Листопад О.Г. Дискуссии о судьбе природоохранных традиций прошли в Подмосковье	92
Симонов Е.А., Зайцева И.В. Приглашение к диалогу (участнику семинара “Культ природы и ее охрана”)	95
Яцеленко О.А. Конференция “Экологический образ жизни”	98